

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

**№3
2025**

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644 от 10 августа 2015 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук (Перечень ВАК)
(по состоянию на 30.09.2025)
за № 418 по научным специальностям
и соответствующим им отраслям науки:
5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки)
6.0.0 – Военные науки

Категория журнала 2
(по состоянию на 01.01.2024 за № 927)

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ).

Выходит 4 раза в год на русском языке.
Распространяется в Российской Федерации.

Свободная цена.

Представляемые к изданию статьи проходят
обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооруженных Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
начальник ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Дерешко Богдан Юльевич,
заместитель начальника
ФГКУ «ВНИИ МВД России» (по научной работе)

Маликов Сергей Владимирович,
главный советник Управления по вопросам
государственной службы и кадров
Администрации Президента
Российской Федерации

Петров Валерий Георгиевич,
заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации – Главный военный
прокурор

Хомчик Владимир Владимирович,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель
Судебной коллегии по делам военнослужащих
Верховного Суда Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии:

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Заместитель председателя
редакционной коллегии:

Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Бертовский Лев Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор

Глазунова Инесса Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент

Дикарев Илья Степанович,
доктор юридических наук, доцент

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

Ласария Айнар Отариевич,
кандидат политических наук

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Никонович Сергей Леонидович,
доктор юридических наук, доцент

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор

Шкабин Геннадий Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент

Журнал ориентирован на публикацию
результатов научных исследований
по направлению –
военное право,
а также иных научных работ,
в которых рассматриваются вопросы
правового обеспечения обороны
и военной безопасности государства

Главный редактор:
Рыльская М.А.

Заместитель главного редактора:
Холиков И.В.

Научный редактор:
Глазунова И.В.

Ответственный редактор:
Ласария А.О.

Редактор:
Федулова Е.Г.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Б. Садовая, д. 14, стр. 1
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
<http://www.vumo.mil.ru>

Подписано в печать:
30 сентября 2025 г.
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ПРАВА

НИКИТИН А. Н., НИКИТИНА М. А.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ
НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ.....7

СИНЯЕВА Н. А.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВО ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
(МГП): ОТ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО
К СОВРЕМЕННЫМ ЛИДЕРАМ 14

ВОЕННОЕ ПРАВО

АУЛОВ В. К.

ВОЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
КЛЮЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ..... 22

ГЛЕБОВ И. Н.

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОБЕДЫ 28

КАРДАШ И. Л.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
В ИНТЕРЕСАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
С УЧЕТОМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА 35

ПЛАКСА В. Н.

ДИЛЕММА ТЕОРИИ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 43

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ГРАЧЁВА И. А., ЕЛИНА Е. В., ФЕДЯЕВ А. А.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЯМИ
ИСТОРИИ СРЕДСТВАМИ УГОЛОВНОГО ПРАВА (ЧАСТЬ 1)..... 50

ДИКАРЕВ И. С.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ 56

ЗАКОМОЛДИН Р. В.

ВОИНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ..... 60

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ЛАСАРИЯ А. О.

ПОНЯТИЕ «ЭТНИЧЕСКИХ» И «НАЦИОНАЛЬНЫХ» СООБЩЕСТВ
(В КОНТЕКСТЕ КОНВЕНЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГЕНОЦИДА) 65

ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЯ

МАЛИНА В. П.

О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 72

СЛИВИНСКАЯ Н. Ю.

ФОРМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ЗА НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ИЛИ ВЫДАВАТЬ, ИЛИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
(«AUT DEDERE AUT JUDICARE») 79

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЛИТВИНОВА С. Ф.

ДИХОТОМИЯ ПОНЯТИЯ «ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ БАЗА» 86

НОВОЕ В ВОЕННОМ ПРАВЕ

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ
И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА 93

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

NIKITIN A. N., NIKITINA M. A.

THE ORIGINS OF MILITARY CRIMINOLOGY
IN THE ANCIENT EAST7

SINYAEVA N. A.

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE LAW OF ARMED CONFLICT:
FROM GREAT THINKERS OF THE PAST
TO MODERN LEADERS 14

MILITARY LAW

AULOV V. K.

US MILITARY CRIMINAL JUSTICE AND THE UK: KEY PARAMETERS
OF THE CURRENT STATE22

GLEBOV I. N.

THE LAWS OF WAR AS AN INSTRUMENT
OF VICTORY28

KARDASH I. L.

TOPICAL ISSUES OF POST-CONFLICT SETTLEMENT IN THE INTERESTS
OF A SPECIAL MILITARY OPERATION, TAKING INTO ACCOUNT DOMESTIC
HISTORICAL EXPERIENCE35

PLAKSA V. N.

THE DILEMMA OF THE THEORY OF SPACE LAW AND THE MODERNITY
OF MILITARY SPACE ACTIVITIES43

CRIMINAL LAW SCIENCES

GRACHEVA I. A., ELINA E. V., FEDYAEV A. A.

THE STATE AND PROSPECTS OF COMBATING FALSIFICATION
OF HISTORY BY MEANS OF CRIMINAL LAW (PART 1).....50

DIKAREV I. S.

THE THIRD STAGE OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS.....56

ZAKOMOLDIN R. V.

MILITARY CRIME DURING A SPECIAL
MILITARY OPERATION.....60

LEGAL SECURITY

LASARIYA A. O.

THE CONCEPT OF «ETHNIC» AND «NATIONAL» COMMUNITIES
(IN THE CONTEXT OF THE CONVENTION ON THE PREVENTION
OF GENOCIDE) 65

APPLICANT'S TRIBUNE

MALINA V. P.

ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE
FOR THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS 72

SLIVINSKAYA N. YU.

COMPENSATION FOR VIOLATION OF INTERNATIONAL OBLIGATIONS
(ON THE EXAMPLE OF INTERNATIONAL OBLIGATION TO EXTRADITE
OR PROSECUTE "AUT DEDERE AUT JUDICARE") 79

POINT OF VIEW

LITVINOVA S. F.

THE DICHOTOMY OF THE CONCEPT OF "FOREIGN MILITARY BASE" 86

NEW IN MILITARY LAW

REVIEW OF CHANGES IN LEGISLATION ON MILITARY SERVICE
AND STATE SECURITY 93

НИКИТИН А. Н., НИКИТИНА М. А.

NIKITIN A. N., NIKITINA M. A.

ЗАРОЖДЕНИЕ ВОЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW
THE ORIGINS OF MILITARY CRIMINOLOGY IN THE ANCIENT EAST

Никитин Алексей Николаевич,

доктор юридических наук, профессор
Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: profnikitin@mail.ru

Nikitin Alexey Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor
Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: profnikitin@mail.ru

Никитина Мария Алексеевна,

старший научный сотрудник
Всероссийский научно-иссле-
довательский институт МВД России
E-mail: m.nikitina_official@mail.ru

Nikitina Maria Alexseevna,

Senior Researcher at the All Russian
Research Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: m.nikitina_official@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется криминологическая мысль Древнего Египта, Вавилона, Иудеи, Индии, Китая, ее возникновение и развитие. Авторы статьи отмечают роль религии и жрецов в этом процессе, раскрывают особенности формирования военной криминологии, ее влияние на организацию и боеспособность вооруженных сил древневосточных государств.

Annotation. The article investigates the emergence and development of criminological thought in ancient Egypt, Babylon, Judea, India and China. The authors of the article note the role of religion and priests in this process, reveal the peculiarities of the formation of military criminology, its influence on the organization and combat effectiveness of the armed forces of ancient states.

Ключевые слова: закон; социальный контроль; судебная практика; государственное принуждение; система наказаний; армия; воинская дисциплина; военная криминология; дезертирство.

Key words: law; social control; juridical practice; state coercion; system of punishments; army; military discipline; military criminology; desertion.

Возникновению криминологии, науки о преступности и личности преступника, предшествовал длительный период накопления информации древними мыслителями. Ю. М. Антонян и С. М. Иншаков считают, что начало этому процессу положили Сократ, Платон и Аристотель. Их наблюдения, выводы и суждения не теряют

актуальности и сегодня. При этом следует отметить, что произведениями этих античных авторов не исчерпывается содержание криминологической мысли Древнего мира. До сих пор не изучен вопрос преступности в вооруженных силах на Древнем Востоке, его становление и развитие. Здесь государства и армии возникли зна-

чительно раньше, чем в бассейне Средиземного моря.

Первые государственные образования, номы, фактически протогосударства, появились в Египте еще в IV тысячелетии до н. э., тогда как античные города-государства лишь спустя два тысячелетия. К этому времени перечень антиобщественных проявлений в поведении населения древневосточных государств оформился отчетливо, был весьма значителен и продолжал расти. Первыми их опасность осознали жрецы. Служители культа благодаря своей профессиональной деятельности хорошо изучили природу человека и, чтобы нейтрализовать отрицательные ее стороны, стали создавать систему социального контроля, основанную на религии.

В Египте важнейшие элементы этой системы зафиксированы в «Книге мертвых». Изначально книга существовала в изустной форме, но позже была написана на пергаменте. Согласно ее учению душа человека после смерти переселяется в иной мир. Там она предстает перед Загробным Судом, состоящим из богов Великого и Малого Сонма, и произносит оправдательную речь. Умерший должен перечислить все свои грехи и клятвою заверить суд, что не совершал их. Отрицание грехов являлось центральным пунктом системы социального контроля. Грехов же насчитывалось более 100, причем некоторые повторялись: «творил зло», «обращался с презрением к богу своего города», «действовал мошеннически».

Список грехов начинался с утверждения, что умерший не совершал их против людей, т. е. общества, не противостоял семье и роду. Девятым в перечне было заверение: «не преуменьшал бога» [2, с. 260].

Интересен факт: в отношении царя существовало более 100 грехов, однако наиболее страшными были два – колдовство и проклятие с помощью колдовства; против бога, жрецов и их имущества – свыше 20. Некоторые деяния имели социальное содержание: «лишал обманом бедного человека его имущества», «поносил раба перед его господином». Подавляющее большинство деяний относилось к области этики и морали: «обманывал», «повышал голос», «произносил проклятия (ругательства)», «был глух к словам правды», «действовал

с нетерпимым оскорбительным высокомерием».

Значительным был список грехов, составивших в дальнейшем ядро уголовных преступлений: грабеж, кража, убийство, нарушение закона и т. д.

После произнесения оправдательной речи душа взвешивалась на Весах Двух Истин. Если умерший лгал, отрицая свой грех, указатель весов отклонялся. Если же чаши весов оставались в равновесии, умершего признавали «правогласным» [2, с. 36–37].

Однако на этом испытания не заканчивались, хотя результаты взвешивания принимались во внимание при вынесении окончательного вердикта. «Если приговор был обвинительным, то сердце умершего отдавалось на съедение ужасной богине Амме («Пожирательнице») — чудовищу с телом гиппопотама, львиными лапами и гривой и пастью крокодила. Если приговор оказывался оправдательным, все оболочки умершего отправлялись в Святая Святых Храма Двух Истин, к престолу Осириса» [2, с. 37]. Осирис объявлял о прибытии умершего, очищенного от всяких грехов и причисленного к лику святых.

С помощью «Книги мертвых» египетские жрецы осуществляли превентивную и воспитательную функции, тем самым утверждая порядок в обществе. В главе «Обращение к богам Дуата» ими даже было дано описание праведной жизни, какую надлежало прожить каждому египтянину: «Не проклинал бога и случайно совершенное зло не пало на того, кто был царем в тот день. Не совершал греха, не творил мошенничества, не причинял вреда, не лжесвидетельствовал, жил истиной, питался правдой, претворял распоряжения людей и вещи, которые угодны богам. Умилостивлял бога, творил его волю, дал хлеб голодному человеку, и воду тому, кто жаждал, и одежду нагому человеку, и паромную ладью тому, кто не имел лодки. Совершил умилостивительные жертвоприношения и «вещи, которые появляются по слову, духам» [2, с. 272]. Человеколюбие, честность, правдивость, богобоязненность, послушание составляли содержание праведной жизни. Только они, полагали жрецы, способны обеспечить людям мир, согласие, порядок. Не принуждение, а самоограничение лежало в основе праведной жизни.

Имеются основания полагать, что в начальный период существования древнеегипетского государства «Книга мертвых» оказывала сдерживающее влияние на поведение египтян. Со временем вследствие утраты многими из них страха перед наказанием божьим (свидетельством чему может являться разграбление гробниц фараонов еще в древности) система социального контроля, основанная на религии и самоограничении, перестала быть эффективной. Она даже не обеспечивала защиту самих жрецов, их имущества. В результате фараоны активнее стали использовать государственное принуждение. Оно тоже основывалось на страхе наказания, но не после смерти виновного, а еще при жизни, грозило воздействовать, прежде всего, на его тело, причинить физическую боль и страдания, в том числе, посредством жестокой казни.

Так, фараон Сети I XIX династии (1337–1317 гг. до н. э.) издал декрет, грозивший суровыми наказаниями: 200 ударов и 5 рваных ран, отрезание носа и ушей и даже мучительную смерть – посадение на кол тем, кто совершит преступление против имущества храмов и людей, плативших подати жречеству. 100 ударов, отрешение от должности и отдача в работники храмовому хозяйству ожидали судей, игнорирующих жалобы этих людей [9, с. 7–12].

Рост преступности способствовал развитию в Египте уголовного права и зарождению криминологической мысли. В декрете Сети I описаны не только виды преступлений, но и категории населения, их совершившие. Из текста документа следует, что в основном это были подданные фараона, состоявшие на государственной службе, в том числе военной — начальники отрядов и солдаты. Преступления ими совершались, как правило, во время исполнения своих служебных обязанностей, поэтому представляли особую опасность. Глава государства хорошо понимал необходимость обеспечения общественного порядка, защищая жрецов, хотя с ними у него были сложные отношения, он сурово наказывал даже тех, кто составлял опору его власти. Известно, что в Египте существовали военные суды.

Вторым по времени возникновения очагом цивилизации на Древнем Востоке стала Месопотамия (Двуречье), территория

между реками Тигр и Евфрат. В данном регионе существовал и одновременно, и сменяя друг друга, ряд государств: Шумер, Аккад, Древний, а затем Новый Вавилон, Ассирия, Элам, Хеттская держава и др. В каждом создавались свои законы, но при этом в законотворчестве присутствовали некоторые общие подходы, в частности, декларировалось намерение утвердить справедливость в стране. Стремление же правителей государств Месопотамии освободиться от опеки жрецов, укрепить суверенитет своей власти способствовало относительно ранней, хотя и не полной секуляризации права, развитию уголовно-правовой и зарождению криминологической мысли.

Так, царь Древнего Вавилона Хаммурапи для обозначения преступников использовал не только религиозный термин «злые», но и правовой «беззаконные». Подобным же образом он сформулировал цель своей правоохранительной политики: «чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить беззаконных и злых, чтобы сильному не притеснять слабого» [9, с. 13].

В конце своего царствования Хаммурапи пришел к выводу, что его законы и судебные решения обеспечили порядок, процветание и справедливость в стране. Чтобы они действовали и после его смерти, пригрозил обрушить гнев богов и свое проклятие на того, кто их отменит. Хаммурапи опасался, что это может сделать кто-то из его преемников: «царь или владыка, или правитель, или какой бы то ни было человек, носящий имя» [9, с. 54].

Однако более значимым в данном фрагменте Законов царя Хаммурапи является признание самым тяжким грехом и преступлением деяния, направленного против основ общественного порядка – изменение действующих законов и отмена судебных решений.

Содержатся в Законах царя Хаммурапи права и нормы, прямо указывающие на зарождение в Древнем Вавилоне военной криминологии, в частности, статьи 26, 33, 34. 26-я устанавливала уголовную ответственность рядового воина за неисполнение приказа, 33 и 34-я — младших командиров за злоупотребление служебным положением. Санкции данных статей предусматривали смертную казнь, ибо

деяния виновных подрывали воинскую дисциплину и тем самым ослабляли бое-способность вооруженных сил. Очевидно, сознание этой опасности возникло у Хаммурапи в результате изучения положения в армии.

Имеются основания полагать, что в Древнем Вавилоне в связи с созданием наемной армии широкое распространение получили воинские преступления экономической направленности, в частности, незаконная продажа воинами государственного имущества (земельного участка, дома, поля, рабочего скота), предоставлявшегося им за службу и на период службы. Хаммурапи нашел оригинальное для II тысячелетия до н. э. решение данной проблемы. Во-первых, царь фактически объявил такие сделки купли-продажи юридически недействительными. Во-вторых, ее неблагоприятные последствия возложил на покупателя. Согласно статье 35 Законов царя Хаммурапи, тот терял отданные за покупку деньги, т. е. не становился собственником купленного имущества, оно возвращалось воину. Так, государство избавляло себя от необходимости тратить время и средства на розыск сбежавшего с деньгами воина, более того, у него была возможность вернуться и продолжить службу. Статья 36 была предупреждением незадачливым покупателям. Безусловно, она, как и другие, сходные с ней, появилась в результате зарождения в Древнем Вавилоне военной криминологии.

Современная историческая наука утверждает, что катализатором процессов, приведших к образованию государства в Египте и Вавилоне, явилось поливное земледелие. Народ Израиля переход от родоплеменного строя к государственному совершил без его участия, образно говоря «на марше», в период исхода из Египта, поиска и завоевания «земли обетованной». Указанная особенность государственного строительства способствовала формированию монотеизма. В свою очередь, вера в единого бога сыграла решающую роль в сохранении евреями своей идентичности, сплотила их, предотвратила ассимиляцию другими народами, стоявшими на более высокой ступени развития.

Тора – священная книга, основа существования еврейского народа отраз-

ила долгий трудный процесс утверждения единобожия и образования под его влиянием государственности.

Необходимо отметить, что народ Израиль стал богобоязненным не стихийно, естественным образом, а в результате угроз, многократно высказанных вождем Моисеем и священниками от имени бога. Приведем лишь два примера, зафиксированных в Торе: «Стал народ как бы роптать на Бога, и услышал Бог и возгорелся гнев его и загорелся у них огонь Бога и пожрал край стана и возопил народ к Моше и помолился Моше к Богу и погас огонь» [8, с. 237].

«И сказал Бог, обращаясь к Моше: «до каких пор будет гневить меня этот народ и до каких пор не поверят они в меня – при всех знамениях, которые Я совершил среди него. Поражу его мором и уничтожу его и произведу от тебя народ достойнее и многочисленнее его» [8, с. 242].

Более того, в Торе сказано, что бог уничтожил маловерующее поколение евреев: «И воспылил гнев Бога на Израиль, и водил он их по пустыне сорок лет пока не кончилось всё поколение, совершившее зло в глазах Бога» [8, с. 278].

Угрозы, правда, в не столь откровенной форме присутствуют и в первых трех заповедях Божьих в Декалоге (Десятисловии). Их нарушение – самый тяжкий грех и преступление, которые могут быть совершены иудеем. Следовательно, если в Древнем Вавилоне изменение действующих законов и отмена судебных решений, то есть разрушение основ существующего правопорядка было признано тягчайшим грехом и преступлением, то у иудеев и тем, и другим стало богохульство.

Евреи, находившиеся в Египте 430 лет, ощутили влияние представлений местного населения о потустороннем мире. Каббала тому подтверждение. К организации вооруженных сил египтян евреи проявили практический интерес. Сыны Израиля, покидая Египет, хотели найти и завоевать «землю обетованную» силой оружия, страну, которую Бог поклялся отдать их отцам. Тора свидетельствует: сыны Израиля «вышли из страны Египетской по ополчениям их под руководством Моше и Агарона» [8, с. 279].

Затянувшийся на десятилетия военный поход, сопровождавшийся кровопролитными сражениями, захватом пленных

и трофеев, помог созданию органов власти, включая судебные, организации вооруженных сил во главе с военачальниками, начальниками тысяч, начальниками сотен, «пришедшими из воинского ополчения» [8, с. 275].

Во время похода были установлены порядок и нормы распределения пленных и трофеев, в том числе определены размеры дани Богу. Согласно Торе «И было всего золота приношения, которое они принесли Богу, шестнадцать тысяч семьсот пятьдесят шекелей от начальников тысяч и от начальников сотен. Воины грабили каждый для себя» [8, с. 277].

Именно в данный период появился закон – неисполнение евреем приказа выступить на войну, что означало согрешить перед Богом. Реализация данного закона способствовала зарождению у народа Израиля военной криминологии. Несомненно, вера в своего единого вездесущего Бога помогла ему выдержать все испытания и достичь поставленных целей. Однако немаловажное, а в определенных случаях решающее значение имели военная организация и воинская дисциплина. Их поддержанию в надлежащем состоянии помогала, в том числе, военная криминология.

В научной литературе отмечено, что «еврейские историки по древности и постоянству в какой-то степени свои верования, обычаи и традиции сравнивают с индийскими и китайскими учениями. При этом еврейским народом особое место всегда уделялось и уделяется собственно законодательству, а не просто этическим учениям и философии» [6, с. 13]. В Индии и Китае наоборот первостепенное значение уделялось философским и этическим учениям. Они были обстоятельно разработаны жрецами, сыгравшими в своих странах важную роль в формировании государства в качестве его идеологов. Кроме того, в Индии брахманы непосредственно участвовали в осуществлении правосудия. Судебная практика способствовала их обращению к причинам преступности, вызвала желание понять и объяснить обществу мотивы криминального поведения, выработать меры противодействия ему, т. е. стимулировала развитие уголовного права и криминологической мысли.

Несомненным достижением древнеиндийских жрецов-брахманов следует признать создание ими «извечного правила жизни для всех варн» (страт), на которые делилось общество. Правила были записаны в священных книгах «дхармашастрах». Самой известной являлись «Законы Ману». Их авторство приписывалось Владыке, в данном случае Ману – мифическому прародителю и первопредку ариев и всего человечества.

«Извечное правило» находилось в неразрывной связи с распространенным в Древней Индии учением о переселении душ. Индусы в отличие от египтян считали, что душа умершего не попадает в царство мертвых, а переходит в иную телесную оболочку: в какую именно зависело от его поведения при жизни.

Следует отметить, что создатели «Законов Ману» не были последовательны. В главе 1 они утверждали: какое качество Владыка «установил для каждого при сотворении: зловредность или безвредность, мягкость или жестокость, дхарму или адхарму, правду или ложь – то само по себе проникло в него» [3, с. 27]. В главе 12, последней, признают способность человека руководить своим поведением: «Необходим контроль над словом, контроль над мыслями, а также контроль над делами, у кого в уме они утвердились, тот называется триндином. Человек, соблюдая этот тройственный контроль [над самим собой] по отношению ко всем живым существам, обуздывая желание и гнев, достигает благодаря этому полного успеха» [3, с. 475].

В то же время брахманы подчеркивали исключительное значение для обеспечения общественного порядка, защиты слабых наказания, налагаемого царем. Они были уверены: трудно найти человека «чистого», то есть бескорыстного, не способного совершить преступление. Поэтому о профессиональных преступниках высказывались крайне категорично: «Кроме наказания ничем невозможно обуздать преступления злонамеренных воров, тайно бродячих по земле» [3, с. 238].

Мягкость, проявляемая царем к преступникам, вызвала решительное осуждение: царь, «который прощает совершающего насилие, быстро идет к гибели и подвергается ненависти народа» [3, с. 323].

Вместе с тем жрецы Древней Индии выступали против чрезмерной, излишней жестокости наказания и настойчиво требовали соблюдать разработанный ими порядок рассмотрения судебных дел, особо отметив, что наказание, наложенное «належащим образом, после [должного] рассмотрения <...> радует весь народ, наложенное без рассмотрения – губит все» [3, с. 232].

Это утверждение было усилено следующими аргументами: «Несправедливое наказание губит честь и разрушает славу среди людей, а в другом мире лишает неба, поэтому следует всегда избегать этого» [3, с. 288]. «Царь, наказывающий незаслуживающих этого, а заслуживающих этого не наказывающий, принимает на себя бесчестье и идет в ад» [3, с. 288].

Опорой индийского царя в борьбе с преступностью являлась профессиональная армия, состоявшая из потомственных воинов-кшатриев. Несомненно, в Индии, как и в других странах Древнего Востока, воины совершали преступления, однако прямых свидетельств об этом в дхармашастрах нет. Возможно, кшатрии гораздо строже, чем представители других варн, соблюдали установленное для них якобы Владыкой «извечное правило жизни» – охрану подданных. Во всяком случае, цари в Древней Индии находились под более жестким контролем жрецов, чем монархи в других древневосточных государствах [7, с. 7–15].

В странах Древнего Востока религия оказала существенное влияние на генезис криминологической мысли вкупе с другими факторами. В Китае во второй половине I тысячелетия до н. э. проблема преступности была предметом острой дискуссии философов и легистов. Первых представляли Лао-цзы, основоположник даосизма, и Кун-цзы (Конфуций). У истоков второго направления общественно-политической мысли стоял Шан Ян – основатель школы легистов. Философы и легисты первопричину преступности видели в природе человека, однако Лао-цзы признавал также влияние внешней среды: «Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления» [1, с. 12]. Конфуций считал причиной преступности падение нравов правителей.

Что же касается мер, направленных на

ее предупреждение и профилактику, то в этом вопросе философы и легисты кардинально расходились. Первые выступали за гуманные способы воздействия на людей, за то, чтобы их воспитывать. Конфуций исходил из постулата: правление есть исправление. «В Ваших руках бразды правления, – учил он, обращаясь к монарху, – зачем же Вам казнить? Вам стоит лишь увлечься самому хорошими делами, и весь народ тотчас же устремится ко всему хорошему» [5, с. 19].

Схожие, хотя и не аналогичные, идеи высказывал Лао-цзы: «Нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освободиться от страстей» [1, с. 14]. Лао-цзы в отличие от Конфуция смотрел на проблему шире, а ее решение считал более сложной задачей.

Иной подход предлагал Шан Ян. Во-первых, наказывать еще до того, как совершен проступок, и тогда исчезнут тяжкие преступления. Поэтому нужно награждать людей, сообщивших о злодеяниях [4, с. 179]. Во-вторых, нет лучшего средства пресечь зло и преступления, нежели суровые наказания [4, с. 207]. Шан Ян был по существу первым, кто высказывался не только о предупреждении, но и профилактике преступлений.

Особое внимание воинским преступлениям уделил Шан Ян, в частности, дезертирству. Для борьбы с данным явлением он предлагал разбить воинов на группы из пяти человек, связанных взаимной ответственностью. Установить между ними различия при помощи специальных знаков, связать их действия приказами, чтобы некуда было отступать и невозможно уклоняться от боя, ссылаясь на усталость [4, с. 211].

Самым лучшим способом обеспечить боеспособность армии Шан Ян полагал особенность людей смотреть на войну подобно голодным волкам, жаждущим мяса. Обычно люди ненавидят войну, но тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной.

Шан Ян считал возможным полностью покончить с преступностью, не прибегая к массовым наказаниям превратить всех людей в достойных. Для этого, уверял он, нужны лишь суровые наказания. «Коль наказания суровы, люди не осмелятся их

нарушать, поэтому наказания отомрут. А если люди не решатся на дурные поступки, то в каждой стране все будут вести себя достойно» [4, с. 212].

Идеи Шан Яна были реализованы в законодательстве династии Цинь, отличавшейся особой жестокостью. Однако искоренить преступность суровыми мерами, включая «истребление трех поколений», не удалось. Более того, оправдались опасения брахманов Древней Индии, что избыточная жестокость наказания чревата отрицательными для власти последствиями. Династия Цинь была свергнута восставшим крестьянством, возмущенным в первую очередь циньским уголовным законодательством и судебной практикой. Тем не менее, история Древнего Китая – еще одно свидетельство того, что уже в древности на Востоке криминологическая мысль не только оформилась в самостоятельное правовое явление, но и оказывала влияние на законодательство, судебную практику и военное строительство.

Таким образом, религия и жрецы положили начало формированию в древневосточных государствах системы социального контроля над поведением местного населения. Однако без государственного принуждения, воплощенного в праве и судебной практике, обеспечить порядок в

обществе она не могла. Обращение верховной власти к проблеме государственной безопасности ускорило зарождение военной криминологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дао: гармония мира. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 864 с.
2. Древнеегипетская книга мертвых. Слово устремленного к Свету. М. : ЭКСМО, 2006. 432 с.
3. Законы Ману. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.
4. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). М. : Ладомир, 1993. 392 с.
5. Конфуций. Уроки мудрости. М. : ЭКСМО, 2004. 958 с.
6. Мировые религии о преступлении и наказании / А. И. Бойко и др. М. : РИПОЛ классик, 2013. 608 с.
7. Никитин А. Н., Никитина М. А. Особенность генезиса военного права в государствах Древнего мира // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 7–15.
8. Тора с русским переводом ; под общ. ред. проф. Г. Брановера. Шамир ; Иерусалим, 1993. 1134 с.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. ; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : НОРМА, 2003. Т. 1. 816 с.

СИНЯЕВА Н. А.

SINYAEVA N. A.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВО ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (МГП): ОТ ВЕЛИКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННЫМ ЛИДЕРАМ

THEORY AND HISTORY OF MILITARY LAW

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE LAW OF ARMED CONFLICT:
FROM GREAT THINKERS OF THE PAST TO MODERN LEADERS**Синяева Нателла Александровна,**

кандидат юридических наук, доцент

Военный университет

Министерства обороны

Российской Федерации

E-mail: Natella.Sinyaeva@gmail.com

Sinyaeva Natella Alexandrovna,

PhD in Law, Associate Professor

Military University

Ministry of Defense

of the Russian Federation

E-mail: Natella.Sinyaeva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается эволюция системы взглядов на право вооруженных конфликтов или международное гуманитарное право в исторической перспективе. Проводится сравнительный анализ концепций древних мыслителей и философов с опорой на подходы современных политических деятелей и руководителей государств в данной сфере. Особое внимание уделяется преемственности гуманистических идей и их правовой трансформации в современном геополитическом контексте. Выявляются ключевые противоречия между декларируемыми принципами международного гуманитарного права и их практической реализацией в современных конфликтах. Обосновывается тезис о том, что российская внешнеполитическая доктрина в большей степени сохраняет приверженность классическим принципам международного права, заложенным в Уставе ООН.

Ключевые слова: международное гуманитарное право; право вооруженных конфликтов; Гроций; Сунь-цзы; Кристина Пизанская; Анри Дюнан; Фёдор Мартенс; современные политические лидеры; международная безопасность; гуманизация войны; Устав ООН.

Annotation. The article examines the evolution of views on international humanitarian law and the law of armed conflict from a historical perspective. A comparative analysis of the concepts of ancient thinkers and philosophers with the approaches of modern politicians and heads of state is carried out. Special attention is paid to the continuity of humanistic ideas and their transformation in the modern geopolitical context. The key contradictions between the declared principles of international humanitarian law and their practical implementation in modern conflicts are revealed. The thesis is substantiated that the Russian foreign policy doctrine remains more committed to the classical principles of international law laid down in the UN Charter.

Key words: International humanitarian law; the law of armed conflict; Grotius; Sun Tzu; Christina Pisanskaya; Henri Dunant; Fyodor Martens; modern political leaders; international security; humanization of war; the UN Charter.

Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов представляют собой сложную и многогранную систему правовых норм, исторически формировавшуюся под влиянием философских, этических и политических воззрений различных эпох. Актуальность исследования эволюции этих взглядов обусловлена не только теоретическим интересом, но и практической необходимостью понимания истоков современных проблем международной безопасности.

Исторически сложилось так, что представления о допустимых методах и средствах ведения войны, о статусе участников вооруженных конфликтов, о защите гражданского населения и военнопленных формировались постепенно, начиная с древнейших времен. Великие мыслители прошлого заложили философские и этические основы, на которых впоследствии были построены современные правовые нормы. Однако современный мир с его геополитическими противоречиями демонстрирует значительный разрыв между декларируемыми принципами и реальной политической практикой.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ взглядов на международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов, начиная от великих мыслителей прошлого – Сунь-Цзы, Г. Гроция, К. Пизанской, А. Дюнана, Ф. Мартенса – и заканчивая современными политическими лидерами и руководителями государств. Особое внимание уделяется проблеме соответствия современной мировой политики фундаментальным принципам международного гуманитарного права, заложенным в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН).

Рассмотрение эволюции взглядов на право вооруженных конфликтов логично начать с древнейших мыслителей, чьи идеи легли в основу современного международного гуманитарного права. Уже в древних цивилизациях формировались представления о необходимости ограничения жестокости во время военных действий.

Одним из первых мыслителей, сформулировавших принципы ведения войны, был китайский стратег и философ Сунь-Цзы (VI–V вв. до н. э.). В своем трактате «Искусство войны» он подчеркивал важ-

ность минимизации потерь и разрушений во время военных действий. Сунь-Цзы считал, что «лучшая война – та, которую не нужно вести», а если война все же неизбежна, то «лучшее в военном искусстве – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска» [16, с. 33]. Таким образом, уже в древнекитайской военной философии присутствовал принцип соразмерности применения силы и понимание того, что победа, достигнутая без боя, является наиболее ценной.

В европейской традиции значительный вклад в развитие представлений о правилах ведения войны внесли античные философы, однако наиболее систематизированный подход был предложен лишь в Новое время. Голландский юрист и философ Гуго Гроций (1583–1645) справедливо считается отцом международного гуманитарного права. В своем фундаментальном труде «О праве войны и мира» (1625) он заложил основы юридического подхода к регулированию военных действий. Гроций выдвинул революционную для своего времени идею, что даже в состоянии войны государства должны соблюдать определенные правила, основанные на естественном праве и разуме. По мнению Гроция, «в войне следует всегда помышлять о мире» [17, с. 78]. Он разработал концепцию «справедливой войны», согласно которой война может быть оправдана только при наличии справедливой причины, таких как самооборона или возмещение ущерба. При этом даже в справедливой войне должны соблюдаться определенные ограничения, в частности, запрет на убийство мирных жителей, отравление колодцев и использование предательства.

Особое место в развитии представлений о гуманизации войны занимает Кристина Пизанская (1364–1430) – первая профессиональная писательница Европы. В труде «Книга о деяниях и добрых нравах мудрого короля Карла V» она одной из первых обратилась к вопросам рыцарской этики и правил ведения войны. К. Пизанская подчеркивала необходимость милосердия по отношению к побежденным и гуманного обращения с пленными. Она писала: «Истинный рыцарь должен защищать слабых и безоружных, даже если

они являются врагами» [18, с. 210]. Таким образом, уже в средневековой Европе формировались представления о необходимости ограничения жестокости во время военных действий и защите наиболее уязвимых категорий лиц.

Значимый практический вклад в создание современного международного гуманитарного права внес швейцарский общественный деятель Анри Дюнан (1828–1910). Потрясенный страданиями раненых в битве при Сольферино (1859), Дюнан инициировал создание Международного комитета Красного Креста (1863) и принятие Женевской конвенции о защите раненых и больных во время войны (1864). Дюнан утверждал, что «человечность на поле боя не является признаком слабости, а, напротив, свидетельствует о высоком уровне цивилизации» [19, с. 45]. Его деятельность знаменовала начало институционализации международного гуманитарного права и создания международных механизмов защиты жертв вооруженных конфликтов.

Русский юрист-международник Фёдор Фёдорович Мартенс (1845–1909) выступил инициатором дальнейшего развития международного гуманитарного права, в том числе применения его норм в рамках права внутренних вооруженных конфликтов. Его имя увековечено в так называемой «оговорке Мартенса», включенной в преамбулу Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Согласно этой оговорке, «в случаях, не предусмотренных конвенцией, население и воюющие остаются под защитой и действием принципов международного права, как они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [20, с. 67]. Тем самым Мартенс заложил основы гуманитарного подхода к различным видам вооруженных конфликтов, понимая, что невозможно предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть в ходе военных действий.

Таким образом, великие мыслители прошлого заложили фундаментальные принципы международного гуманитарного права: гуманность, соразмерность применения силы, различие между комбатантами и гражданским населением, защита раненых, больных и военнопленных. Эти

принципы были кодифицированы в международных договорах конца XIX – начала XX в. и составили основной свод ограничений методов и средств ведения войны. Поэтому сегодня имеет место симбиоз «права насилия», регламентирующего ведение военных действий, и находящегося на пересечении военной необходимости и требований гуманности (Гагское право) «права оказания гуманитарной помощи в защите жертв вооруженных конфликтов» (право Женевы).

Двадцатый век, озаглавленный двумя мировыми войнами и многочисленными локальными конфликтами, привел к необходимости значительному развитию международного гуманитарного права. Как представлялось, принятие Устава ООН, Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г. создало всеобъемлющую правовую базу для регулирования вооруженных конфликтов. Однако современные геополитические реалии демонстрируют существенный разрыв между декларируемыми принципами и практикой их применения.

Российские ученые уделяют пристальное внимание указанным тенденциям. Как отмечает А. В. Кудашкин, «право вооруженных конфликтов является важнейшей составляющей системы права России, обеспечивающей защиту национальных интересов государства в условиях применения военной силы» [4, с. 17]. При этом сегодня наблюдается различное понимание и интерпретация международного гуманитарного права различными государствами и политическими лидерами. По мнению С. Б. Бальхаевой, «соотношение права международных договоров и права вооруженных конфликтов имеет существенное значение для обеспечения стабильности международных отношений» [1, с. 155].

Действительно, современные подходы к праву вооруженных конфликтов демонстрируют растущий разрыв между декларациями о приверженности международному праву и реальной политической практикой. Руководство США системно демонстрирует избирательный подход к соблюдению международных обязательств. Выход США из ряда международных договоров и соглашений, включая Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, свидетельствует

о тенденции к унилатерализму (игра в одни ворота) и отходу от принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), который является основополагающим для международного права.

Известный американский политолог Збигнев Бжезинский (1928–2017) в своих работах фактически обосновывал концепцию американской исключительности, которая предполагает особую роль США в мировой политике и возможность действовать в обход международного права для достижения своих геополитических целей. В своей книге «Великая шахматная доска» Бжезинский писал: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу» [21, с. 54]. При этом, как отмечает К. Д. Ражина, такой подход «создает опасный прецедент избирательного применения норм международного гуманитарного права, что подрывает его универсальность и эффективность» [11, с. 445].

Президент Франции Эммануэль Макрон, несмотря на декларируемую приверженность европейским ценностям и международному праву, также демонстрирует противоречивость позиций в отношении применения военной силы. С одной стороны, он выступает за многосторонний подход к решению международных проблем, с другой – поддерживает военные операции в различных регионах мира без должного правового обоснования с точки зрения международного права. Подобная двойственность отражает общую тенденцию современных западных лидеров к ситуативному применению норм международного гуманитарного права.

Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, ранее занимавшая пост министра обороны Германии, также придерживается избирательного подхода к применению норм международного гуманитарного права. Поддержка Европейским союзом военных действий в различных конфликтах без учета всех аспектов международного права свидетельствует о политизации гуманитарных вопросов. В. С. Митрохин отмечает, что «такой подход противоречит основополагающим принципам международного гуманитарного права, которые предполагают его уни-

версальное применение вне зависимости от политических интересов» [8, с. 35].

Премьер-министр Нидерландов Марк Рютте, как и другие европейские лидеры, демонстрирует приверженность идеалам международного права на словах, но нередко поддерживает действия, противоречащие этим идеалам на практике. Такая двойственность позиции характерна для многих современных политических деятелей, что приводит к эрозии доверия к международным правовым институтам.

Особое место в современном дискурсе о праве вооруженных конфликтов (нарушении норм права Гааги) занимает политика Израиля и его премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Комплексная ситуация на Ближнем Востоке демонстрирует сложность применения принципов и норм международного гуманитарного права в условиях асимметричных конфликтов. Как отмечает В. С. Чмырева, «защита прав человека в период международных вооруженных конфликтов требует особого внимания к специфике каждого конкретного конфликта и развития механизмов имплементации норм международного гуманитарного права» [15, с. 76].

Важным аспектом современных подходов к праву вооруженных конфликтов является проблема регулирования новых сфер военной деятельности, в частности киберпространства. В. В. Маневич так обозначает свою позицию: «Кибератаки и кибервойны представляют собой новый вызов для международного гуманитарного права, требующий разработки специальных правовых норм и механизмов их применения» [6, с. 32]. При этом позиции различных государств по данному вопросу существенно расходятся, что затрудняет формирование единого подхода к регулированию кибервойн.

Так современные политические лидеры демонстрируют тенденцию к избирательному применению норм международного гуманитарного права в зависимости от политических интересов, что противоречит изначальному замыслу великих мыслителей прошлого о создании универсальной системы правовых норм, ограничивающих жестокость во время военных действий.

На фоне дискуссий о трансформации международного гуманитарного права в современных геополитических услови-

ях особый интерес представляет позиция России, которая демонстрирует приверженность классическим принципам международного права, заложенным в Уставе ООН.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал важность соблюдения норм международного права всеми без исключения государствами. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г. он отметил: «Мы все разные, и к этому нужно относиться с уважением. Никто не обязан подстраиваться под одну модель развития, признанную кем-то раз и навсегда единственно правильной» [22, с. 4]. Данная позиция отражает приверженность России принципу суверенного равенства государств, который является одним из основополагающих принципов международного права.

Министр иностранных дел России С. В. Лавров также неоднократно выступал с критикой избирательного подхода к применению международного права. В выступлении на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН он подчеркнул: «Мы выступаем за то, чтобы международная жизнь строилась не на основе «правил», которые кто-то изобретает для обслуживания своих интересов, а на незыблемой базе международного права и Устава ООН» [23, с. 2]. Такая позиция соответствует принципу добросовестного выполнения международных обязательств, который является краеугольным камнем стабильной системы международных отношений.

Российский подход к праву вооруженных конфликтов находит отражение и в национальном законодательстве. Как констатирует А. В. Кудашкин, «в системе права России право вооруженных конфликтов занимает особое место, обеспечивая реализацию международных обязательств Российской Федерации в сфере регулирования военных действий» [4, с. 18]. Имплементация норм международного гуманитарного права в российское законодательство осуществляется с учетом национальных интересов и исторического опыта [26].

Важным аспектом российского подхода к праву вооруженных конфликтов является внимание к новым вызовам и угрозам международной безопасности. И. В. Холиков и Л. А. Берг указывают, что «развитие

права вооруженных конфликтов на море требует учета современных геополитических реалий и технологических возможностей» [14, с. 90]. При этом Россия последовательно выступает за равноправный диалог и учет интересов всех заинтересованных сторон при разработке новых правовых норм.

В современных условиях российский подход к праву вооруженных конфликтов демонстрирует приверженность принципам, заложенным великими мыслителями прошлого, и представляет собой попытку сохранить целостность и универсальность международного гуманитарного права в условиях растущей фрагментации международных отношений.

Проведенное нами исследование эволюции взглядов на право вооруженных конфликтов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, великие мыслители прошлого – от Сунь-Цзы и Гроция до К. Пизанской, А. Дюнана и Ф. Мартенса – заложили философские и этические основы международного гуманитарного права, сформулировав принципы гуманности, соразмерности применения силы и защиты наиболее уязвимых категорий лиц во время вооруженных конфликтов.

Во-вторых, современные политические лидеры демонстрируют тенденцию к избирательному применению норм международного гуманитарного права, что противоречит изначальному замыслу о создании универсальной системы правовых норм. Политизация гуманитарных вопросов и двойные стандарты в оценке схожих ситуаций подрывают доверие к международным правовым институтам.

В-третьих, российский подход к праву вооруженных конфликтов демонстрирует приверженность классическим принципам международного права, заложенным в Уставе ООН, и представляет собой попытку сохранить целостность и универсальность международного гуманитарного права в условиях растущей фрагментации международных отношений.

Наглядно данную информацию можно представить в таблице.

Как замечает А. Е. Уалияхметов, «взаимодействие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в период вооруженных кон-

Таблица

Сравнительный анализ взглядов на право вооруженных конфликтов

Представители	Ключевые идеи и принципы	Отношение к применению силы	Подход к защите гражданского населения	Взгляд на международное сотрудничество
Мыслители прошлого				
Сунь-Цзы (VI–V вв. до н. э.)	Война как крайнее средство; приоритет невоенных методов	Минимизация насилия; «лучшая война – та, которую не нужно вести»	Избегание разрушений и жертв среди мирного населения	Стратегические союзы на основе взаимной выгоды
Г. Гроций (1583–1645)	Естественное право как основа МГП; концепция «справедливой войны»	Применение силы оправдано лишь при справедливой причине (самооборона)	Запрет на убийство мирных жителей; ограничение разрушений	Государства должны соблюдать договоры даже в состоянии войны
К. Пизанская (1364–1430)	Рыцарская этика; милосердие к побежденным	Война как тяжкая необходимость; соблюдение рыцарского кодекса	«Истинный рыцарь должен защищать слабых и безоружных»	Ценность дипломатии; важность мирного урегулирования
А. Дюнан (1828–1910)	Институционализация МГП; создание МККК	Гуманность на поле боя как признак цивилизованности	Защита раненых и больных независимо от стороны конфликта	Международное сотрудничество для защиты жертв войны
Ф. Мартенс (1845–1909)	«Оговорка Мартенса»; принципы человечности	Применение силы в рамках правовых ограничений	Защита гражданского населения основана на требованиях общественного сознания	Международное право как универсальная система
Современные политические лидеры				
З. Бжезинский (1928–2017)	Концепция американской исключительности	Допустимость применения силы для поддержания глобального лидерства США	Избирательный подход к защите гражданского населения	Приоритет национальных интересов над международным правом
Э. Макрон	Декларируемая приверженность ценностям ЕС	Поддержка военных операций без должного правового обоснования	Риторика о защите при избирательном применении на практике	Многосторонний подход при доминировании интересов западных стран
У. фон дер Ляйен	Политизация гуманитарных вопросов	Двойные стандарты в оценке применения силы	Избирательный подход к защите гражданского населения	Приоритет геополитических интересов ЕС
Б. Нетаньяху	Приоритет безопасности государства	Доктрина «предупреждающих ударов»	Концепция «соразмерного ущерба»	Селективный подход к международному сотрудничеству

Представители	Ключевые идеи и принципы	Отношение к применению силы	Подход к защите гражданского населения	Взгляд на международное сотрудничество
В. В. Путин	Приверженность Уставу ООН; уважение суверенитета	Применение силы в рамках международного права	Защита гражданского населения как приоритет	Равноправный диалог; учет интересов всех сторон
С. В. Лавров	Критика «правил» вместо международного права	Неприемлемость произвольного применения силы	Универсальные принципы защиты гражданских лиц	Многополярная модель международных отношений

*Примечание: МГП – международное гуманитарное право; МККК – Международный комитет Красного Креста.

фликтов требует дальнейшего развития правовых механизмов и институтов» [13, с. 264]. В этом контексте особую актуальность приобретает возвращение к фундаментальным принципам, заложенным великими мыслителями прошлого, и их творческое развитие с учетом современных реалий.

В заключение подчеркнем практическую значимость рассматриваемого вопроса: возможность использования полученных результатов для совершенствования правового регулирования вооруженных конфликтов и разработки новых подходов к обеспечению международной безопасности. Перспективы его дальнейшего исследования связаны с анализом конкретных механизмов имплементации норм международного гуманитарного права в условиях новых вызовов и угроз международной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бальхаева С. Б. Право международных договоров и право вооруженных конфликтов: точки соприкосновения и направления дальнейшей гармонизации // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 153–166.

2. Гумба К. В. Правовой статус участников вооруженных конфликтов в соответствии с международным гуманитарным правом // Молодой учёный : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 200–202.

3. Кахкцян А. С. Военное право в период проведения боевых действий

и во время вооруженного конфликта // Военное право. 2023. № 5 (81). С. 12–17.

4. Кудашкин А. В. Право вооруженных конфликтов в системе права России // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 15–30.

5. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Военно-воздушные силы: роль, цели, задачи и применение права вооруженных конфликтов в военных операциях // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 1 (318). С. 2–12.

6. Маневич В. В. Кибератаки и кибервойны в вооруженных конфликтах киберпространства как предмет регулирования международного гуманитарного права // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С. 31–34.

7. Маневич В. В. Международно-правовое регулирование киберпространства при ведении вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: понятия и термины // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179). С. 24–26.

8. Митрохин В. С. Основные положения права вооруженных конфликтов в системе международного права // Арктический исследователь. 2024. № 1. С. 33–37.

9. Моргун А. Д. Защита прав детей в период вооруженных конфликтов в системе международного права // Юридическая наука и практика глазами молодых исследователей : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2024. С. 11–14.

10. Поликарпова А. В. Актуальные проблемы защиты прав женщин в период вооруженных конфликтов // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 7 (82). С. 333–336.
11. Ражина К. Д. К вопросу о соотношении норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в вооруженном конфликте // International&DomesticLaw : материалыXVIIЕжегодноймеждународной научной конференции по национальному и международному праву. Екатеринбург, 2023. С. 442–450.
12. Сошников А. Б. Законные участники вооруженных конфликтов через призму международного гуманитарного права // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С.41–43.
13. Уалиахметов А. Е. Взаимодействие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в период вооруженных конфликтов // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сборник статей по материалам СССХ международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 262–266.
14. Холиков И. В., Берг Л. А. Морские зоны в праве вооруженных конфликтов на море // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 6. С. 87–95.
15. Чмырева В. С. Защита прав человека в период международных вооруженных конфликтов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 47. № 3. С. 74–78.
16. Сунь-Цзы. Искусство войны ; пер. с кит. Н. И. Конрада. М. : АСТ, 2021. 192 с.
17. Гроций Г. О праве войны и мира; пер. с лат. А. Л. Саккетти. М. : Ладомир, 2019. 868 с.
18. Пизанская К. Книга о деяниях и добрых нравах мудрого короля Карла V; пер. с фр. И. Н. Осинковского. СПб.: Алетейя, 2020. 432 с.
19. Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино; пер. с фр. С. Н. Норманн. М.: МККК, 2018. 124 с.
20. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М. : Юридический центр, 2022. 640 с.
21. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М. : АСТ, 2019. 384 с.
22. Путин В. В. Выступление на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Дипломатический вестник. 2015. № 10. С. 1–8.
23. Лавров С. В. Выступление на 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Международная жизнь. 2019. № 10. С. 1–6.
24. Гассер Х. П. Международное гуманитарное право. Введение. М. : МККК, 2020. 144 с.
25. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 2021. 160 с.
26. Леншин С. И., Мишуткин И. В. Соблюдение норм международного гуманитарного права // Пособие военнослужащему Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Гос. ун-т управления, 2017. 144 с.

АУЛОВ В. К.

AULOV V. K.

ВОЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ

MILITARY LAW

US MILITARY CRIMINAL JUSTICE AND THE UK: KEY PARAMETERS OF THE CURRENT STATE

Аулов Владимир Константинович,

кандидат юридических наук, доцент

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: vladimiraulov@list.ru

Aulov Vladimir Konstantinovich,

PhD in Law, Associate Professor

Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation

E-mail: vladimiraulov@list.ru

Аннотация. На основании проведенных исследований автором установлено, что общей тенденцией судостроительства европейских государств является тенденция увеличения числа стран, в которых военные суды (трибуналы) упразднены, а уголовные дела в отношении военнослужащих рассматриваются судами общей юрисдикции по единым для всех субъектов правоотношений процессуальным правилам или с незначительными особенностями. По результатам анализа основных параметров военной уголовной юстиции двух государств англосаксонской правовой семьи – США и Великобритании, делается вывод о высокой резистентности к такого рода новациям данного типа военной уголовной юстиции.

Ключевые слова: военная уголовная юстиция; суды ad hoc; особые периоды; судостроительство военного времени; военные суды Польши; варианты организации судебных систем; деградация военно-судебных органов в Европе; Европейский суд по правам человека.

Annotation. The author has established that the general trend of the judicial system of European states is the tendency to increase the number of countries in which military courts (tribunals) have been abolished, and criminal cases against military personnel are considered by courts of general jurisdiction according to the same procedural rules for all subjects of legal relations or with minor features. Based on the results of the analysis of the main parameters of military criminal justice of the two states of the Anglo-Saxon legal family - the United States and Great Britain, it is concluded that this type of military criminal justice is highly resistant to such innovations.

Key words: military criminal justice; ad hoc courts; special periods; wartime judicial system; Polish military courts; organization options for judicial systems; degradation of military judicial bodies in Europe; European Court of Human Rights.

Особенности судостроительства и судопроизводства военной уголовной юстиции США и Великобритании выделяются своей самобытностью на фоне способов

организации тех же правовых феноменов европейских государств. В США военные суды ad hoc создают всякий раз командиры (начальники) для рассмотрения

конкретного дела по первой инстанции. Военно-судебные органы, которые рассматривают жалобы на решения судов *ad hoc*, представлены постоянно действующими апелляционными судами.

В Великобритании военные суды *ad hoc* уже не создаются, но при этом институционально обособленные военно-судебные органы, по сути, не сформированы. Уголовные дела в мирное и военное время рассматривает состав военного суда, способ формирования которого похож на создание судов *ad hoc*, но само уголовное дело инициируется не командиром (начальником), а независимой от суда стороной обвинения. Апелляционная инстанция, объявленная самостоятельным постоянно действующим судом, на деле таковым не является: ее состав по конкретному делу формируется из судей иных судебных органов.

В Европе демонтаж систем военной юстиции европейских стран был по-настоящему развернут после распада Союза ССР. В Нидерландах военные суды распущены в 1991 г., в Чехии упразднены в 1993 г., в Бельгии (на мирное время) – с 2004 г., в Словакии – в 2009 г., на Украине – в 2010 г. Там, где полностью ликвидировать военные суды оказалось невозможным, влияние военнослужащих на исход дела было минимизировано разными способами.

Например, декоративный, с точки зрения влияния на исход дела, характер участия военнослужащих в отправлении правосудия присущ судебной системе Королевства Нидерландов. В этой стране в состав суда для рассмотрения конкретного дела наряду с двумя «гражданскими» судьями входит проходящий военную службу судья в воинском звании полковника, представляющий один из трех видов королевских вооруженных сил, к которому относится подсудимый. Сходная юридическая технология применяется в Италии, где в судебных заседаниях военно-судебных органов председательствует судья (*magistrati militari*), не состоящий на военной службе.

Высокую резистентность ко всякого рода новациям демонстрирует американский тип военной уголовной юстиции, который зиждется на результативной, с точки зрения применения в боевой обста-

новке, и процессуально экономной этико-юридической технологии созыва командиром (начальником) военного суда *ad hoc* для рассмотрения отдельного дела. Такая юридическая технология способствует реализации принципов единоначалия, подразумевая сосредоточение всей полноты административной власти и власти инициатора созыва суда в руках командира (начальника).

Присутствуют в юридической конструкции военной уголовной юстиции США и постоянно действующие судебные органы. Это так называемые апелляционные военные суды: по уголовным делам сухопутных войск, по уголовным делам военно-морских сил и морской пехоты, по уголовным делам военно-воздушных сил, по уголовным делам береговой охраны – по одному суду в каждом относительно самостоятельном ведомстве, осуществляющем свою деятельность военными методами.

Типовую структуру постоянно действующих судебных инстанций США можно проиллюстрировать на примере Апелляционного военного суда по уголовным делам сухопутных войск (*Army Court of Criminal Appeals*). Данный суд функционирует в составе трех судебных составов по три судьи, один из судей является старшим судебного состава. Работу судебного состава обеспечивают канцелярия и инспектор (*Court Commissioner*) – офицер-юрист Военно-юридической службы сухопутных войск с функционалом, близким к обязанностям прокурора судебного отдела военной прокуратуры Российской Федерации.

Возглавляет суд главный судья (*Chief Judge*). Это лицо, как и все остальные судьи этого суда, назначается на свою должность в порядке продвижения по службе начальником Военно-юридической службы сухопутных войск. Начальник Военно-юридической службы сухопутных войск назначается на должность Президентом США по представлению Сената этой страны. Этот же начальник определяет должность и процессуальные полномочия, а также место службы выпускника курсов военно-юридической доподготовки [3, с. 122].

Офицеры-юристы Военно-юридической службы не только принимают участие в уголовном преследовании, но и выпол-

няют иные обязанности по юридическому обеспечению воинских частей и подразделений.

При описании функционала Военно-юридической службы США необходимо помнить, что современные коннотации англоязычных юридических терминов могут не иметь ничего общего со значением слов на русском языке [2, с. 222]. Буквальное понимание военно-юридического тезауруса также создает ошибочное впечатление, будто бы военные суды США институционально обособлены и имеют трехзвенную: *general*, *special* и *summary* структуру, а досудебное производство является неким одноименным аналогом этой стадии российского уголовного процесса [4, с. 152; 5, с. 88].

В США досудебная стадия разбирательства в судах *hoc* регулируется подразделом VI (секторы 830–835) Единого кодекса военной юстиции (*Uniform Code of Military Justice*, далее – ЕКВЮ). В распорядительном заседании председательствующий официально фиксирует по каждому пункту обвинения позицию принципала (*principal*) – лица, подлежащего, по мнению инициатора процедуры уголовного преследования (*convening authority* – созывающий орган), наказанию. Далее председательствующий доводит мнение принципала до сведения сторон по делу и лица, инициировавшего процедуру (далее инициатор).

Целью анализируемой стадии является минимизация процессуальных, репутационных, финансовых и временных издержек военного ведомства. Метод достижения этой цели – побуждение принципала к ходатайству о назначении наказания председателю единолично, что в англосаксонской правовой традиции равноценно признанию своей вины. Основным способом достижения цели является разъяснение принципалу возможных негативных перспектив реализации своего права на защиту путем рассмотрения дела с участием коллегии военнослужащих (статус членов коллегии в русской юридической литературе приравнивается к процессуальному положению присяжных заседателей).

Если принципал не соглашается с обвинением и требует привлечения к рассмотрению дела коллегии военнослужащих,

инициатор своим приказом формирует такую коллегию из числа сослуживцев принципала, а председательствующий назначает время и место рассмотрения дела.

Количественный состав коллегии зависит от вида процедуры: *special*-процедура осуществляется председательствующим по делу и коллегией из не менее чем четырех военнослужащих-присяжных заседателей; *general*-процедура осуществляется председательствующим по делу и коллегией из не менее чем восьми военнослужащих-присяжных заседателей.

Обе эти процедуры происходят с обязательным участием защитника (группы защитников), оплачиваемого военным ведомством. Помимо военного защитника по назначению принципал имеет право за свой счет пользоваться услугами адвокатов, не связанных с военными ведомствами.

Максимальное наказание по результатам *special*-процедуры не может превышать одного года тюремного заключения или увольнения «за плохое поведение» (возможно назначение обоих видов наказаний). Максимальное наказание по результатам *general*-процедуры может быть смертная казнь в строго оговоренных в ЕКВЮ случаях. В изложенном порядке рассматриваются дела всех категорий военнослужащих, но *summary*-процедура не предназначена для оценки проступков офицеров и мичманов.

Инициация процедуры и выбор ее варианта определяется компетентными лицами по иерархии объема дискреции каждого после согласования с Руководителем офиса Военно-юридической службы (*Judge Advocate General's Corps*). Для понимания степени влияния властных полномочий инициатора на судьбу уголовного дела следует учитывать, что вышестоящее воинское должностное лицо не связано правовой позицией подчиненного по вопросу инициации процедуры уголовного преследования и формирования по этому поводу юрисдикционного органа.

Поскольку верхний и нижний пределы более мягких, чем смертная казнь, видов наказания в военном уголовном законодательстве США не обозначены, то не тяжесть содеянного, а выбор вида процедуры имеет ключевое значение при назначении наказания. Поэтому именно

строгость назначенного наказания выступает бесспорным критерием отграничения преступных деяний от иных наказуемых поступков по военному праву США.

На тот случай, если содеянное буквально не вписывается в диспозицию какой-либо статьи X подраздела ЕКВЮ, в этом документе имеется статья 134 сектора 934. Согласно данной норме «все беспорядки и пренебрежение в ущерб порядку и дисциплине в вооруженных силах, любое поведение, направленное на дискредитацию вооруженных сил, не караемые смертной казнью, должны рассматриваться военным судом и наказываться по усмотрению этого суда».

Некоторые авторы считают процитированную норму аналогией материального права, хотя это не так. Примерный перечень противоречащих интересам военной корпорации деяний, которые уже были идентифицированы в этом качестве на основе статьи 134 сектора 934 ЕКВЮ, является открытым, что позволяет квалифицировать приведенную норму как феномен произвольного правосудия.

Вступившие в силу решения апелляционных судов военных ведомств могут быть скорректированы еще одним постоянно действующим органом, в названии которого присутствует слово «суд» – Апелляционным судом вооруженных сил США (United States Court of Appeals for the Armed Forces).

Отдельно следует остановиться на функциях Высого суда США (Supreme Court), который не вписывается в систему военной уголовной юстиции в качестве самостоятельного элемента. По сути, этот орган государственной власти США – «и суд, и не суд или, по меньшей мере, больше, чем суд» [7, с. 54], поскольку он «воздействует и будет дальше воздействовать на правовую политику средствами, в принципе не свойственными судебной власти» [6, с. 90].

Дела для «изучения» истребуются Высоким судом США в тех редких случаях, когда по делу, на взгляд этого судебного органа, затрагиваются вопросы конституционного права. Оставление Апелляционным судом вооруженных сил США приговора без изменения является препятствием для его последующей ревизии. Отказ Высого суда США от истребова-

ния дела не может толковаться как согласие с решением Апелляционного суда вооруженных сил США.

При выяснении параметров военной уголовной юстиции США становится очевидным, что для судей апелляционных ведомственных военных судов США и для председательствующих в судах *ad hoc* независимость и несменяемость как базовые характеристики их правового статуса субъектов юрисдикционной деятельности даже не декларируются. По способу обретения своих полномочий обе эти категории офицеров-юристов являются встроенными в субординационные отношения подчиненности с военными чиновниками органа исполнительной власти (Judge Advocate General's Corps).

В части приоритета интересов военного руководства и обороны страны в организации военной уголовной юстиции показателен пример Великобритании. С принятием в 2006 г. Закона о вооруженных силах (Armed Forces Act, 2006) Великобритания задекларировала отказ от военных судов *ad hoc*. При этом систему институционально обособленных и постоянно действующих военно-судебных органов в отношении этого термина на русском языке она не создала.

За образец был взят американский подход к правовому положению лиц, выполняющих функционал Председательствующих по уголовным делам в отношении военнослужащих (President of the Board). Эта категория судей объединена в самостоятельный Отдел, управляемый непосредственно Главным судьей вооруженных сил (Judge Advocate General). Состав Отдела – семь человек: заместитель Главного военного вооруженных сил шесть его судей-помощников, имеющих опыт работы адвокатами (*solicitors* или *barristers*) не менее семи лет. Председательствующих судей по делам в отношении военнослужащих назначает Лорд-канцлер. Полномочия судей сроком не ограничены. Предельный возраст пребывания в должности – 70 лет.

Главного судью вооруженных сил без ограничения срока полномочий назначает на должность (выдает патент на должность) Верховный главнокомандующий вооруженных сил Великобритании – Король Великобритании (King of the United

Kingdom) по рекомендации Лорда-канцлера (Lord Chancellor – расширенный функционал министра юстиции) и Совета обороны Соединенного Королевства (Defence Council of the United Kingdom).

Главный судья вооруженных сил и Председательствующие судьи не состоят на военной службе, однако их должности замещаются, как правило, военными служащими в отставке с солидным послужным списком.

Главный судья вооруженных сил возглавляет независимое от военного ведомства Управление юридической помощи вооруженных сил (Armed Forces Criminal Legal Aid Authority). В этом качестве он обеспечивает методическое сопровождение военной юстиции стран Британского содружества наций (Commonwealth of Nations), в которых английский монарх является главой государства.

Два звена Управления – по гражданским и по уголовным делам – оказывают юридическую помощь нуждающимся в этом военным служащим. Оба звена комплектуются лицами с опытом работы адвокатами: по гражданским делам – гражданским персоналом, по уголовным делам – военными служащими. Таким образом, в организационном подчинении Главного судьи вооруженных сил находятся и Председательствующие по уголовным делам – он уполномочивает конкретного судью на рассмотрение определенного дела – и лица, осуществляющие по тем же делам функцию защитника. В английской правовой традиции считается правомерным предложение судьи выступить адвокату в суде от имени неявившегося в суд оппонента, чтобы привести разумные контраргументы к только что изложенной позиции. Таким образом, один барристер может выступить за обе стороны сразу, для того чтобы суд принял аргументированное и беспристрастное решение [1].

В отличие от США, обвинители по уголовным делам составляют Службу военной прокуратуры (Service Prosecuting Authority) и в Управление юридической помощи вооруженных сил не входят. Отдел Председательствующих собственным аппаратом не обладает и находится на ресурсном обеспечении военного ведомства через Военно-судебную службу (Military Court Service).

Директор Военно-судебной службы своим решением формирует состав жюри на конкретное дело из числа офицеров и уорент-офицеров с выслугой не менее трех лет, которое под руководством профессионального судьи из Отдела Председательствующих будет рассматривать уголовное дело по существу. Таким образом, формирование состава военного суда в Великобритании (в зависимости от тяжести обвинения формируется жюри из трех или пяти военнослужащих и Председательствующего судьи) мало отличается от канонического способа создания суда *ad hoc*.

Военно-апелляционный суд (The Court Martial Appeal Court) тоже не имеет постоянного состава. В рассмотрении жалоб на решения военных судов, принятых по первой инстанции, могут принимать участие судьи Апелляционного суда (Court of Appeal) в произвольном составе – всего 39 судей. Заседание Военно-апелляционного суда проходят в тех же помещениях, что и Апелляционного суда. Подобная практика работы судей на нескольких должностях является традиционной для Великобритании. В дополнение к 39 судьям Лорд-главный судья Северной Ирландии может «время от времени» делегировать в состав Военно-апелляционного суда судей Северной Ирландии, а Лорд-канцлер (The Lord Chancellor) – «любых лиц, имеющих опыт работы в юридической сфере».

Таким образом, хотя Закон о вооруженных силах 2006 г. добавил процессу по уголовному делу в отношении военнослужащих определенную долю публичности, так как полномочия обвинителя переданы Службе военной прокуратуры, но технология надления по конкретному делу судей полномочиями осталась во многом прежней, как и содержание стадии досудебного производства.

Как и в США, в распорядительном заседании уточняются позиции сторон обвинения и защиты по каждому пункту обвинения. В случае согласия сторон, которое достигается торгом (*pleabargaining*) с сокращением объема или тяжести обвинения, Председательствующий судья единолично принимает решение о возможности назначения обвиненному наказания без рассмотрения дела по существу составом жюри. Правила проведения торгов опре-

делены в циркуляре Главного судьи вооруженных сил и могут быть им скорректированы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Военную уголовную юстицию стран англосаксонской правовой семьи (США, Великобритания) образуют руководящий состав военного сословия и структурные элементы различных ветвей государственной власти с символическими признаками разграничения между ними законодательных, исполнительных и судебных функций.

2. Архаика государственно-правового устройства обеих стран делает невозможной рецепцию практики военной уголовной юстиции стран англосаксонской правовой семьи субъектами геополитики с иным типом государственно-правового устройства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Желтухин Д. Современная судебная система Соединенного Королевства // *Zakon.ru*. [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/10/sovremennaya_sudebnaya_sistema_soedinennogo_korolevstva (дата обращения: 30.07.2025).
2. Зыков М. С. Анализ системы и

полномочий военных судов Соединенных Штатов Америки. Сравнение с моделью Российской Федерации // *Военное право*. 2020. № 1 (59). С. 220–224.

3. Королькова Е. Е. Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по Единому кодексу военной юстиции США // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 5 (72). С. 121–124.

4. Оралбаев Е. А. Анализ Единого кодекса военной юстиции США. Военные преступления // *Научные исследования молодых ученых : сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2022. С. 150–153.

5. Сапронов А. Т. Дисциплинарная практика в вооруженных силах США // *Военная мысль*. 1990. № 2. С. 61–68.

6. Севостьянова И. Е. Верховный суд в системе государственных органов власти США: институционально-функциональные особенности // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2013. № 1. С. 87–94.

7. Shapiro M., Hobbs D. *American Constitutional Law. Cases and analyses* / Cambridge Mass.: Winthrop Publishing Incorporation, 1978. 766 p.

ГЛЕБОВ И. Н.

GLEBOV I. N.

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОБЕДЫ

MILITARY LAW

THE LAWS OF WAR AS AN INSTRUMENT OF VICTORY

Глебов Игорь Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации
Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются международно-правовые аспекты завершения военных действий в исторической ретроспективе и современном практическом применении к вооруженному конфликту на Украине. Автор показывает значение и общенародную важность правового закрепления результатов вооруженной борьбы, акцентирует внимание на малоизвестных деталях и особенностях проработки юридических актов, с помощью которых достигается социально-политический результат победы в войне.

Ключевые слова: международное право; право вооруженных конфликтов; законы и обычаи войны; окончание войны; перемирие; репарация; реституция; капитуляция; мирный договор.

Человечество воюет всегда, но делать это в соответствии с законом стало сравнительно недавно. Законы и обычаи войны как свод правил поведения воюющих сформировались только в минувшем XX в. Убеленные сединами и иссеченные шрамами бывалые вояки обычно скептически смотрят на правила ведения войны, полагая, что право мешает им воевать, как следует и что оно никем не соблюдается.

Сейчас с подачи западных либералов модно называть войну неким неутвержден-

Glebov Igor Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer
of the Russian Federation
Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Annotation. This article examines the international legal aspects of the end of military operations in historical perspective and their contemporary practical application to the armed conflict in Ukraine. The author demonstrates the significance and national importance of legally codifying the results of armed conflict, while also highlighting little-known details and nuances of the legal acts that achieve the sociopolitical outcome of victory in war.

Key words: International law; law of armed conflict; laws and customs of war; end of war; armistice; reparations; restitution; capitulation; peace treaty.

ным термином, тайной операцией, гибридной или ассиметричной войной и пр. Многие термины были заимствованы у западного общества, где высшей ценностью и мерилом успешности стали эгоизм, наглость, праздность, роскошь, потребительство и нажива любой ценой.

Мало, кто хочет теперь вспоминать, а тем более признавать, что русское воинство – родоначальник законов и обычаев войны. Стоит вспомнить договоры русских князей с греками тысячелетней дав-

ности, откуда берут истоки законы чести и правил ведения войны.

Сегодня важно юридически точно оформить победу над противником. Все войны заканчиваются, но поскольку политики не всегда склонны пояснять свои цели, необходимо поставить вопрос о законах окончания войны.

Символом окончания войны является заключение мира, как продолжения того же политического противостояния с юридическим закреплением изменений соотношения сил противников, возникших в результате военных действий. Война может окончиться капитуляцией одной из воюющих сторон или соглашением о прекращении военных действий. Не следует смешивать перемирие – прекращение военных действий – и прекращение юридического состояния войны. Это два совершенно разных правовых режима. Иногда они возникают отдельно, а иногда накладываются один на другой.

Окончательному завершению войны зачастую предшествует перемирие. Например, в результате наступления советских войск 8 сентября 1943 г. вступило в силу перемирие с Италией, 12 сентября 1944 г. – с Румынией, 19 сентября 1944 г. – с Финляндией, 28 октября 1944 г. – с Болгарией, 20 января 1945 г. – с Венгрией. Условия перемирия с этими странами действовали до заключения мирных договоров 10 февраля 1947 г.

Соглашение о перемирии с Венгрией, подписанное 20 января 1945 г. в Москве, предусматривало следующие обязательства венгерских властей:

- выйти из войны против СССР и объявить войну Германии;
- разоружить германские войска и передать их союзникам в качестве военнопленных, а также интернировать немецких граждан;
- выставить для борьбы с Германией не менее 8 пехотных дивизий со средствами усиления;
- по прекращении военных действий против Германии демобилизовать и перевести под наблюдение Союзной контрольной комиссии на мирное положение венгерские вооруженные силы;
- эвакуировать все войска и чиновников из оккупированных Венгрией территорий, восстановить границы, существовав-

шие на 31 декабря 1937 г., аннулировать все законодательные и административные положения, относящиеся к захваченным территориям;

- оказать содействие передвижению по венгерской территории советским и другим союзным войскам;

- освободить всех союзных военнопленных и интернированных лиц и беженцев достаточным питанием, одеждой, медицинским обслуживанием и транспортными средствами для возвращения любого из этих лиц в свое государство;

- освободить независимо от гражданства и национальной принадлежности всех лиц, содержавшихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу объединенных наций или ввиду их расового происхождения и религиозных убеждений и отменить дискриминационное законодательство;

- вернуть СССР, Чехословакии и другим объединенным нациям вывезенные с их территории все ценности и материалы, принадлежащие государственным, общественным и кооперативным организациям и отдельным гражданам;

- передать в качестве трофеев в распоряжение советского главнокомандования всё находившееся в Венгрии военное германское имущество;

- не допускать без разрешения Союзной контрольной комиссии вывоза или экспроприации ценностей и имущества, принадлежащего Германии и ее гражданам;

- передать принадлежавшие объединенным нациям и находившиеся в дунайских портах Венгрии суда для использования их союзным (советским) главнокомандованием на время войны с последующим их возвращением собственникам;

- подчинить оперативному контролю советского главнокомандования венгерские торговые суда;

- выплачивать регулярно денежные суммы и предоставлять товары, средства и услуги, которые могли потребоваться советскому главнокомандованию;

- возместить причиненные Венгрией убытки Советскому Союзу в сумме 200 млн. долларов с погашением в течение 6 лет товарами;

- восстановить все законные права и интересы объединенных наций и их граждан на венгерской территории;

– сотрудничать в деле задержания военных преступников и суда над ними;

– немедленно распустить находившиеся на венгерской территории все прогитлеровские или другие фашистские политические, военные, военизированные и другие реакционные организации и впредь не допускать существование такого рода организаций;

– издание литературы, театральные зрелища, демонстрация фильмов, работа радиостанций и средств связи должны были производиться по соглашению с советским главнокомандованием;

– восстанавливалась венгерская гражданская администрация с обязательством выполнять инструкции советского главнокомандования;

– учреждалась Союзная контрольная комиссия в Венгрии в целях контроля за выполнением условий перемирия;

– объявлялись несуществующими решения Венского третейского суда 2 ноября 1938 г. и Венского арбитража 30 августа 1940 г. (о передаче Венгрии южных районов Словакии, Подкарпатской Руси и Трансильвании – 55419 км² с населением свыше 3,4 млн. чел.);

– условия перемирия вступали в силу немедленно, с момента подписания. Соглашение о перемирии дополнялось уточняющими приложениями о передаче советскому главнокомандованию сведений о германских вооруженных силах и планах германского военного командования, направленных против СССР [1, с. 76-85].

Аналогичное содержание имели соглашения о перемирии с другими странами. Они не преследовали цели мести народам побежденных стран или уничтожения их государственности, а выражали гуманистические идеалы освобождения народов этих стран от фашизма и создания условий для свободного от нацистов развития этих стран. Таким образом достигалась демилитаризация и денацификация.

Заключению мирных договоров может предшествовать капитуляция вооруженных сил враждебного государства и заключение акта о капитуляции. В результате разгрома советскими войсками вынуждены были капитулировать и подписать акты о безоговорочной капитуляции фашистская Германия и империалистическая Япония. Акт о безоговорочной ка-

питуляции германских вооруженных сил был подписан 8 мая 1945 г. в Берлине. По этому акту германское верховное командование:

– объявило безоговорочную капитуляцию германских вооруженных сил на суше, на море и в воздухе и всех сил, находившихся под немецким командованием, Верховному главнокомандованию Советской Армии и Верховному командованию союзных экспедиционных сил (статья 1);

– обязалось немедленно издать приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами о прекращении военных действий с 23:01 часов 8 мая 1945 г. и полном разоружении с передачей всего оружия и военного имущества союзникам, не разрушая и не причиняя никаких повреждений военнотехническим средствам ведения войны (статья 2);

– обязалось обеспечить выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным главнокомандованием Советской Армии и командованием союзных экспедиционных сил (статья 3).

Специально было оговорено (статья 5), если немецкое верховное командование или какие-либо вооруженные силы, находившиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, то Верховное командование Советской Армии, а также Верховное командование союзных экспедиционных сил «предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми» [1, с. 261-262].

Акт о безоговорочной капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г. Этим актом Япония принимала условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. и обязывалась произвести безоговорочную сдачу всех японских вооруженных сил союзным державам. Японская армия и флот, а также все силы, находившиеся под японским контролем, обязывались немедленно прекратить враждебные действия, сохранить и спасти от повреждения все суда, летательные аппараты, военную и гражданскую собственность и исполнять все требования, которые могли быть наложены верховным командующим союзных держав. Японской императорской ставке предлагалось издать приказы всем командующим японскими вооруженными

силами и войсками, находившимися под японским контролем, о немедленной капитуляции перед союзным командованием.

От всех японских гражданских, военных и морских официальных лиц требовалось «повиноваться и неукоснительно исполнять все указания, приказы и директивы верховного главнокомандующего союзных держав». Всем чиновникам было предложено остаться на своих местах и исполнять свои, не относившиеся к ведению войны, обязанности, пока они не освобождались от них верховным командующим. Японские представители, подписавшие акт о капитуляции, поручались за императора, за японское правительство и их преемников, что они будут выполнять положения Потсдамской декларации, издадут соответствующие приказы и предпримут действия, которых потребует верховный командующий союзных держав в целях исполнения акта о капитуляции. Японское правительство и японская ставка обязывались немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных лиц, обеспечив их защиту и содержание.

Указывалось, что власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие соответствуют выполнению условий капитуляции. В день подписания акта о капитуляции японский император опубликовал воззвание, в котором говорилось, что, принимая условия, изложенные в Потсдамской декларации, он приказал правительству и ставке подписать от его имени акт о капитуляции и издать общие приказы военным и морским силам в соответствии с указаниями верховного командующего союзных держав.

Акты о капитуляции Германии и Японии предусматривали «разоружение, демилитаризацию и оккупацию» этих стран в целях искоренения фашизма и преобразования их на демократической и миролюбивой основе. Эти же принципы содержались в решениях Крымской и Берлинской конференций.

Мирные договоры бывают предварительные и окончательные, общие и сепаратные.

Предварительный (прелиминарный) мирный договор прекращает военные

действия и в общих чертах определяет условия будущего мира, которые могут впоследствии изменяться и уточняться.

Общий мирный договор заключается всеми участвующими в войне странами, и *сепаратный* заключают два или несколько враждующих государств, в то время как другие страны продолжают оставаться в состоянии войны. Если она окончена, не присоединяются к договору. Например, если в наше время Словакия и Венгрия заключат с Россией договор о прекращении военной помощи киевскому нацистскому режиму, то такой договор можно именовать сепаратным.

В большинстве коалиционных соглашений союзники договариваются не заключать с противником сепаратный мир. В Декларации объединенных наций от 1 января 1942 г. содержался специальный пункт о незаключении сепаратного перемирия или мира с врагами. Американско-английская практика на сей счет непоследовательна и вероломна. Свои союзнические обязательства они постоянно нарушали. Так, в 1941, 1942 и 1943 гг. в Португалии и Швейцарии происходили переговоры за спиной СССР между представителями Англии и Германии, а потом между представителями США и Германии по вопросу о заключении сепаратного мира с Германией. Это означало, что правительства США и Англии пытались договориться с Гитлером о сепаратном мире. Другим примером нарушения коалиционного союза с СССР является сепаратный договор США с Японией, заключенный на конференции в Сан-Франциско в сентябре 1951 г., а затем в апреле 1952 г.

Содержание мирных договоров включает положения о юридическом прекращении состояния войны и восстановлении мирных отношений, территориальных изменениях, материальных обязательствах (репарациях и реституциях), контингенте войск для побежденных и др. Наследием мирных договоров СССР являются принципы разоружения – демилитаризации нацистских государств и наказания всех военных преступников-нацистов. По окончании Второй мировой войны для послевоенного устройства и мирного восстановления по решению Берлинской конференции 1945 г. был создан Совет министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции (СМИД).

Мирные договоры были заключены СССР со странами гитлеровской коалиции – Италией, Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией. Они были подготовлены СМИД и утверждены на Парижской и Нью-Йоркской конференциях 1946 г., а затем 10 февраля 1947 г., подписаны в Париже, после чего ратифицированы каждой из стран-участниц.

В процессе выработки этих мирных договоров США и Англия стремились навязать условия жестокого возмездия, экономического истощения и порабощения побежденных стран, а их население поставить в бесправное положение дешевой рабочей силы. СССР не пошел на эти условия для народов побежденных стран, что позже обернулось их черной неблагодарностью, антисоветизмом и нынешней русофобией.

Советский Союз настаивал на том, чтобы мирные договоры создали более прочные предпосылки для денацификации в побежденных странах, требовал распустить фашистские организации, наказать всех нацистских преступников в этих странах. Под давлением США из мирных договоров были выхолащены положения о денацификации, сохранилась лазейка для оживления фашизма, который потом «выстрелил путчем» в Венгрии в 1956 г.

Репарации. По мирным договорам побежденные страны обязывались возместить ущерб антигитлеровской коалиции. Однако СССР проявил великодушие и социалистический гуманизм, согласившись на частичное возмещение ущерба, а позднее в одностороннем порядке снизил свои репарационные требования к побежденным странам. На Крымской и Потсдамской конференциях сумма репараций с Германии была определена в 20 млрд. долларов, из них 10 млрд., должен был получить Советский Союз, хотя именно он внес основной вклад в разгром фашизма. В мае 1950 г. СССР снизил уплату остававшейся суммы на 50 % (до 3171 млн.). С 1 января 1954 г. СССР прекратил взимание репараций с ГДР. Неуплаченная сумма составила 2537 млн. долларов в ценах 1938 г. СССР предлагал и западным державам завершить взимание репараций с Германии к 1954 г. Однако они отказались проявить подобного рода гуманизм.

Срок уплаты репараций Румынией и Венгрией был определен в 8 лет. В 1948 г.

СССР сократил на 50 % оставшуюся сумму платежей со стороны Румынии, Венгрии и Финляндии, согласился зачесть в счет репараций стоимость поставок товаров, оплаченных по коммерческим контрактам. В ответ СССР получил ненависть и русофобию.

Валюта репараций – еще один проигрышный пункт мирных договоров. По валюте, в которой будут рассчитываться и уплачиваться репарации, США и Англии пытались обыграть СССР, требовали, чтобы репарационные поставки выплачивались не товарами, а американской и английской валютой. Тогда и произошло нынешнее долларовое закабаление стран Европы, освобожденных от нацизма ценой русской крови. Советское правительство тогда пыталось этому противостоять, но в конечном счете проиграло, и ныне американо-британская валютная система правит миром, а вывезенные гитлеровцами ценности до сих пор работают против русских.

Заграничная собственность побежденных стран также является условием послевоенного мира. По этим пунктам СССР тоже проиграл в пользу американо-английских империалистов, все заграничные активы побежденных стран оказались главным образом в Англии и США. Кроме того, они добились для своих граждан процедуры персонального возмещения ущерба, причиненного им во время войны. Потом к этой процедуре присоседилось Государство Израиль, которого не существовало во время Второй мировой войны. Оно получило от нацистов для «жертв холокоста» персональные выплаты. Советский Союз, выражая интересы пролетарской солидарности с трудовым народом побежденных русским солдатом стран, не потребовал от них расчетов по частным искам об ущербе для советских граждан, пострадавших от нацизма, исходя из того, что репарационные суммы шли в том числе на социальное обеспечение трудящихся, для которых не предусматривалась частная собственность.

Реституция – возврат имущества. Ценности, вывезенные нацистами с территории Советского Союза, который потерпел наибольший ущерб от гитлеровской оккупации, по условиям мирных договоров далеко не в полном объеме были возвра-

щены победителю. В вопросах реституции СССР проиграл англо-американской дипломатии как в объемах требований по возврату имущества, так и в реализации достигнутых договоренностей, добровольно отказался от окончательных расчетов по реституции из соображений русского великодушия и идеологии солидарности трудящихся.

Территориальные изменения по мирным договорам 1947 г. сводятся в основном к следующему: Италии были установлены границы, существовавшие до 1938 г., за вычетом «свободной зоны Триест» и территорий, отошедших к Югославии – Юлийской Крайпы, долины Верхнего Изонцо, г. Зару в Далмации и о-ва Пелагоза в Адриатическом море и Греции (Додеканезских островов). Италия лишалась колоний в Ливии, Эритрее, Сомали, Албании и Эфиопии. Венгрии уменьшена территория до границ начала 1938 г., Северная Трансильвания возвращена Румынии. Чехословакии передан небольшой участок на южном берегу Дуная. Восстановлены границы Финляндии, существовавшие на 1 января 1941 г., за исключением района Петсамо (Печенга), который возвращен СССР.

Статьи о демилитаризации нацистских режимов устанавливали в качестве главного критерия численность войск побежденных стран: Италии было разрешено иметь армию в составе 185 000 чел., 65 000 карабинеров и флот в составе 2 линкоров и других военных судов общим водоизмещением 67 500 тонн; Румынии – 120 000 военнослужащих, Венгрии – 65 000, Болгарии – 55 000, Финляндии – 34 400. Минусом этих договоренностей по демилитаризации было почти полное отсутствие договорного механизма контроля и обеспечения выполнимости обязательств. Военщина США и Англии быстро впитала остатки нацистской военной мощи Германии, Австрии, Италии, Японии и др. стран, освобожденных от нацизма ценой неимоверных усилий и миллионов жизней советских солдат. В обход СССР они организовали пересортицу остатков нацистских мобилизационных ресурсов и перепрофилировали их под себя, заключив Парижские и Боннские соглашения по Германии, а затем создав на их основе милитаристский блок НАТО.

Демилитаризация Германии предполагала сохранение сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил в минимальной достаточности для обороны страны. Военное производство должно было быть строго ограниченным. Однако англо-американцы завуалировали выработку статей договора, и только к 1954 г. СМВД согласовал договорные условия демилитаризации Германии, которые в конечном счете были сорваны. США и Англия в обход СССР заключили сепаратные мирные договоры с Германией и Японией, проигнорировав предложения СССР о выводе в 1955 г. всех оккупационных войск с территории побежденных государств.

Репатриация – существенное условие мирных договоров, определяющее возвращение на родину военнопленных и перемещенных лиц. Порядок и сроки репатриации регулируются, как правило, отдельными соглашениями, заключаемыми после достижения перемирия или подписания мирного договора. После окончания Второй мировой войны Советский Союз добросовестно репатриировал германских, японских и др. военнопленных, интернированных, перемещенных лиц и закончил эти процедуры к 1955–1957 г. США и Англия не только не провели полную репатриацию, но и применяли японские воинские формирования в войнах на Филиппинах, в Индонезии, Корее и др. Немецкие военнопленные, находившиеся в руках американского и английского командования, были использованы для восстановления немецко-фашистского компонента НАТО.

Таковы основные юридические контуры завершения Второй мировой войны. Для современности история мирных договоренностей с побежденным противником весьма поучительна тем, что выигрыш на поле боя не означает юридической победы в войне. Любые завоевания могут быть перечеркнуты одним росчерком пера вражеского юриста. Задача России – выиграть в этой схватке, освоив юридическую «науку побеждать».

Хочется верить, что современные российские дипломаты ни в чем не уступают прежним. В то же время есть опасение, что для прекращения военных действий на Украине из Вашингтона нам будут выдвинуты неприемлемые и кабальные условия.

Чтобы этого не случилось и юридически не предать значение подвига русского воинства в борьбе с неонацизмом на Украине, нужно уже сейчас сформулировать правовые требования к конструкции мира в этом государстве и безоговорочной победе России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : в 3 т. М., 1947. Т. 3. 791 с.

КАРДАШ И. Л.

KARDASH I. L.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТКОНФЛИКТНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ С УЧЕТОМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

MILITARY LAW

TOPICAL ISSUES OF POST-CONFLICT SETTLEMENT IN THE INTERESTS OF A SPECIAL
MILITARY OPERATION, TAKING INTO ACCOUNT DOMESTIC HISTORICAL EXPERIENCE

Кардаш Игорь Леонидович,

доктор военных наук, профессор,
действительный член
Академии Военных наук

главный научный сотрудник
Главного центра научных исследований
Федеральной службы войск
национальной гвардии
Российской Федерации

E-mail: ikar03@mail.ru

Kardash Igor Leonidovich,

Doctor of Military Science,
Professor, Member of the Academy
of Military Sciences

Chief Researcher
of the Main Center
for Scientific Research
of Rosgvard

E-mail: ikar03@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с организацией и осуществлением мероприятий постконфликтного урегулирования. Показаны общие подходы, опыт решения подобных задач после завершения Великой Отечественной войны на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации. Приведены особенности организации данной деятельности с учетом опыта специальной военной операции. Определены проблемные вопросы и пути их решения в целях повышения эффективности выполнения задач.

Ключевые слова: специальная военная операция; вооруженный конфликт; постконфликтное урегулирование; обеспечение безопасности; денацификация.

Annotation. The article reveals issues related to the organization and implementation of post-conflict settlement activities. The general approaches and experience of solving similar problems after the end of the Great Patriotic War in the North Caucasus region of the Russian Federation are shown. The features of the organization of this activity are given, taking into account the experience of a special military operation. Problematic issues and ways to solve them are identified in order to improve the efficiency of tasks.

Key words: special military operation; armed conflict; post-conflict settlement; security; denazification.

По мере развития специальной военной операции (далее СВО), проводимой Российской Федерацией с 24 февраля

2022 г., стало очевидно, что прокси-война на Украине превратилась в вооруженный конфликт в классической форме. При

этом очевидно, что это не конфликт между народами двух стран. По сути, мы сегодня являемся свидетелями и участниками глобального, цивилизационного противостояния, которое для народов России и Украины имеет экзистенциальный характер.

Сегодня является реальностью проведение противником мероприятий по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки путем различных форм давления, начиная от экономических санкций, политического манипулирования и откровенной лжи до поддержки и оказания финансовой, материально-технической и прямой военной помощи оппозиции, организации мятежей и вооруженных выступлений, подкупа и склонения к предательству политических деятелей и крупных военачальников.

Подобная ситуация приводит к тому, что пресечение или ликвидация вооруженного конфликта не означает разрешения противоречий, его вызвавших. Для этого необходимо проведение мероприятий по восстановлению правовых отношений во всех сферах общественно-политической жизни, ликвидации угроз, прежде всего, государственной и общественной безопасности. Анализ данных угроз показывает, что для их ликвидации необходим комплекс мер как военного (силового), так и невоенного характера.

Данные мероприятия реализуются в рамках **постконфликтного урегулирования**. Необходимо отметить, что данный термин пока не нашел своего места в системе основополагающих документов – ни в базовых документах стратегического планирования, ни в документах, закрепляющих систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и собственно вооруженную защиту Российской Федерации [1; 2].

На сегодняшний день он применяется преимущественно на ведомственном уровне в связи с выполнением соответствующих задач силами и средствами из состава различных элементов военной организации государства¹. С учетом этого

¹ Военная организация государства – совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборон-

неизбежны и разночтения в терминологии применительно к данному феномену, а также в подходах к содержанию проводимых мероприятий.

Вместе с тем при различиях во взглядах на осуществление постконфликтного урегулирования они имеют и общие черты, позволяющие охарактеризовать данную деятельность:

- устранение причин конфликта и условий их возобновления;
- восстановление мирной жизни гражданского общества;
- восстановление самостоятельного управления;
- недопущение эскалации и развязывания новых военных конфликтов.

При этом ключевым условием является окончание активной фазы военных действий.

Увязывая эти черты с целями специальной военной операции – демилитаризацией и денацификацией Украины, в рамках создания условий, а также формирования системы сил и средств для реализации мероприятий постконфликтного урегулирования, – представляется ценным опыт осуществления данной деятельности на территории Германии после победоносного завершения Великой Отечественной войны. Причем акцент делается на **денацификации**, поскольку именно в этой сфере в значительной степени лежат причины конфликта, а незавершенность процесса денацификации означает возможность нацистского реванша.

Разгром фашизма на полях сражений, достигнутый благодаря беспримерному подвигу советского народа, позволил выработать и реализовать конкретные меры денацификации Германии.

Опираясь на решения, которые вырабатывались до завершения войны, в рамках Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, где была принята «Декларация по вопросу о всеобщей безопасности», работы Европейской консультативной комиссии, созданной в декабре 1943 г., а также Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г. [3; 4; 5], основные меры

но-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации [2].

по денацификации Германии были определены в ходе Потсдамской конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. в пригороде Берлина во дворце Цецилиенхоф.

В специальном документе конференции «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период» предусматривались меры:

- обеспечение полного разоружения и демилитаризации Германии, ликвидация всей германской промышленности, которая могла бы быть использована для военного производства, или контроль над ней;

- убеждение немецкого народа в том, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными;

- уничтожение национал-социалистической партии, ее филиалов и подконтрольных организаций, роспуск всех нацистских учреждений, обеспечение недопустимости их возрождения в будущем и предотвращение всякой нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды;

- осуществление подготовки к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе;

- отмена всех нацистских законов, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений;

- контроль образования в Германии до полного устранения нацистских и милитаристских доктрин.

Кроме того, предлагалось арестовать и предать суду всех, кто участвовал в планировании и осуществлении военных и иных преступлений. Члены нацистской партии, «которые были больше, чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям», должны были удалиться с общественных должностей и ответственных постов на предприятиях. Их планирова-

лось заменить лицами, «которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии» [6].

Как видно, выработанные мероприятия носили системный характер и затрагивали практически все сферы жизни разгромленной Германии с целью формирования условий для перехода к мирной жизни на новой основе, исключающей возрождение нацистско-милитаристской идеологии.

Вместе с тем проведенная в западных (американской, британской, французской) оккупационных зонах денацификация не достигла конечной цели – полного искоренения нацизма. Это не было случайным – Запад умышленно «амнистировал» бывших нацистов как носителей идеологии «Drang nach Osten» («Поход на Восток»).

Большинство отечественных и зарубежных историков в отношении политики денацификации отмечают, что после завершения денацификационного процесса под контролем союзников все быстро вернулось на круги своя. Так, например, уже к 1950 г. от 40 до 80 % нацистов в различных сферах вернулись на свои посты. Все приговоренные к разным срокам тюремного заключения высокопоставленные чиновники и военные были либо амнистированы, либо освобождены досрочно в период 1949–1951 гг. [7].

В условиях конфронтации с СССР Запад пошел на сохранение нацистской элиты для скорейшего восстановления Западной Германии и ее интеграции в такие структуры, как НАТО. Именно Германия является сегодня «локомотивом» в осуществлении европейскими недружественными странами мероприятий в рамках «гибридной войны» против России.

С учетом опыта специальной военной операции особую важность приобретает еще один аспект. С началом операции и в ходе ее проведения массированным атакам со стороны вооруженных сил Украины (далее ВСУ) с применением диверсионно-разведывательных формирований кроме объектов и войск на линии боевого соприкосновения и в тактической зоне подверглись население и объекты на подконтрольных России территориях новых субъектов Российской Федерации, а также на территории приграничных (и не

только) областей России. Звеньями этой цепи стали вторжение ВСУ на территорию Курской области в августе 2024 г. и применение оружия большой дальности по ряду объектов на территории нашей страны.

Это говорит о том, что задачи постконфликтного урегулирования наряду с задачами по защите населения, территории и объектов от опасностей, которые возникают в условиях военных конфликтов, являются актуальными и для территорий, формально не относящихся к территориям вооруженного конфликта.

Особую актуальность этот вопрос приобрел после введения в соответствии с

Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 на части территории Российской Федерации военного положения – меры, предусмотренной Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», а также уровней реагирования, уровней готовности и определенных режимов с конкретизацией мер, осуществляемых в рамках данных режимов, и полномочий органов власти различных уровней по реализации данных мер и проведению других мероприятий, в том числе мероприятий территориальной обороны – в соответствии с Указом Президента Рос-

Таблица

Этапы контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации

Основные характеристики	Этапы контртеррористической операции		
	I этап	II этап	III этап
Наименование этапа	Активные боевые действия	Антитеррористический	Обеспечение общественной безопасности
Время	1 октября 1999 г. – 22 января 2001 г.	22 января 2001 г. – 1 сентября 2003 г.	с 1 сентября 2003 г.
Основные цели	Разгром крупных вооруженных формирований; взятие под контроль территории Чеченской Республики; создание и обеспечение функционирования системы военной администрации – военных комендатур	Снижение террористической активности бандформирований; проведение первоочередных мероприятий по восстановлению экономики республики; формирование и обеспечение функционирования органов республиканского и местного самоуправления; формирование и ввод в оперативно-служебную деятельность республиканских силовых структур	Снижение уровня террористической и общеуголовной преступности в регионе до общероссийской; восстановление экономического потенциала, формирование легитимных органов государственной власти и местного самоуправления; передача отдельных функций по поддержанию законности и правопорядка от федеральных к республиканским силовым структурам
Руководство системой Оперативных штабов	Минобороны России	ФСБ России	МВД России
Руководство ОГВ(с)	Минобороны России	Минобороны России	Внутренние войска МВД России

сийской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 [8; 9; 10].

Введение военного положения, а также принятие других мер создали правовую основу для проведения мероприятий в рамках постконфликтного урегулирования, предоставив органам управления и задействованным силам соответствующие полномочия.

Выполнение данных задач на освобожденных территориях имеет свои особенности:

- огромное количество брошенного или утаенного вооружения, боеприпасов и взрывчатых веществ, в том числе на руках у населения;

- уничтоженная правоохранительная система, по сути, разрушенная инфраструктура МВД Украины, уничтоженная административная практика и база;

- досягаемость для различных средств поражения противника, в том числе ударных беспилотных летательных аппаратов, тактических ракет, артиллерийских и авиационных боеприпасов;

- действия диверсионно-разведывательных и агентурно-боевых групп противника, большое количество дезертиров с оружием из подразделений территориальной обороны ВСУ, нелояльность местного населения;

- разрушение инфраструктуры жизнеобеспечения населения, как следствие – существенное ухудшение оперативной обстановки и всплеск преступных проявлений, что особенно усугублялось наличием большого количества вооружения и боеприпасов на руках у населения.

Все это накладывает отпечаток на содержание мероприятий, осуществляемых в рамках постконфликтного урегулирования, и построение системы управления привлекаемыми силами и средствами.

В этой связи особую важность приобретает опыт решения подобных задач в составе Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации (далее ОГВ(с)) в рамках контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации – на третьем ее этапе (с 1 сентября 2003 г. – этап обеспечения общественной безопасности) (табл.).

В этом же ряду стоит и возложение с 2017 г. общего руководства деятельностью ОГВ(с) и определение ее состава на директора Росгвардии – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации [11].

Возвращаясь к опыту специальной военной операции, очевидно, что принятие ряда нормативных актов позволило обеспечить единое руководство привлекаемыми силами и средствами и координацию их действий в рамках **оперативных штабов и штабов обороны**, а также определило ряд мер, направленных на совершенствование деятельности в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, что в прямой постановке перекликается с задачами постконфликтного урегулирования [12; 13].

С учетом вышеизложенного *цель постконфликтного урегулирования* можно сформулировать как восстановление политического, социального и экономического порядка в зоне (стране) конфликта.

Эта цель достигается решением ряда задач, направленных на создание и практическую реализацию условий для достижения цели, основными из которых являются:

- нейтрализация источников угрозы возобновления конфликта, в первую очередь – денацификация;

- обеспечение безопасности гражданского населения;

- восстановление и поддержание основных систем жизнеобеспечения, элементов инфраструктуры и функционирования институтов гражданского общества;

- восстановление и поддержание государственного управления.

В рамках денационализации (в качестве одной из основных задач), ключевым условием должно являться искоренение самих источников распространения нацистской идеологии и практики. Без выполнения этого условия, без глубоких и последовательных преобразований перспективы возрождения нацизма сохранятся. В этой связи предлагаем меры, в которых могут быть отражены исторические уроки для полной ликвидации нацистской идеологии на Украине:

- в социально-экономической сфере
- конфискация и национализация соб-

ственности владельцев, оказывавших материально-финансовую поддержку нацистским организациям, партиям, воинским формированиям, таким как «Азов», «Айдар», «Торнадо» и др.;

- материально-финансовая, сырьевая поддержка предприятий, ориентированных на развитие экономического взаимодействия с российской промышленностью;

- осуществление полной демилитаризации экономики;

- *в общественно-политической сфере*

- рассмотрение военных преступлений и преступлений, связанных с нарушением прав человека в специально созданном Международном общественном трибунале по Украине;

- отстранение должностных лиц, связанных с неонацистской деятельностью, от занимаемых должностей в государственных, административно-хозяйственных учреждениях, промышленности и т. д.;

- отказ от культа, идеологии и возвеличивания неонацистских движений, организаций и политических партий, избравших своей идеологией идеи коллаборантов, активно сотрудничавших в годы Второй мировой войны с немецко-фашистскими захватчиками;

- ликвидация и запрет на политическую деятельность в дальнейшем всех организаций и партий, декларировавших нацистские или этнофобские политические инициативы. К таким партиям относятся «Батьківщина» (Ю. Тимошенко), «Европейская солидарность» (П. Порошенко и А. Турчинов) и «Слуги народа» (основатель В. Зеленский);

- усиление информационно-пропагандистской работы с пленными ВСУ;

- осуществление постоянного контроля над той частью украинцев, которые демонстрируют свое желание внедряться в российские административно-политические структуры на освобожденных территориях Украины;

- привлечение к планированию мер по денацификации украинцев, вынужденных ранее покинуть Украину за свои антинацистские взгляды;

- стимулирование переселения управленческих кадров из Российской Федерации на освобожденную от нацистов территорию Украины;

- комплектование силовых структур на освобожденных территориях кадрами из Российской Федерации на временной и постоянной основе;

- заслуженное наказание украинских националистов, принимавших участие в военных преступлениях;

- бессрочный поиск военных преступников;

- *в культурно-образовательной сфере*

- придание русскому языку конституционного статуса и отмена всех дискриминационных законов, принятых парламентом Украины в отношении русского языка и русскоязычного населения;

- изменение системы образования, создание новых образовательных программ, учебников по истории с освещением преступлений украинских нацистов в годы Великой Отечественной войны и в «послемайдановский» период с 2014 г., а также исключающих формирование националистических, реваншистских установок;

- возрождение исторической памяти о героях и участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;

- *в информационной сфере* – формирование нового информационного поля с объективным освещением произошедших на Украине в последнее десятилетие событий (национализация всех телевизионных каналов и других средств массовой информации).

Кроме того, необходимо предусмотреть решение *дополнительных задач*:

- оказание помощи в разминировании местности и объектов и восстановлении важнейших элементов инфраструктуры;

- оказание гуманитарной и иной помощи населению;

- оказание содействия в интеграции бывших участников незаконных вооруженных формирований в мирную жизнь;

- обеспечение условий для проведения свободных выборов в представительные органы власти;

- создание условий защиты прав и свобод человека.

Анализ сущности задач постконфликтного урегулирования, сформулированных с учетом исторического опыта, свидетельствует о комплексном характере рассматриваемого явления, а, следовательно, и решать их необходимо комплексно и системно, с привлечением всех необходи-

мых сил и средств, с возложением управленческих и координирующих функций на один из элементов военной организации государства.

В этой связи возрастает роль войск национальной гвардии Российской Федерации, которые являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина [14]. Они обладают всеми необходимыми полномочиями, силами и средствами для проведения мероприятий в рамках постконфликтного урегулирования, возможностями по организации и руководству этой деятельностью на межведомственном уровне.

Проведенный анализ позволил выявить ряд проблемных вопросов, решение которых необходимо для реализации целей постконфликтного урегулирования.

Важным специфическим фактором, значительно усложняющим процесс постконфликтного урегулирования, является переплетение в зоне конфликта интересов государственных субъектов, бандитских, экстремистских и террористических организаций и организованной преступности. В связи с этим порой весьма сложно не только быстро разрешить накопившиеся противоречия, но и просто разобраться в ситуации. Как следствие, постконфликтное урегулирование становится и сложнее, и продолжительнее по времени.

Важнейшей проблемой становится также отсутствие должной координации между всеми участниками разрешения конфликта: не только между ведомствами различных государств-участников постконфликтного урегулирования, но и между ведомствами одной страны, что ведет к затягиванию и «замораживанию» процесса урегулирования.

Остро стоит и проблема кадров – отсутствие специалистов, носителей здравых, творческих и понятных идей, грамотных организаторов, поэтому не менее важно совместное обучение и подготовка военного, полицейского и гражданского персонала для постконфликтного урегулирования, миротворческих операций.

Сегодня настало время для практической отработки мероприятий постконфликтного урегулирования в мирное время в рамках организации и проведения

совместной межведомственной подготовки на уровне Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, заинтересованных федеральных органов исполнительной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).
2. Военная доктрина Российской Федерации : утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).
3. Англо-Советско-Американское Коммюнике о Конференции Трех Министров в Москве, 2 ноября 1943 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I–III / ред.-сост. С. Майоров. М. : Государственное издательство политической литературы, 1946–1947. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. С. 357–360.
4. Декларация четырех держав по вопросу о всеобщей безопасности, 30 октября 1943 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I–III / ред.-сост. С. Майоров. М. : Государственное издательство политической литературы, 1946–1947. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. С. 360–361.
5. Соглашение между правительствами СССР, США и Великобритании о контрольном механизме в Германии, принятое европейской консультативной комиссией, 14 ноября 1944 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 318.
6. Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. // Библиотека электронных ресурсов

Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm) (дата обращения: 20.09.2025).

7. Лезина Е.В. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3–4 (127), июль–декабрь 2018. М. : Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр), Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр). С. 192–206.

8. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант. URL: <http://www.base.garant.ru/405400229.htm> (дата обращения: 20.09.2025).

9. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ : с изменениями и дополнениями // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

10. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 : Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

11. О совершенствовании системы управления Объединенной группировкой

войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 345 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

12. О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» : Указ Президента Российской Федерации от 25 августа 2023 г. № 641 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

13. Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также о мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 207-ФЗ : ред. от 04.08.2023 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

14. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (с изменениями и дополнениями // Доступ из справ.-правовой системы Гарант (дата обращения: 20.09.2025).

ПЛАКСА В. Н.

PLAKSA V. N.

ДИЛЕММА ТЕОРИИ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОСТЬ ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MILITARY LAW

THE DILEMMA OF THE THEORY OF SPACE LAW AND THE MODERNITY OF MILITARY SPACE ACTIVITIES

Плакса Василий Николаевич,

кандидат юридических наук

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: 9992075@mail.ru

Plaksa Vasily Nikolayevich,

PhD in Law

Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation

E-mail: 9992075@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена существующей дилемме теории космического права, состоящей в выборе одного из двух направлений: абстрактной демилитаризации, духом которой наполнены договорные источники действующего международного космического права, или регулируемым сдерживанием милитаризации космического пространства в соответствии с фактически складывающимися правовыми реалиями.

Автор статьи подчеркивает, что военно-правовой науке предстоит решать проблему, суть которой заключается в наличии фундаментальной доктрины демилитаризации космического пространства, наряду с которой государствами фактически осуществляется объективно неконтролируемое военное освоение космоса. Сделан вывод о том, что доктрина и действующее космическое право уже не в полной мере отвечают актуальным вызовам и не справляются с задачей гарантированного обеспечения международного мира и безопасности.

Ключевые слова: дилемма теории космического права; военно-космическая деятельность; международное космическое право; военное право.

Annotation. The article is devoted to the existing dilemma of the theory of space law, which consists in choosing one of two directions: abstract demilitarization, the spirit of which is filled with the contractual sources of current international space law, or regulated deterrence of the militarization of outer space in accordance with the actually emerging legal realities.

The author of the article emphasizes that military legal science has to solve the problem, the essence of which lies in the existence of a fundamental doctrine of the demilitarization of outer space, along with which states actually carry out objectively uncontrolled military space exploration. It is concluded that the doctrine and current space law no longer fully meet the current challenge and do not cope with the task of guaranteeing international peace and security.

Key words: dilemma of the theory of space law; military space activities; international space law; military law.

Дилемма демилитаризации космического пространства и свободы военнo-космической деятельности занимает военнo-правовую науку с начала космической эры. Космические ракеты-носители гражданского назначения мало отличались от баллистических ракет большой дальности, а преимущества, которыми наделяла вооруженные силы спутниковая разведка и связь, стали очевидны уже на раннем этапе. Приоритетом государств было военное применение космических разработок. Осознание перспектив возможного взаимного уничтожения и факта, что космос является всеобщим достоянием, способствующим реализации практических целей человечества, привело к согласию ввести некоторые ограничения его военного использования.

Правовая позиция Российской Федерации соответствует положениям доктрины международного космического права и на протяжении всех лет, с начала практического освоения космоса, направлена на ограничение его военного использования, последовательно и неизменно стремится обеспечить сохранение космического пространства для исключительно мирной деятельности государств на равноправной основе. Своими международно-правовыми инициативами по предотвращению гонки вооружений в космосе Россия вносит вклад и в сохранение стратегической стабильности. При этом приверженность демилитаризации не ограничивает нас в оценке действительности. Мы видим, что происходит в космической реальности и как на национальном и коалиционном уровне меняется правовой ландшафт Запада в области военнo-космических отношений в сторону милитаризации. Космическое пространство стало активной ареной современных военных операций.

Реалии военной деятельности в космосе обнаруживают четкую тенденцию к предсказуемой и потенциально угрожающей ситуации для интересов национальной безопасности России, а также для самого существования человечества на Земле. Несмотря на это, политики и дипломаты не проявляют живого интереса к разработке новых правовых инструментов для обеспечения демилитаризации космоса. Кроме того, нет фундаментальных научных исследований, которые бы внесли

ясность относительно взаимодействия между международным космическим правом, правовой возможностью применения военной силы и международным гуманитарным правом в космосе.

Дилемма теории космического права состоит в выборе одного из двух направлений – абстрактной демилитаризации или регулируемого сдерживания милитаризации. Иными словами, между выбором: оставаться в пределах лозунга или реагировать на реальность – наращивать военнo-космическую мощь, исходя из национальных интересов России.

Оставаясь в парадигме регламентации космического пространства исключительно в мирных целях, нельзя не видеть, что мы упускаем возможности правового влияния на вновь возникающие военные, военнo-технические и военнo-политические отношения. Не создавая должных правовых условий для развития военнo-космической деятельности, мы можем упустить время для сдерживания иностранного военнo-космического потенциала.

В таких условиях, при объективном наращивании военнo-космической мощи недружественных государств, мы рискуем остаться неподготовленными к отражению реальной военной угрозы из космоса – отработке военных технологий, позволяющих контролировать и (или) уничтожать чужие космические объекты и наземные цели. В частности, такое намерение вытекает из «Национальной космической политики США», провозглашающей право США распространить национальный суверенитет на космическое пространство [6]. В настоящее время орбитальные беспилотные системы используются в оперативно-тактическом управлении действиями войск киевского режима против Вооруженных Сил Российской Федерации.

Выходя из прежней правовой позиции, мы сталкиваемся с проблемами собственного суверенного развития военнo-космических сил. При этом должны не запустить необратимую цепочку разрушения базовых правовых основ космической деятельности и не утратить роль основоположника космического права, коим является наша страна.

Последствия разрешения данной теоретической дилеммы, по мнению автора статьи, имеют практический характер. Не-

зависимо от того, приняты ли те или иные военные космические аппараты и системы на вооружение в конкретных странах или это гипотетическая идея, которая неизбежно будет реализована в ближайшей или отдаленной перспективе, задача ученых-юристов – предусмотреть возможности правового регулирования международных и внутригосударственных общественных отношений, связанных с применением новых военно-космических технологий и выдвинуть убедительные и достоверные правовые доктрины, чтобы гуманно, реалистически и своевременно справиться с новыми юридическими, в том числе военно-правовыми потребностями нашего быстро меняющегося мира.

Решая скорректировать свой курс, принимая возможное решение о правовом регулировании развертывания своего ударного потенциала в космическом пространстве, мы не иницируем эскалацию и не создаем прецедент нарушения международного космического права. Правовое регулирование военно-космических отношений продиктовано влиянием внешнего фактора и формирующейся угрозой для нашей военной безопасности. То есть подобные действия Российской Федерации будут носить не агрессивный, а реалистичный характер, баланса интересов безопасности России, других государств и в целом всего человечества.

Представляется очевидным, что государства Запада не только не хотят формулировать новый договорный режим, но и не желают публично излагать свои правовые взгляды. Такое явление особенно остро проявляется в области права вооруженных конфликтов, где практически все государства НАТО решительно отказываются от публичного обоснования своих «гибридных военных действий» или даже от выражения определенной правовой точки зрения. Это создает правовой вакуум и нормативную неопределенность, в которой все субъекты права, как военные, так и гражданские, и все действия, особенно гражданского или коммерческого характера, осуществляются под покровом юридической неопределенности. Такая неопределенность в отношении военно-космической деятельности может привести к непредсказуемым и катастрофическим последствиям.

В основе обеспечения военной безопасности и поддержания паритета должны лежать четко сформулированные международно-правовые нормы. Взаимный интерес к выживанию на Планете не должен уступить интересу к достижению военно-космического превосходства. Это объективно позволяет достигать договоренностей о равной безопасности государств, включая взаимные ограничения на применение силы или угрозы силой в космическом пространстве, то есть регламентировать область космических вооружений, взаимные права и обязанности, по которым могут быть установлены взаимоприемлемые правила военно-космической деятельности.

Вследствие этого предмет правового регулирования национальной военно-космической деятельности должен включать как внутригосударственные общественные отношения, так и условия, по поводу которых удастся договориться с иностранными контрагентами. В результате будут достигнуты приемлемые для Российской Федерации и гарантирующие ее безопасность положения о военно-космической деятельности.

В силу особенности космической среды и потенциальных возможностей ею обусловленных, ситуация в космосе быстро меняется и уже мало напоминает ту, какой она была при вступлении в силу договоров по контролю над космическими вооружениями. На сегодняшний день сложилась новая расстановка сил, значительное количество государств получило космические технологии, ведет и развивает военно-космическую деятельность, участвует в международных переговорных проектах в рамках ООН и Конференции по разоружению. Однако до сих пор не выработаны и не имеют юридического закрепления международно-правовые определения даже таких понятий, как «демилитаризация космоса», «нейтрализация», «запрет использования космического пространства в военных целях», «военное использование космоса».

В ряде научных работ по международному космическому праву дается правовой анализ и обоснование существующего положения. Так, например, М. В. Тарасенко в работе «Военные аспекты советской космонавтики» обосновывает сложившу-

юся неопределенность соответствующих дефиниций: «В публичной сфере четкость определений была даже нежелательной, поскольку в условиях конфронтации лидеры СССР и США стремились подчеркнуть агрессивно-милитаристский характер космической программы противника и мирную направленность своей» [9].

Концепция демилитаризации и нейтрализации космического пространства была разработана отечественными учеными. Ее теоретическую основу заложил Е. П. Коровин в 1950 г. Отталкиваясь от понятий, принятых в международном праве, он писал: «Под нейтрализацией определенно-го пространства (части территории суши государства, моря, реки, канала) обычно понимаются запрещения, в силу международного соглашения, использовать это пространство в качестве театра военных действий, то есть недопущения в нем каких бы то ни было операций военного характера. Под демилитаризацией понимается запрещение сооружать новые или сохранять уже имеющиеся в этом пространстве объекты военного значения, например военные базы». Исходя из изложенного он сформулировал, что под нейтрализацией и демилитаризацией космического пространства «следует понимать запрещение там каких бы то ни было военных действий, осуществляемых в самом космосе, так и через него, например, бомбардировка территории одного государства боевыми ракетами другого государства, запускаемыми с земли, моря или воздуха и пересекающими космическое пространство, равно как и запрещение сооружать в нем военные объекты (например, военноракетные площадки, базы)» [4, с. 109].

Г. П. Задорожный, определяя понятие полной демилитаризации космического пространства, подразумевал запрет на выведение в космическое пространство любых объектов в военных целях, включая испытание и размещение оружия. Под полной нейтрализацией он понимает запрещение использования космоса в период вооруженного конфликта; для выведения, использования космических объектов для нанесения ущерба противнику; ведение боевых операций; пролет баллистических ракет для поражения целей на Земле [5, с. 8]. Он также отмечал, что «правовой режим космического простран-

ства не может быть вне международного права» [1, с. 83].

Ю. М. Колосов, разрабатывая концепцию о нераспространении права использования космоса в целях ведения войны полагал, что в силу ряда особенностей космического пространства на него должны распространяться нормы общего международного права о запрете присвоения и военного использования [2]. Также им отмечалось, что «полное запрещение военного использования космического пространства означает его демилитаризацию и нейтрализацию» [3, с. 26].

Г. П. Жуков касательно космического пространства отмечал, что полная демилитаризация означает запрет следующего: возведение любых объектов военного назначения на небесных телах или вывод таких объектов на орбиту вокруг этих тел; использование космического пространства для (или во время) военных маневров, а также в целях испытания любых видов оружия. Следовательно, полная нейтрализация предусматривает запрещение использования космоса во время войны для запуска военно-космических объектов в целях нанесения ущерба противнику; для непосредственного ведения боевых операций; для пролета боевых ракет одного государства к целям на территории другого.

На наш взгляд, позиции ученых относительно нейтрализации космического пространства, связанные с самим термином «нейтралитет», получили неверное выражение. Его употребление применительно к космическому пространству не отвечает юридическому содержанию данного понятия как правового положения государства в период войны, при котором оно в ней не участвует и не оказывает непосредственной помощи воюющим. Соблюдение государством нейтралитета исключает право воюющих сторон превращать его территорию в театр военных действий, проводить через нее свои войска, действовать против такого государства вооруженными силами [7]. То есть, понятие нейтралитета тесно связано с субъектом, а именно: государством и его поведением. О нейтрализации космического пространства как запрещении или недопущении каких бы то ни было действий в нем, пусть даже и в силу соглашений, может идти речь, если

космическое пространство, включая небесные тела, не находится под чьим-либо суверенитетом.

Наряду с трактовкой понятия нейтрализации, увязанной с нейтралитетом государства, этот термин может быть рассмотрен применительно к рискам или угрозам. В этом понимании термин *нейтрализация* не подпадает под трактуемую Е. П. Коровиным, Г. П. Жуковым, Г. П. Задорожным, Ю. М. Колосовым международно-правовую характеристику, которой, по их мнению, следует наделить космическое пространство, а определенный объем действий по устранению опасности, обезвреживанию угроз, нивелированию рисков государству или обществу. О нейтрализации космического пространства, по мнению автора настоящей статьи, можно говорить лишь в контексте нейтралитета отдельных государств, принявших обязательство не использовать военно-космические системы.

Военно-правовой науке предстоит решать существенную международно-правовую проблему, суть которой заключается в наличии фундаментальной доктрины демилитаризации космического пространства. Наряду с ней государствами осуществляется объективно неконтролируемое военное освоение космоса. При этом темпы милитаризации стремительно увеличиваются, число государств, заявивших о подобных устремлениях, растет, а номенклатура ударных космических средств и систем расширяется. Доктрина и действующее космическое право уже не в полной мере отвечают актуальным вызовам и не справляются с задачей гарантированного обеспечения международного мира и безопасности.

Космическое пространство имеет уникальные и существенные особенности. Обусловленное этим обстоятельством понимание государствами правовых пределов своей военно-космической деятельности подлежит конкретизации и дополнительному правовому урегулированию.

Комплексное решение данной правовой проблемы предстоит выработать, консолидируя усилия как на национальном уровне – во внутреннем законодательстве Российской Федерации, составляющем содержание ее военного права, так и на международном договорном уровне.

Правовая позиция, которая будет предложена международному сообществу в лице Организации Объединенных Наций или Конференции по разоружению, должна содержать конкретную серию договорных норм, исполнимых и гарантированных.

Указывая на признак гарантированности исполнения участниками международного соглашения взятых обязательств, необходимо отметить и сложности, с которыми, вероятно, столкнется демилитаризующая инициатива. Безусловно, степень доверия к договаривающейся стороне и степень его надежности в выполнении принятых международно-правовых обязательств является определяющим аспектом и важной характеристикой субъекта в праве международных договоров. Но с кем придется договариваться? В первую очередь с США и странами Запада.

Репутация США при реализации договоренностей по чувствительным вопросам международного сотрудничества, в частности в области безопасности, не позволяет надеяться, что они продолжат исполнять добровольно взятые на себя обязательства с момента, когда последние перестанут отвечать их национальным интересам, или расклад сил сложится в пользу данного государства.

Вероятно, нет оснований доверять риторике Запада относительно намерений, связанных с демилитаризацией космоса, их самоограничением на проведение испытаний противоспутникового оружия, тезисами о стремлении к ответственному поведению в космосе и о достаточности действующего международного права. Никто на Западе не собирается полностью придерживаться существующих ограничений, если не позволено реализовать свои интересы. Цель военно-космической деятельности США – получение преимущества, обеспечивающего полное военное доминирование. Их стремление ослабить геополитического противника в лице России и Китая очевидны и подтверждены документами стратегического планирования.

Подтверждением тому служит и современная практика Запада. Западными государствами публично игнорируются, применяемые в ситуации вооруженного конфликта, нормы и принципы международного гуманитарного права (далее

МГП) [8]. Несмотря на то, что МГП считается самой кодифицированной отраслью международного права, а участниками его договоров являются почти все государства, фактической приверженности МГП США и их союзники не демонстрируют. Ими осуществляется поставка для Украины в рамках вооруженного конфликта запрещенных Оттавской Конвенцией (1997) противопехотных мин, поставлялись для ведения боевых действий снаряды с накопечниками из обеднённого урана [9], ограниченные Дублинской Конвенцией (2008) касетных боеприпасы и т. д.

Все это указывает на то, что декларативная приверженность и формальная поддержка дискурса о немилитаризации космоса Западом не более чем показная мера. Можно предположить, что грубое нарушение США своих обязательств в рамках Договора по космосу (1967) – это только вопрос времени, обстоятельств и возможностей.

Поэтому обязательным условием решения проблемы, связанной с военно-космической деятельностью государств и размещением вооружений в космическом пространстве, противоречащей устоявшейся доктрине демилитаризации космоса, должна стать надежная, юридически обязывающая международная договоренность, в которой необходимо закрепить действенный механизм невозможности ее нарушения.

Рассматривая теоретическую основу решения указанной правовой проблемы, следует понимать, что потребуется решение не только основной ее сути, но и связанных вопросов. В этом контексте должны быть рассмотрены вопросы о том, как следует поступать с государствами, которые не выразят желания участвовать в договорах или будут препятствовать достижению демилитаризующего космического соглашения.

Международное космическое право, как отрасль международного права и объективированная в правовых актах согласованная воля государств предполагает их обязанности по исполнению взаимоприемлемых договоренностей. Но участником соглашений суверенное государство быть не обязано, если оно не разделяет правовую позицию, закрепленную в акте. Такой субъект не формирует и свою

национальную практику, которая является необходимой составной частью «всеобщей практики государств», выступающей правовой основой и конститутивным элементом обычного международного права.

С другой стороны подобное поведение субъекта международного права намеренно препятствует формированию правовых ограничений на определенные агрессивные формы военно-космической деятельности, потенциально способные деструктивно воздействовать на состояние международного мира и безопасности.

Государства, которые не будут участвовать в соглашении по неразмещению оружия в космосе, противопоставляющие собственные интересы общечеловеческим, поддерживающие чужие интересы и препятствующие принятию договорных норм в данной области должны нести и бремя издержек в связи с такой позицией. Эти издержки могут быть не только политико-дипломатического характера, но также военно-техническими и международно-правовыми.

Подобные субъекты – государства, не имеющие собственных возможностей выведения на орбиту своих космических объектов, должны быть ограничены в предоставлении данной услуги; им не должны предоставляться ракетно-космические технологии, специалисты, а также помощь в создании и развитии ракетно-космической отрасли при выражении таких намерений; должен ставиться вопрос об их участии в работе международных организаций и конференций, предметом деятельности которых является исследование и использование космического пространства в мирных целях.

Те государства, которые обладают космическими возможностями, но не намерены конструктивно сотрудничать по устранению пробелов в позитивном международном космическом праве и участвовать в выработке норм, связанных с установлением режима демилитаризации космического пространства, должны публично осуждаться. Ежегодные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, Комитета ООН по мирному использованию космического пространства, Конференции по разоружению могут и должны

содержать рекомендации всеобщего присоединения к данному режиму, осуждать позиции государств-членов, препятствующих прогрессивному развитию международного права, стабильности и международной безопасности.

Во многом сегодняшняя недоговороспособность западных государств обусловлена позицией Соединенных Штатов, опирающихся на свою военно-политическую силу, достигнутый уровень и агрессивные планы развития военного использования космоса. Неоднократные попытки расширения системы ограничения использования космоса в военных целях во всех форматах встречали их сопротивление. Стремясь упрочить свое военно-стратегическое преимущество, они не считают целесообразным ужесточать существующий международно-правовой режим использования космоса в военных целях.

Следовательно, результативное начало выработки международно-правовых норм и достижение юридически обязывающего международного соглашения, препятствующего выводу и размещению в космическом пространстве ударных космических систем, возможно только с того момента, когда изменится общее соотношение сил в пользу Российской Федерации и ее союзников.

Наращивание российской военно-космической мощи должно рассматриваться не как нарушение международно-правовых принципов или милитаристские устремления, и даже не как законное право на повышение обороноспособности государства, а как прямая обязанность добросовестного Постоянного члена Совета Безопасности ООН, ответственного, в соответствии с ее Уставом, за поддержание международного мира и безопасности.

По мнению автора статьи, только неоспоримая военно-космическая мощь, доктрина, исключающая стратегическую двусмысленность в части определения понятия угрозы и создавшая правовые рамки для перехода к применению стратегического ядерного оружия, демонстрация воли и готовности государства его применить, создают сегодня предпосылки для нового международно-правового регулирования военного использования космического пространства. Исходить это регулирование должно из древнего и общепонятного принципа *Uti possidetis*

– фактического обладания вещью, обеспечивая, таким образом, переход от лозунгового понимания мирного космоса к регулированию того, что уже доступно человечеству как космическая реальность юридического миропонимания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Задорожный Г. П. Основные проблемы науки космического права. М. : Международные отношения, 1962. 87 с.
2. Колосов Ю. М. Критика реакционных международно-правовых концепций в области международного космического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / Колосов Юрий Михайлович [место защиты: Московский государственный институт международных отношений]. М. : МГИМО, 1966. 20 с.
3. Колосов Ю. М., Сташевский Г. Г. Борьба за мирный космос. М. : Международные отношения, 1984. 700 с.
4. Коровин Е. А. О нейтрализации и демилитаризации космоса // Международная жизнь. 1959. № 12. С. 109-110.
5. Космос и проблемы всеобщего мира / АН СССР. Ин-т государства и права ; отв. ред. д.ю.н. Г. П. Задорожный. М. : Наука, 1966. 195 с.
6. National Space Policy of the United States of America, issued by President D. Trump in December 2020. URL: <https://pdf> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Словарь международного права ; отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 492 с.
8. Леншин С. И., Мишуткин И. В. Соблюдение норм международного гуманитарного права // Пособие военнослужащему Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Гос. ун-т управления, 2017. 144 с.
9. США передадут Украине снаряды с обедненным ураном в рамках нового пакета военной помощи на 175 миллионов долларов//Ria.ru. [официальный сайт]. URL: <https://ria.ru/20230906/paket-1894629238html?ysclid=lo8gxx3i1o863034178> (дата обращения: 07.01.2025).
10. Тарасенко М. В. Военные аспекты советской космонавтики. М. : Николь, 1992. 161 с.

ГРАЧЕВА И. А., ЕЛИНА Е. В.,
ФЕДЯЕВ А. А.

GRACHEVA I. A., ELINA E. V.,
FEDYAEV A. A.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЯМИ ИСТОРИИ СРЕДСТВАМИ УГОЛОВНОГО ПРАВА (ЧАСТЬ 1)

CRIMINAL LAW SCIENCES

THE STATE AND PROSPECTS OF COMBATING FALSIFICATION OF HISTORY
BY MEANS OF CRIMINAL LAW (PART 1)

Грачева Ирина Александровна,

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: kirisha@inbox.ru

Gracheva Irina Aleksandrovna,

Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: kirisha@inbox.ru

Елина Елена Владимировна,

кандидат экономических наук
Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Elina Elena Vladimirovna,

Candidate of Economic Sciences
Military University
Ministry of Defense
of the Russian Federation
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Федяев Артем Александрович,

Вятский государственный университет
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Fedyaev Artem Aleksandrovich,

Vyatka State University
E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правового пресечения практики фальсификации истории, представляющей угрозу национальной безопасности Российской Федерации в сфере историко-культурных ценностей в свете развернутой коллективным Западом информационно-психологической войны против России. Предлагаются авторские законодательные инициативы, призванные дополнить Уголовный кодекс РФ необходимыми правовыми нормами для эффективного противодействия попыткам искажения исторической памяти народов России.

Annotation. The article discusses current issues of criminal law suppression of the practice of falsification of history, which poses a threat to the national security of the Russian Federation in the field of historical and cultural values in the light of the information and psychological warfare launched by the collective West against Russia. The author's legislative initiatives are proposed to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with the necessary legal norms to effectively counter attempts to distort the historical memory of the peoples of Russia.

Ключевые слова: фальсификация истории; защита исторической памяти; уголовно-правовые средства борьбы; реабилитация нацизма; вандализм; уголовная ответственность; законотворческая инициатива.

Key words: falsification of history; protection of historical memory; criminal legal means of struggle; rehabilitation of Nazism; vandalism; criminal liability; legislative initiative.

В последние десятилетия по мере возвращения Россией своей роли как мировой державы усилились попытки западной и отечественной ревизионистской историографии злонамеренно исказить место и роль России в истории человечества, особенно в разгроме германского нацизма и японского милитаризма и утверждении современной системы мироустройства.

В условиях ведения Россией специальной военной операции на Украине, имеющей цель подавить процессы возрождения неонацизма и отразить непосредственные угрозы своему суверенитету и территориальной целостности, со стороны коллективного Запада против нашей страны начата информационно-психологическая война. Одним из главных объектов этой войны выступает историческая память народов России как важнейшая часть национального самосознания, формирующая их идентичность.

Защита исторической памяти от фальсификаций (наряду с отстаиванием традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры) определяется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве одного из стратегических национальных приоритетов, являющихся основой духовной консолидации и гражданской идентичности российского общества [1].

Следует признать, что в отечественной науке понятие «фальсификация истории» в каноническом виде еще не утвердилось. Е. Е. Вяземский дал его следующее определение: «Под фальсификацией истории обычно понимается сознательное искажение исторических событий в определенных, часто политических целях. Фальсификацию истории в узком прагматичном смысле можно определить как сознательное искажение исторических фактов, их тенденциозную трактовку, выборочное цитирование и манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа исторической реальности» [2, с. 31].

Помимо общественно-политических и научных средств борьбы с фальсификациями истории все больше оказываются востребованными уголовно-правовые средства. В отечественной правовой доктрине также не сложилось единого определения для термина *фальсификация истории*. В статье предлагается следующая дефиниция: фальсификация истории – это форма противоправной преднамеренной подложной историографической деятельности, основанной на искажении исторических фактов и совершаемой в политических или иных целях.

Значительные масштабы, которые в зарубежной и отечественной ревизионистской литературе приобрели попытки фальсифицировать исторические факты в угоду настроенных в антироссийском духе политических сил или личных амбиций, создают такую ситуацию, при которой, по словам А. Л. Бредихина, «усилий научной общественности, исторических обществ и других социальных институтов часто недостаточно для противодействия таким попыткам переписать историю». Возникает острая необходимость непосредственно государству вмешаться в процесс борьбы с фальсификацией истории России. Перед ним встает задача «обеспечения сохранения исторической памяти народа и защиты от разрушающего воздействия ложных идей и злонамеренных посягательств», пока «правовая регламентация ответственности за фальсификацию истории России не получила подробную разработку» [3, с. 101, 103].

В настоящее время в Российской Федерации сложилась определенная нормативно-правовая база, призванная защитить права граждан на исторически достоверную память нашего Отечества. Российское уголовное законодательство, касающееся борьбы с фальсификацией истории, преимущественно сосредоточено на защите исторической памяти о Великой Отечественной войне и предотвра-

щении реабилитации нацизма. Ключевым элементом правового регулирования этих вопросов выступает статья 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

К нормативным правовым документам, прямо или косвенно предполагающим защиту исторической памяти, следует отнести следующие: Конституцию Российской Федерации [5]; Уголовный кодекс Российской Федерации [4]; Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [6]; Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [7]; Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [8]; Федеральный закон от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы» [9]; Федеральный закон от 9 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [10]; Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи» [11]; Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 г. № 1340 «Об условиях и порядке присвоения почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы» [12]; Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [13] и др.

Остановимся более подробно на соответствующих положениях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [4]. Уголовная ответственность за деяния, связанные с фальсификацией отдельных периодов национальной истории, предусмотрена статьей 354.1 УК РФ. Она устанавливает уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для главных военных преступников нацистской Германии (Нюрнбергского трибунала), за одобрение преступлений, установленных указанным приговором, распространение заведомо

ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично.

Объектом преступления, предусмотренного статьей 354.1 УК РФ, является общественная нравственность и историческая память о событиях Великой Отечественной войны, а также защита интересов ветеранов и лиц, пострадавших в результате военных действий.

Объективная сторона преступления выражается в активных действиях, направленных на отрицание установленных фактов, одобрение преступлений либо распространение ложных сведений. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, то есть осознанием лицом ложности распространяемых сведений и желанием их распространить.

Наказание за совершение указанных деяний предусмотрено в виде штрафа, принудительных работ либо лишения свободы на срок до трех лет. В случае совершения преступления с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, предусмотрено более строгое наказание – лишение свободы на срок до пяти лет.

Законодательное закрепление ответственности за фальсификацию истории направлено на предотвращение героизации нацизма, сохранение исторической правды и защиту национальной безопасности Российской Федерации.

Еще одна статья УК РФ – статья 243.4 устанавливает уголовную ответственность за посягательства на материальные объекты воинской славы и исторической памяти народов Российской Федерации. Статья предусматривает уголовное наказание за уничтожение либо повреждение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных Дням воинской славы России (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его

интересы, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов.

Объектом преступления является общественная нравственность и историческая память в сфере охраны памяти погибших военнослужащих, защищавших суверенитет и отстаивавших интересы Российской Федерации, увековеченная в материальных носителях исторической памяти.

Объективная сторона выражается в активных действиях по уничтожению или повреждению материальных объектов исторической памяти (находящихся на территории Российской Федерации, а также за ее пределами), в результате чего данные объекты утратили историко-культурное значение. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом – осознанием лицом историко-культурной значимости конкретного объекта с желанием нанести ему физический (материальный) ущерб.

Санкции составов данной статьи предусматривают наказание в виде штрафа до 3 миллионов рублей, обязательных работ до 400 часов либо лишения свободы на срок до 3 лет. При квалифицирующих признаках (групповое совершение, использование служебного положения) максимальное наказание увеличивается до 5 лет лишения свободы.

Законодательное закрепление статьи 243.4 УК РФ предполагает нормативно-правовое обеспечение защиты материальных носителей исторической памяти народов Российской Федерации, подвигов военнослужащих, павших при защите государственного суверенитета и отстаивании её непосредственных интересов, от физических преступных посягательств, продиктованных в том числе, историко-ревизионистскими побуждениями преступника, на их сохранность.

Объектом преступления по статье 214 УК РФ выступают общественный порядок и общественная нравственность. Объективная сторона преступления в его нынешней редакции выражается в осквернении зданий или сооружений либо порче имущества в общественных местах. Субъективная сторона характеризуется умыслом, направленным на совершение акта вандализма.

Действующая санкция статьи предусматривает наказание в виде штрафа до 40 тысяч рублей, обязательных работ до 360 часов, исправительных работ до 1 года, ареста до 3 месяцев.

Законодательное закрепление уголовной ответственности за акт вандализма подразумевает государственные меры, направленные на недопущение разрушения или осквернения физических свойств объектов материального мира, имеющих значение для общественной нравственности, зачастую являющихся материальными носителями национальной исторической памяти. Последнее позволяет рассматривать статью 214 УК РФ как законодательное средство борьбы с искажением исторической памяти.

В контексте государственного реагирования на ревизионистское искажение исторической памяти народов России приоритетное значение имеет правоприменительная практика как системная деятельность государственных органов Российской Федерации по реализации законодательных норм и привлечению к ответственности лиц, виновных в фальсификации истории.

В числе мер государственного реагирования на попытки фальсификации истории следует отметить создание 10 сентября 2020 г. в Следственном комитете Российской Федерации (далее СКР) подразделения по расследованию преступлений о фальсификации истории. Как сообщила пресс-служба СКР, «работа этого подразделения будет направлена не только на установление виновных в совершении преступлений в годы войны и реализацию принципа неотвратимости наказания, но и на предотвращение искажения исторических фактов» [14; 15]. Наибольшая практика уголовного преследования за такого рода правонарушения нарабатана путем применения статьи 354.1 УК РФ, прямо предусматривающей уголовную ответственность за действия, связанные с фальсификацией истории.

В совокупности тенденции в назначении наказаний по статье 214 УК РФ (в отношении исторических объектов) и по статье 243.4 УК РФ демонстрируют процессы усиления защиты культурно-исторического наследия Российской Федерации. Анализ правоприменительной судебной практики

по данным уголовным нормам выявляет общую тенденцию повышения строгости при назначении наказаний за вандализм и уничтожение либо повреждение воинских захоронений, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных Дням воинской славы России.

При назначении наказаний по статье 214 УК РФ в отношении объектов исторического значения суды учитывают не только материальный ущерб, но и моральный вред, причиненный обществу посредством осквернения материальных носителей исторической памяти. Наблюдается тенденция ужесточения наказания в случаях совершения данного преступного деяния группой лиц из хулиганских побуждений, а также если данное деяние было совершено в совокупности преступлений.

Параллельно с этим при назначении наказаний по статье 243.4 УК РФ суды принимают во внимание степень повреждения объекта, его историческую, культурную значимость и мотивы совершения преступления. Если деяние повлекло уничтожение объекта или причинение ему значительного вреда, то наказание может быть в виде лишения свободы.

В ходе проведенного исследования авторами настоящей статьи выявлены следующие проблемы квалификации преступных деяний:

- существует проблема разграничения между вандализмом, уничтожением или повреждением воинских захоронений;

- имеет место проблема с оценкой ущерба.

Отсутствуют методики оценивания вреда относительно исторической памяти в отличие от материального ущерба. При этом экспертизы проводятся с разными целями и экспертами различной специализации – исторической и реставрационной.

Особенное значение имеет нарастание цифровизации во всех сферах жизни, что вызывает увеличение преступных посягательств на историческую память и значительное расширение круга лиц, вольно или невольно вовлеченных в такого рода посягательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 17.04.2025).

2. Вяземский Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. №. 1. С. 28–43.

3. Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. 2020. № 4 (20). С. 101–105.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 21.04.2025 : с изм. и доп. вступ. в силу с 2 мая 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.09.2025).

6. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 // Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/1583840/> (дата обращения: 01.09.2025).

7. О днях воинской славы и памятных датах России : Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/ (дата обращения: 01.09.2025).

8. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.09.2025).

9. О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы» : Федеральный закон от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ// Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/189454/> (дата обращения: 01.09.2025).

10. Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов : Федеральный закон от 9 апреля 2025 г. № 74-ФЗ : не вступил в силу// Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411804792/> (дата обращения: 01.09.2025).

11. О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи : Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 727// Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/106683/> (дата обращения: 01.09.2025).

12. Об условиях и порядке присвоения почётного звания Российской Федерации

«Город воинской славы» : Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 г. № 1340// Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/190284/> (дата обращения: 01.09.2025).

13. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314// Доступ из справочно-правовой системы Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/> (дата обращения: 01.09.2025).

14. СКР создал отделение по борьбе с фальсификацией истории // Pravo.ru.[сайт]. URL: <https://pravo.ru/news/225613/> (дата обращения: 21.04.2025).

15. В СК создается подразделение по расследованию преступлений о фальсификации истории // ТАСС. [официальный сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9423583> (дата обращения: 02.05.2025).

ДИКАРЕВ И. С.

DIKAREV I. S.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

CRIMINAL LAW SCIENCES

THE THIRD STAGE OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Дикарев Илья Степанович,

доктор юридических наук, доцент
Волгоградский государственный
университет,
Волгоградская академия МВД России
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Ilya Stepanovich,

Doctor of Law, Associate Professor
Volgograd State University,
Volgograd Academy of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается система современного досудебного производства по уголовным делам в контексте изменений в организации предварительного расследования, процессуальных отношений прокурора и следственного органа, а также разделения обвинительной власти на следственную и прокурорскую. Взятые в совокупности эти преобразования служат основанием для выдвижения научной гипотезы о выделении действий и решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, в самостоятельную стадию уголовного процесса – третью стадию досудебного производства по уголовным делам. В ходе исследования было доказано, что действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, соответствуют всем признакам самостоятельной стадии уголовного процесса, занимающей промежуточное место между предварительным расследованием и судебным производством по уголовным делам; обосновано, что наиболее точно отражает сущность и назначения данной стадии название «направление уголовного дела в суд».

Ключевые слова: система уголовного процесса; досудебное производство; стадия уголовного процесса; прокурор.

Annotation. The article considers the system of modern pre-trial proceedings in criminal cases in the context of changes in the organization of the preliminary investigation, the procedural relations of the prosecutor and the investigative body, as well as the division of the prosecution into investigative and prosecutor's. Taken together, these transformations serve as the basis for putting forward a scientific hypothesis about the separation of the actions and decisions of the prosecutor in a criminal case, which came with an indictment, into an independent stage of the criminal process - the third stage of pre-trial criminal proceedings. The study proved the actions and decisions of the prosecutor in the criminal case with the indictment correspond to all the signs of an independent stage of the criminal process, which occupies an intermediate place between the preliminary investigation and the trial in criminal cases; it is justified that the name "sending a criminal case to court" most accurately reflects the essence and purpose of this stage.

Key words: criminal procedure system; pre-trial proceedings; stage of criminal procedure; prosecutor.

На фоне свойственной уголовно-процессуальному праву регламентации мельчайших элементов процессуальной деятельности лиц, ведущих производство по уголовному делу, кажется невероятным отсутствие законодательного регулирования системы уголовного судопроизводства. Конечно, структура уголовно-процессуального законодательства дает некоторое представление о системе судопроизводства, но исчерпывающей ясности в вопросе о том, какие стадии образуют уголовный процесс, никогда не было. Достаточно сказать, что само слово «стадия» в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) встречается всего семь раз. При этом употребляется законодателем это слово зачастую в сочетаниях, далеких от доктринальных канонов. Так, например, в статье 106 УПК РФ говорится о «стадии судебного производства», в части 3 статьи 241 УПК РФ – о «стадии досудебного производства», а в статье 348 УПК РФ упоминается «стадия предварительного слушания». Любому специалисту такие выражения режут слух, поскольку ни производства (досудебное или судебное), ни предварительное слушание (являющееся судебным заседанием, проводимым в рамках первой судебной стадии) в строгом смысле слова стадиями уголовного процесса не являются. Этим и объясняется обстоятельство, что монопольное право определять систему уголовного процесса уже давно «присвоила» себе доктрина уголовного судопроизводства. Однако любая теория, в том числе уголовно-процессуальная, на протяжении десятилетий развивается в рамках определенной парадигмы, что делает ее весьма невосприимчивой к изменениям, происходящим во внешней по отношению к ней среде (в том числе, действующем законодательстве). Ставшие традиционными и общепринятыми взгляды на те или иные вопросы (в том числе на систему уголовного процесса) становятся «общими местами», упорно отстаиваются учеными-процессуалистами и воспроизводятся ими в специальной и учебной юридической литературе.

Одним из таких общих мест в юридической литературе является выделение в рамках досудебного производства двух стадий – возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, что

во многом основано на выделении законодателем соответствующих разделов в УПК РФ. Раздел VIII УПК РФ включает главу 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», что наводит на мысль о включении данного этапа процессуальной деятельности в структуру предварительного расследования.

На момент принятия УПК РФ 2001 г. включение процессуальной деятельности прокурора в порядке главы 31 УПК РФ в структуру предварительного расследования имело под собой определенные основания. Прокурор позиционировался как непосредственный участник предварительного следствия, обладавший полномочиями не только надзорного характера, но и связанными с осуществлением уголовного преследования, производством следственных действий. В этот период следователь был настолько же тесно связан процессуальными отношениями с прокурором, как в настоящее время с руководителем следственного органа. Завершающий этап досудебного производства органично вписывался в предварительное следствие – на нем прокурор как процессуальный руководитель проверял законность предшествовавшей процессуальной деятельности, обоснованность предъявленного обвинения и достаточность доказательств для поддержания государственного обвинения в суде.

Однако в результате реформы досудебного производства (2007) характер существовавших прежде процессуальных отношений между прокурором и следователем существенно изменился. Полномочия по руководству расследованием перешли к руководителю следственного органа, а прокурор занял по отношению к предварительному следствию позицию внешнего органа надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. По сути, произошло разделение обвинительной власти на следственную и прокурорскую, что имело цель выстроить в досудебном производстве систему сдержек и противовесов, препятствующих концентрации обвинительной власти в руках одного ведомства¹.

¹ Следует обратить внимание на то, что во всей своей полноте эта реформа затронула только предварительное следствие. При производстве дознания прокурор по-прежнему пользуется полномочиями,

В настоящее время для осуществления уголовного преследования требуется последовательная процессуальная деятельность сначала следственного органа, обладающего исключительными полномочиями на возбуждение уголовного дела и его расследование, а затем прокуратуры – единственного органа, наделенного полномочием поддержания в суде государственного обвинения по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Вследствие произошедших в организации досудебного производства изменений его завершающий этап, в ходе которого прокурор изучает уголовное дело, поступившее к нему с обвинительным заключением, решает вопросы о его утверждении и направлении дела в суд, больше не может рассматриваться как часть предварительного следствия. На этом этапе уголовное дело принимается к производству прокурором, осуществляющим процессуальную функцию, принципиально отличающуюся от функций следственного органа, что предполагает также коренное различие задач, стоящих перед предварительным следствием и деятельностью прокурора на рассматриваемом этапе судопроизводства. Одно только это заставляет усомниться в том, что действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением, по-прежнему является частью предварительного следствия.

В этой связи возобновилась дискуссия о месте данного этапа в системе досудебного производства и необходимости его рассмотрения в качестве самостоятельной стадии [1, с. 119, 121; 2, с. 135; 3, с. 34]. Проверить эту гипотезу можно только одним способом: сопоставив черты деятельности прокурора, предусмотренной главой 31 УПК РФ, с выделяемыми в юридической литературе признаками стадии уголовного процесса [4, с. 9].

Предпринимаемый исследователями анализ структуры и содержания процессуальной деятельности прокурора, предусмотренной главой 31 УПК РФ, указывает на то, что по всем признакам рассматриваемый этап досудебного производства является самостоятельной стадией досудебного производства.

связанными с руководством расследованием, в связи с чем выводы, сделанные в данной статье, касаются прежде всего производства по уголовным делам, расследуемым в форме предварительного следствия. — Прим. авт.

Начнем с того, что задача прокурора при выполнении действий, предусмотренных главой 31 УПК РФ, принципиально отличается от задач предварительного следствия. Данное различие коренится в несовпадении процессуальных функций, реализуемых следователем в ходе предварительного расследования, и прокурором по поступившему к нему уголовному делу. Прокурор не расследует уголовное дело, не устанавливает путем производства следственных действий фактические обстоятельства дела, не изобличает обвиняемого и не доказывает его вину. Изучая материалы уголовного дела, прокурор проверяет исполнение требований закона на предшествующих стадиях и оценивает доказательства, прежде всего на предмет их достаточности для признания лица виновным в совершении преступления.

Принимаемые прокурором на данном этапе процессуальные решения предопределяются результатами такой проверки. Обнаружив допущенные нарушения закона или упущения, связанные с соблюдением процессуальной формы, определением объема обвинения или квалификацией преступления, он возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия. Утверждение же прокурором обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд являются результатом формирования у него под влиянием имеющихся доказательств собственного внутреннего убеждения в виновности обвиняемого. Принимая такое решение, прокурор выражает согласие с выводами следственного органа и возлагает на себя реализацию функции уголовного преследования, а именно: из органа надзора прокурор превращается в сторону обвинения.

По субъектному признаку данная стадия отличается от предшествующей тем, что происходит замена лица, ведущего уголовный процесс: таковым становится прокурор, от действий и решений которого с момента направления ему уголовного дела с обвинительным заключением зависит дальнейшее движение процесса. Поэтому в случае необходимости продления срока применения меры пресечения с соответствующим ходатайством в суд обращается именно прокурор (часть 2.1 статьи 221 УПК РФ). Что же касается следователя, то он на данной стадии процесса не участвует.

Не менее значимым является и то обстоятельство, что деятельность прокурора в порядке главы 31 УПК РФ не засчитывается в срок предварительного следствия – последний исчисляется до дня направления уголовного дела прокурору. Для выполнения действий и принятия решений, предусмотренных главой 31 УПК РФ, закон устанавливает собственные сроки (части 1 и 1.1 статьи 221 УПК РФ), что является характерной чертой любой стадии уголовного процесса.

Однако не все ученые-процессуалисты разделяют мнение о том, что рассматриваемый этап образует самостоятельную стадию уголовного процесса. В частности, Л. М. Володина полагает, что деятельность прокурора в порядке главы 31 УПК РФ является логическим завершением стадии предварительного расследования, поскольку на основании выводов прокурора подводится итог всей работы, позволяющий убедиться в выполнении задач, возлагаемых на расследование [4, с. 205]. Трудно спорить с тем, что деятельность прокурора, осуществляемая в порядке главы 31 УПК РФ, позволяет убедиться в выполнении задач, стоящих перед предварительным следствием. Однако верификация результатов предшествующих стадий проводится на каждой последующей стадии, и в этом смысле, например, стадия назначения судебного заседания тоже позволяет убедиться в достижении задач, стоящих и перед расследованием, и перед прокурором, принявшим решение о направлении уголовного дела в суд. Из этого вовсе не следует, что первая стадия судебного разбирательства является частью досудебного производства. Каждая стадия имеет собственное назначение, и если говорить о назначении деятельности прокурора по поступившему уголовному делу, то, как уже отмечалось, оно коренным образом отличается от задач, стоящих перед предварительным следствием. Направив прокурору уголовное дело, следователь завершает расследование, так что следующий этап – это новая стадия, в ходе которой решается вопрос о наличии или отсутствии оснований для перехода производства по делу в судебную часть уголовного процесса [6, с. 46].

Сторонники выделения третьей стадии досудебного производства предлагают разные наименования: В. А. Лазарева именует ее «окончанием досудебного произ-

водства» [3, с. 22], а Н. Н. Ковтун – «формированием государственного обвинения» [2]. По нашему мнению, более точно отражает суть рассматриваемой стадии название «направление уголовного дела прокурором в суд». Дело в том, что именование ее окончанием досудебного производства требует оговорки, ведь помимо направления дела в суд досудебное производство может оканчиваться также прекращением уголовного дела. В конечном счете деятельность прокурора направлена на решение вопроса о направлении уголовного дела в суд, причем не только с обвинительным заключением, актом или постановлением, но также с ходатайством о применении принудительной меры медицинского характера. В этой связи название «формирование государственного обвинения» оказалось бы слишком узким, поскольку в производстве о применении принудительной меры медицинского характера законодатель не называет прокурора государственным обвинителем, а значит, нет оснований говорить о формировании и поддержании по таким делам государственного обвинения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дикарев И. С. Модернизация системы досудебного производства в уголовном процессе // LegalConcept = Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 117–122.
2. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
3. Лазарева В. А. Между следствием и судом: действия и решения прокурора по окончании расследования как завершающий этап досудебного производства // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 19–26.
4. Манова Н. С. Предварительное и судебное производство: дифференциация форм. Учебное пособие для вузов. М.: Приор-издат, 2004. 176 с.
5. Володина Л. М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. 2024. Т. 17. № 2. С. 195–214.
6. Решетова Н. Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С. 44–50.

ЗАКОМОЛДИН Р. В.

ZAKOMOLDIN R. V.

ВОИНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

MILITARY CRIME DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Закомолдин Руслан Валериевич,

кандидат юридических наук, доцент
ведущий научный сотрудник НИИ
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Московского университета
имени А. С. Грибоедова
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich,

Research Fellow of the Research Institute
University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law
Disciplines Moscow
University named
after A. S. Griboyedov
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния и структуры воинской преступности в новых условиях с учетом проведения специальной военной операции, введения частичной мобилизации, а также военного положения на территории отдельных субъектов Российской Федерации. Констатируется рост числа воинских преступлений и лиц, их совершающих. Исследуются причины и условия, детерминирующие такую ситуацию. Прогнозируется рост числа воинских преступлений и совершающих их лиц в связи с включением добровольцев в круг специальных субъектов ответственности за преступления против военной службы.

Ключевые слова: воинская преступность; воинские преступления; преступления против военной службы; детерминанты воинской преступности; специальная военная операция.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current state and structure of military crime in the new conditions, taking into account the special military operation, the introduction of partial mobilization, and the state of emergency in certain regions of the Russian Federation. The article states that the number of military crimes and the individuals committing them is increasing. The article explores the causes and conditions that determine this situation. The article predicts an increase in the number of military crimes and the individuals committing them due to the inclusion of volunteers in the list of special subjects responsible for crimes against military service.

Key words: military crime; military offenses; crimes against military service; determinants of military crime; special military operation.

Начиная с 2022 г. объективная обстановка как внутри страны, так и на международном уровне стремительно меняется.

24 февраля 2022 г. Президент России В. В. Путин объявил о начале специальной военной операции по демилитаризации

и денацификации Украины [21]. 25 августа 2022 г. Президент России подписал Указ об увеличении с 1 января 2023 г. штатной численности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации до 1150628 человек (+12,5 %) [18]. 21 сентября 2022 г. Указом Президента России в стране была объявлена частичная мобилизация [17]. 19 октября 2022 г. Указом Президента России на территории ряда субъектов Российской Федерации – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей было введено военное положение [13]. С начала 2023 г. стартовала широкомасштабная государственная кампания по привлечению на военную службу добровольцев [22; 23]. На конец года их численность составила 486 тыс. человек, а всего военную службу по контракту проходили более 640 тыс. человек [8]. С 1 октября 2023 г. была существенно усилена административная ответственность за нарушение требований воинского учета [14]. С 1 декабря 2023 г. штатная численность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации была увеличена еще на 14,7 % – до 1320000 человек [19]. 23 марта 2024 г. были скорректированы законы о мобилизации, воинской обязанности и военной службе, урегулирован призыв на военную службу по мобилизации или в военное время граждан, имеющих судимость [15]. С 1 декабря 2024 г. Указом Верховного Главнокомандующего штатная численность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации увеличилась еще на 13,6 % – до 1500000 человек [20].

Одновременно ведется работа по своего рода мобилизации и милитаризации уголовного законодательства, его адаптации к трансформирующимся объективным условиям [10].

Так, 24 сентября 2022 г. был принят Федеральный закон № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым было существенно реформировано уголовное и военно-уголовное законодательство в сторону его милитаризации. Прежде всего, в действующем УК РФ была предусмотрена уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в

особых условиях – в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Также была введена уголовная ответственность за преступления исключительно военного времени – добровольную сдачу в плен (статья 352.1 УК РФ) и мародерство (статья 356.1 УК РФ). 18 мая 2023 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял беспрецедентно подробные разъяснения практики применения судами военно-уголовного законодательства по делам о преступлениях против военной службы [16]. 24 июня 2023 г. Президент России подписал Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», а 23 марта 2024 г. ему на смену пришел Федеральный закон № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данные акты сформировали новый подход к освобождению от уголовной ответственности и от наказания лиц, призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих или уже заключивших контракт о прохождении военной службы либо проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и снятия с них судимости. 28 декабря 2024 г. Федеральным законом № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» за добровольцами был закреплён статус специального субъекта уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы наряду с военнослужащими.

Таким образом, в новых условиях, когда проводится специальная военная операция, введена частичная мобилизация, в ряде регионов Российской Федерации введено военное положение, реформируется воинское и военно-уголовное законодательство, неизбежно изменяется и трансформируется преступность, в том числе воинская преступность военнослужащих и приравненных к ним лиц (мобилизованных, добровольцев, запасников) [9]. Скла-

дывающаяся объективная обстановка неизбежно отражается на структуре и состоянии воинской преступности, ее проявлениях в текущем периоде [4]. В этой связи актуальна криминологическая оценка данной разновидности преступности в новых и трансформирующихся условиях [6]. Более того, отдельные эксперты уже оперируют такими категориями, как «военно-полевая криминология» [11] и «криминология войны» [1, с. 264].

Можно констатировать резко возросшее количество воинских преступлений – преступлений против военной службы, предусмотренных главой 33 УК РФ. Так, если в 2021 г. было зарегистрировано 1514 таких преступлений, то в 2022 г. – 3047 (+100 %), в 2023 г. – уже 11530 (+378,4 %), а в 2024 г. – 28584 (+247,9 %). Таким образом, в 2024 г. количество подобных преступлений увеличилось на 1888 % по сравнению с 2021 г. Число выявленных лиц, совершивших данные преступления, также увеличилось – с 1479 в 2021 г. до 9097 в 2024 г. (+615 %) [7].

На первом месте в структуре воинской преступности в период СВО находятся преступления против порядка пребывания на военной службе (статьи 337–339, 352. 1 УК РФ). Так, в 2024 г. таких преступлений зарегистрировано 27221, что составило 95,2 % от всех воинских преступлений. При этом наибольшее количество преступлений регистрировалось по статье 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы». Если в 2022 г. было зарегистрировано 2179 таких преступлений, то в 2023 г. – уже 9820 (+450,6 %), а в 2024 г. – 25251 (+257,1 %).

Таким образом, в период проведения специальной военной операции воинская преступность в целом существенно возросла. При этом данный рост имел место как по отношению к предшествующему СВО периоду (2019–2021 г.) [3], так и непосредственно внутри периода проведения СВО (2022–2024 гг.), когда в каждом последующем отчетном году показатели воинской преступности возрастали по сравнению с предыдущим годом.

Детерминанты такой ситуации с воинской преступностью весьма многообразны. Среди них помимо непосредственно самой специальной военной операции как весьма нетипичного явления можно вы-

делять массированную антироссийскую пропаганду со стороны недружественно настроенных зарубежных государств, уязвимость информационной безопасности государства и распространенность недостоверной информации в обществе, в том числе о деятельности государственной военной организации [4]. Многие лица стали участниками боевых действий не по своей воле, а в принудительном порядке в результате объявленной частичной мобилизации, часть же добровольцев надеялась таким образом поправить свое материальное положение. Ряды военнослужащих в значительной степени пополнились социально неблагополучным, криминальным контингентом, представленным зачастую бывшими осужденными, которые склонны к неправомерному поведению [12]. Личный состав независимо от оснований поступления на военную службу и выполнения служебных обязанностей в зоне боевых действий оказывался не готов к тяготам и лишениям, связанным с несением военной службы в боевых условиях, испытывал морально-психологические перегрузки. Имеют место и пробелы в нормативном регулировании – соответствующее ситуации законодательство формируется в режиме реального времени с неизбежным отставанием и недостатками содержания, юридической техники и процедуры разработки и принятия [2]. Перечисленные факторы и условия в своей совокупности детерминируют воинскую преступность, которая в период с 2022 по 2024 гг. поэтапно возросла в разы в сравнении с предшествующим периодом (2019–2021 гг.).

Что касается перспектив на ближайший период, то очевидно, что в связи с расширением круга субъектов воинских преступлений и включения в него добровольцев (часть 4 статьи 331 УК РФ) число таких преступлений, а также совершивших их лиц в 2025 г. будет расти.

В целом такая ситуация требует всестороннего анализа, а для этого, прежде всего, необходимо знание о реальном состоянии воинской преступности, которое невозможно без надлежащего первичного учета [5].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в сложившихся условиях акценты неизбежно сместились в сторону обеспечения боеспособности и боеготовности

армии, достижения тактического и стратегического перевеса над противником. Вместе с тем не следует игнорировать работу по профилактике, предупреждению и пресечению преступлений и иных правонарушений в армейской среде, поскольку это чревато потерей должного контроля над ситуацией и ростом правонарушаемости среди военнослужащих и приравненных к ним лиц.

Спектр возможных мер воздействия может варьироваться от простых в виде правового просвещения, правового информирования и профилактических бесед (часть 1 статьи 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») до кардинальных – возбуждения уголовных дел, уголовного преследования и уголовного наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Готчина Л. В. О новых типах личности преступника в изменяющемся мире // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сборник материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.) ; науч. ред. В. В. Меркурьев, Ю. А. Тимошенко ; сост. М. В. Ульянов, Р. В. Закомолдин. М. : Изд-во Университета прокуратуры РФ, 2023. С. 260–264.
2. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Почему «приказал долго жить» Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // Вестник военного права. 2024. № 3. С. 51–57.
3. Ермолович Я. Н. Анализ статистических показателей судимости военнослужащих Российской Федерации за преступления против военной службы в 2021 г. // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 158–164.
4. Закомолдин Р. В. Воинская преступность в новых условиях: состояние, структура, детерминанты // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 3. С. 98–103.
5. Закомолдин Р. В. О достоверности и эффективности первичных статистических наблюдений за состоянием преступности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2017. № 4. С. 13–14.
6. Закомолдин Р. В. Состояние воинской преступности в период проведения специальной военной операции и в предшествующий период: сравнительный анализ // Вопросы борьбы с преступностью : сборник науч. тр. членов науч. объединения «Криминология» им. И. И. Карпеца Ун-та прокуратуры РФ ; науч. ред. Р. В. Жубрин ; сост. А. А. Литвинов, Н. А. Апарина, А. Д. Огородникова. М. : Изд-во Ун-та прокуратуры РФ, 2025. Вып. 2. С. 56–63.
7. Данные Единого государственного статистического учета за 2021, 2022, 2023, 2024 гг. Форма 1-ЕГС.
8. Минобороны назвало число контрактников в армии / Информационный канал РБК // Rbc.ru. [официальный сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/12/2023/658c0fa89a7947bf9958382e> (дата обращения: 03.07.2025).
9. Майдыков А. А., Парфенов А. В., Огурцов А. Е., Конашенков С. О. Влияние специальной военной операции на трансформацию преступности в Российской Федерации (криминологические аспекты) // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 1. С. 131–140.
10. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022–2024 гг.): монография / Агапов П. В., Данилов П. С., Дулькина Л. В., Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В., Меркурьев В. В., Робах В. А., Сенокосова Е. К. ; под общ. ред. Р. В. Закомолдина. Самара, 2024. 260 с.
11. Милюков С. Ф. Военно-полевая криминология: концептуальные контуры // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности (Долговские чтения) : сборник материалов II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 марта 2022 г.) ; науч. ред. В. В. Меркурьев, Ю. А. Тимошенко ; сост. М. В. Ульянов, Н. В. Сальников; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации ; Рос. криминолог. ассоц. М., 2022. С. 78–81.
12. Молчанова Т. В., Сухаренко А. Н. Криминологические особенности воинской преступности: новые реалии в условиях специальной военной операции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 4 (58). С. 130–140.
13. О введении военного положения на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Респуб-

ки, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756.

14. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 31.07.2023 № 404-ФЗ.

15. О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» : Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ.

16. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11.

17. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647.

18. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2022 № 575.

19. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской

Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2023 № 915.

20. Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 16.09.2024 № 792.

21. Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина от 24.02.2022 // Kremlin.ru. [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 07.04.2025).

22. Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта: приказ Минобороны России от 15.02.2023 № 67.

23. Об определении порядка обеспечения добровольческих формирований вооружением, военной техникой, материально-техническими средствами и порядка продовольственного, вещевого и иных видов обеспечения, оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в них: приказ Минобороны России от 15.02.2023 № 68.

ЛАСАРИЯ А. О.

LASARIYA A. O.

ПОНЯТИЕ «ЭТНИЧЕСКИХ» И «НАЦИОНАЛЬНЫХ» СООБЩЕСТВ (В КОНТЕКСТЕ КОНВЕНЦИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ГЕНОЦИДА)

LEGAL SECURITY

THE CONCEPT OF «ETHNIC» AND «NATIONAL» COMMUNITIES (IN THE CONTEXT OF THE CONVENTION ON THE PREVENTION OF GENOCIDE)

Ласария Айнар Отариевич,

кандидат политических наук

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: las.ain@mail.ru

Lasariya Aynar Otariievich,

PhD of Political Sciences

Military University
of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

E-mail: las.ain@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия этнических и национальных сообществ (групп) в содержании Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, утвержденной резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. в г. Париже. Автором предпринята попытка исследования проблемных вопросов определения совокупности защищаемых групп, подлежащих защите в соответствии с Конвенцией о геноциде, и толкования признаков этих групп в контексте международных судебных процессов.

Ключевые слова: Конвенция о геноциде; этнические и национальные сообщества; геноцид; национальные меньшинства; международное право; защита национальных меньшинств.

Annotation. The article analyzes the concepts of ethnic and national communities (groups) in the content of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, approved by the UN General Assembly Resolution 260 (III) of December 9, 1948, in Paris. The author attempts to explore the problematic issues of defining the set of protected groups subject to protection under the Genocide Convention and interpreting the characteristics of these groups in the context of international legal proceedings.

Key words: Genocide Convention; ethnic and national groups; genocide; national minorities; international law; minority national protection.

В современном международном праве Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятая 9 декабря 1948 г. в г. Париже [1] (далее Конвенция о геноциде), остается основополагающим актом по борьбе с наиболее

тяжкими преступлениями против мира и безопасности человечества. Однако за более чем семидесятилетний срок его существования правоприменительная практика в рамках международных судебных процессов выявила значительные «проблем-

ные зоны», например, определения содержания понятий «этническое сообщество» и «национальное сообщество», подлежащих защите в соответствии со статьей II Конвенции о геноциде [2].

Современная международная правоприменительная практика в целом свидетельствует о расширительном понимании состава преступления геноцида, что порождает необходимость переосмысления ключевых исходных понятийного аппарата, поскольку от четкого и корректного определения «группы» зависят границы уголовно-правовой охраны, защиты и обязанности предотвращения этого преступления [3].

Конвенция о геноциде закрепляет право на защиту «национальных, этнических, расовых или религиозных» групп, однако не содержит легальных дефиниций этих понятий, что неизбежно переносит центр тяжести принятия решений на судебные органы – от международных уголовных трибуналов «ad hoc»¹ (например, заключений Международного трибунала по Руанде (далее МТР) и Международного трибунала по бывшей Югославии (далее МТБЮ) до Международного Суда ООН (далее МС ООН).

Конвенция о геноциде определяет геноцид как действия, «совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Исторический контекст разработки и принятия Конвенции о геноциде свидетельствует, что изначально предлагалось включить в сферу ее действия и политические группы, но это предложение было отклонено под давлением ряда стран, что создало существенный пробел в защите, который не восполнен до настоящего времени.

Следовательно, интерес автора статьи обусловлен неопределенностью в определении понятий «национальных», «этнических», «расовых» и «религиозных» сообществ в тексте Конвенции о геноциде, что порождает трудности в правоприменительной практике и оставляет пространство для разнообразных политических спекуляций. Отсутствие критериев соотношения социологических, политических и правовых критериев идентификации групп, не позволяет правоприменителю руководствоваться объективными характе-

ристиками той или иной группы или субъективным восприятием самих ее членов и внешних акторов.

Нерешенными остаются проблемы:

- «смешанных» сообществ, в том числе множественной идентичности, когда «на повестке» стоит вопрос о том, как квалифицировать группы, имеющие сложный этнорелигиозный характер, часто встречающийся в современных полиэтнических странах;

- семантической общности или размежевания понятий «этническая общность», «нация», «народность», «национальное меньшинство» в контексте определения субъекта защиты по Конвенции о геноциде;

- возможность включения иных групп (политических, социокультурных) в сферу действия Конвенции о геноциде, который был предметом дискуссий еще на стадии разработки документа.

В результате термины «этническая группа» и «национальная группа» находятся в зоне правовой неопределенности семантической принадлежности между объективистскими признаками (среди которых общность, культура, язык, гражданство и многое другое) и конструктивистским пониманием групп как конструируемых и стигматизируемых «социальных реальностей», в то время как государствам и судебным инстанциям требуется воспроизводимая, методологически корректная квалификация рассматриваемого преступления. При этом в самой Конвенции о геноциде (статья II) закрепляется состав преступления геноцида и перечень защищаемых групп, оставшийся абсолютно неизменным за более чем 75 летний срок его действия, но его наполнение раскрыто через судебную практику МТБЮ, МТР и МС ООН.

В российской научно-гуманитарной традиции «национальное» нередко смешивается с «этническим» из-за практики употребления понятия «национальности» как маркера этнического происхождения. В частности, преобладает применение подхода, рассматривающего этнические общности как исторически сложившиеся формы социальной организации, обладающие объективными характеристиками (язык, культура, традиции и др.). Российские исследователи подчеркивают важность таких критериев, как общее происхождение,

¹ «Ad hoc» (от лат.) – для этой цели или по конкретной причине. – Прим. авт.

язык, культура, территория, этническое самосознание и идентичность. Однако в контексте международного права остается нерешенным вопрос о соотношении социологические категории с правовыми понятиями Конвенции о геноциде.

В англо-саксонской научно-гуманитарной традиции дефиниция «national»² чаще всего означает принадлежность к государству, т. е. гражданство или подданство, или относится к нации как политическому сообществу. Необходимость доказать «*dolus specialis*»³ – намерение уничтожить «как таковую» одну из защищаемых групп – требует предварительно достоверно очертить саму группу – сообщество, иначе «объект уничтожения» остается неопределенным.

Через призму международного права заслуживающими внимания являются труды У. Шабаса [4], систематизировавшего как эволюцию трактовок элементов состава геноцида, так и коллизию между весьма узким списком групп в Конвенции о геноциде и более широкими социологическими интерпретациями современных видов общностей людей. В международно-уголовной плоскости устойчивой стала опора на практику рассмотрения уголовных дел в отношении Жан-Поля Акайесу⁴ (далее дело Акайесу) и Радислава Крстича⁵ (далее дело Крстича), задавших некий канон для дефиниций «группы» и «части группы».

В целом в зарубежной правовой доктрине преобладает субъективистский подход, согласно которому ключевое значение имеют не объективные характеристики той или иной группы, а восприятие ее субъектами преступления, посягающими на основы их существования. Данный подход нашел отражение в практике международных трибуналов, включая МТБЮ и МТР.

Значительное внимание в зарубежной научной литературе уделяется проблеме «культурного геноцида» и его соотношения с классическим пониманием геноцида как физического уничтожения. Ряд исследователей в публикации «Чикагского журнала международного права» обосновывает мнение, что культурное уничтожение группы должно рассматриваться в контексте Конвенции о геноциде [5]. Работы таких авторов, как А. Эйде, Ф. Капоторти, Ж. Дешен, посвященные проблемам защиты меньшинств, внесли существенный вклад в понимание категорий, используемых в Конвенции о геноциде [6], но общепринятого определения понятия «меньшинство» в международном праве до сих пор не существует, что также осложняет понимание и применение Конвенции о геноциде.

В современной политической теории на осмысление «этнического» и «национального» повлияли подходы конструктивистской парадигмы, которые разработаны в научных трудах Б. Андерсона («воображаемые сообщества» [7], Р. Брубейкера («этничность без групп» [8], этносоциологических работах Э. Смита [9]; в российской науке критика «этноса» как квазибиологической сущности рассматривается академиком В. А. Тишковым [10], анализ этнокультурных идентичностей Ю.В. Арутюняном [11] и др.

Результаты анализа российской и зарубежной научной литературы позволяют сделать вывод: в российской науке преобладает объективистский подход к определению этнических групп, а в зарубежной доминирует субъективистский, что отражается в практике международных судов. Сопоставление этих и иных подходов с международной судебной практикой указывает на то, что органы международного правосудия не выбирают одну «теорию нации», а последовательно используют гибкий подход, направленный на формирование правовой позиции, минимально зависящий от идеологии и максимально – от доказательств по существу того или иного уголовного дела.

Применение рассматриваемых дефиниций в международных судебных процессах начиналось при их толковании в рамках «дела Акайесу» (МТР), где международная судебная инстанция, анализируя

² «National» (от англ.) – национальный.

³ «*Dolus specialis*» (от лат.) – особое намерение, умысел.

⁴ Жан-Поль Акайесу (родился в 1953 г. в г. Табе, Руанда-Урунди) – бывший учитель, школьный инспектор и политик Республиканского демократического движения (МДР) из Руанды. Был осужден МТР за геноцид (роль в подстрекательстве к геноциду против тутси в 1994 г. в Руанде) в 1998 г., приговорен к пожизненному заключению.

⁵ Радислав Крстич (родился в 1948 г. в г. Власеница, Югославия) – генерал армии боснийских сербов в июле 1995 г. принял командование корпусом «Дрина», был обвинен МТБЮ в геноциде за убийство боснийских мусульман в г. Сребренице в 1995 г. и в 2001 г., приговорен к продолжительному тюремному заключению, позднее Апелляционный суд сократил срок до 35 лет, оставив обвинение в пособничестве геноциду.

«travaux préparatoires»⁶ [12], подчеркнула, что Конвенция о геноциде защищает «стабильные и постоянные» группы, членство в которых обычно определяется рождением, и предложила рабочие определения: «национальная группа – коллектив, объединенный юридической связью гражданства и взаимностью прав и обязанностей; этническая – коллектив, объединенный общностью языка или культуры; «расовая» – по наследуемым физическим признакам; религиозная – по вероисповеданию и культу». Данная логика привела суд к вопросу: не должна ли защита распространяться на «аналогичные по стабильности» группы, даже если они прямо не обозначены в тексте Конвенции о геноциде, хотя расширение закрытого перечня международный суд так и не инициировал. Так закрепился критерий «стабильности, а также перманентности» как коррективы к субъективному самоопределению.

В постановлении по «делу Крстича» (Апелляционная палата МТБЮ) был заложен совершенно иной «краеугольный камень»: допустимость признания геноцидом уничтожения «существенной части» защищаемой группы, в том числе в географически ограниченном сегменте («части группы»), если эта часть имеет особое значение для выживания всего коллектива [13]. События в г. Сребренице [14] стали прецедентом: объектом посягательства были признаны боснийские мусульмане – боснийцы как защищаемая группа, а «часть» определена через сочетание численного, качественного и контекстного критериев.

В части определения межгосударственной ответственности МС ООН в деле «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории» (26 февраля 2007 г.) подтвердили квалификацию широко известных событий в г. Сребренице как геноцид, но не установили достаточно доказательств прямой ответственности Сербии за его совершение, одновременно признав нарушение ею обязанности предотвращать и наказывать за преступление геноцида [15].

В целом, серьезным и проблемным аспектом является вопрос о самих механизмах предотвращения геноцида, кото-

рый становится особенно актуальным в свете обязательства государств «предупреждать» преступление геноцида, закрепленного в статье I Конвенции о геноциде: государства часто сталкиваются с трудностями в определении момента, когда это обязательство возникает, и объема необходимых действий.

Важно, что МС ООН работал с определением «группы» через призму практики трибуналов и материалов дела, не сводя «национальную» группу лишь к гражданству и признавая религиозную идентичность боснийских мусульман достаточным основанием для защиты.

Последующая судебная практика лишь подтвердила устойчивость этих подходов. В деле «Хорватия против Сербии» (3 февраля 2015 г.) международная судебная инстанция вновь отделила «этническую чистку» как политику «вытеснения» от геноцида, подчеркнув требование специального умысла на уничтожение «как таковой» защищаемой группы или ее существенной части [16]. В современных делах о временных мерах – «Гамбия против Мьянмы» (23 января 2020 г.) [17] и «ЮАР против Израиля» (26 января 2024 г.) [18] – МС ООН, не разрешая заранее вопрос по существу, исходил из «prima facie»⁷ принадлежности затронутых коллективов к защищаемым группам и подчеркивал характер обязательств «erga omnes partes»⁸ по Конвенции о геноциде: все государства-участники вправе добиваться соблюдения запрета геноцида. Подобного рода процессуальные рамки, хоть и не дают окончательных определений тем или иным группам, но показывают, что МС ООН придерживается функционального подхода к «группе», т. е. ориентируется на доказательство самоидентификации членов группы как общности и наличия объективных групповых маркеров (языка, традиций и др.).

По результатам анализа решений международных судебных инстанций можно выделить три пары определяющих природу исследуемого вопроса обстоятельств (соотношений).

⁷ Prima facie (от лат.) – с первого взгляда или основанное на первом впечатлении. – Прим. авт.

⁸ Erga omnes partes (от лат.) – относительно всех; концепция, согласно которой у государства имеется ряд обязательств перед всем мировым сообществом в целом, имеющих универсальный характер. – Прим. авт.

⁶ «Travaux préparatoires» – в международном праве так называют подготовительные материалы договора, которые используются как вспомогательное средство при толковании его положений. – Прим. авт.

Первая – «национальная» и «этническая». В уголовно-правовом смысле «национальная группа» по линии рассмотрения дела Акайесу отсылает к гражданству, однако такой подход не универсален: он корреспондирует рассуждениям МС ООН в отношении дела Ноттебома («Лихтенштейн против Гватемалы») о правовом содержании и соотношении «национальности и гражданства» [19], а также гражданство как легко изменяемая связь с группой плохо сочетается с идеей «перманентной» группы. На практике «национальная» группа в контексте Конвенции о геноциде понимается как историко-политическая общность со стабильными признаками, не сводимыми к паспорту, тогда как «этническая» – как культурно-языковая общность.

Вторая пара – «объективные» и «субъективные» критерии. Суды сочетают объективные маркеры (язык, культура, устойчивые генеалогические связи (общность происхождения), религия) с субъективной самоидентификацией и – ключевое – с субъективным восприятием субъекта преступления: если жертвы были выбраны «как члены группы», то группа существует для целей Конвенции о геноциде.

Третья пара – «номинальная закрытость» перечня групп и материализация «похожих» социальных общностей. Несмотря на соблазн расширять защиту на другие сообщества – группы, правоприменительная практика способствует сохранению исчерпывающего характера перечня защищаемых групп, компенсируя это гибкой интерпретацией того, что считать «этническим» и «национальным». Важно отметить, что значительную проблему представляет доказывание специфического умысла («намерения уничтожить»), которое необходимо для квалификации преступления как геноцида. В этом контексте важное значение приобретает анализ не только прямых высказываний, но и совокупности действий, свидетельствующих о наличии такого умысла. Судебные инстанции не обязаны фиксировать «истинную сущность» нации или этноса; достаточно установить, что на релевантный период (на момент совершения преступления) существует стабильная, социально распознаваемая общность, против которой направлен «особый умысел».

Таким образом, операциональный способ разграничения понятий «этнических»

и «национальных» сообществ в контексте Конвенции о геноциде может быть выражен в виде четырехступенчатого процесса.

Во-первых, следует идентифицировать объективные признаки: для «этнической» группы – язык, культура, этнонимика; для «национальной» – политико-историческую идентичность, институты и символы общности, которые сводятся не только к гражданству. Во-вторых, зафиксировать конкретный субъективный компонент: устойчивое самоотождествление лиц с группой и признание этой группы внешними субъектами. В-третьих, выявить перманентность через относительную неизменяемость членства «по рождению» или путем долгосрочной социализации, что соответствует критерию «стабильности» из дела Акайесу. В-четвертых, установить, что насильственные деяния были совершены «конкретно против членов этой группы», то есть рассматривать непосредственный механизм селекции жертв как групповой признак.

Следует подчеркнуть, что для российской правоприменительной практики (в рамках статьи 357 Уголовного кодекса Российской Федерации) важное значение имеет разграничение «нации» как политико-гражданской общности и «этнической общности» как этнокультурной принадлежности. Историческое смешение этих терминов (например, в советских этнологических категориях – труды Ю. В. Бромлея [20]) нередко ведет к методическим ошибкам: в анализах массовых преступлений признаков гражданства часто принимается за «национальный» в смысле и логике содержания Конвенции о геноциде, а этническая самоидентификация, напротив, может подменяться сущностью этнополитической мобилизации.

При этом позиция международных судебных инстанций по данному вопросу состоит в том, что защита распространяется на те общности, которые обладают достаточной степенью стабильности и распознаваемости, значит, могут оказаться объектом целенаправленного уничтожения «как таковые», то есть необходимо «показать», что в конкретном деле фигуранты выбирали жертв именно по признаку принадлежности к конкретной группе и стремились разрушить ее как целостный социальный организм.

На наш взгляд, в данном случае значимой является необходимость правильно

представлять доказательства умысла. Суды допускают выведение понятия «особого умысла» («прямого умысла») из совокупности иных обстоятельств – масштаба и систематичности насилия в отношении группы, риторики об «уничтожении», выборочной селекции жертв, атак на «фундамент группы» (например, уничтожение лидеров и репродуктивного потенциала). Все эти индикаторы работают только при корректном идентификации самой группы. Так, в деле Крстича суд оценивал не только число убитых мужчин призывного возраста, но и то, что их уничтожение разрушало способность боснийских мусульман г. Сребреницы к социальному воспроизводству и, соответственно, поражаало «существенную часть» этой этнорелигиозной группы.

Современная геополитическая повестка наглядно демонстрирует, что квалификация групп остается предметом как живого правоприменения, так и не утихающих научно-экспертных дискуссий. Указывая временные меры в делах о Рохинджа [17] и о конфликте в Секторе Газа [18], международная судебная инстанция исходит из того, что уже на ранней стадии спора возможно «prima facie» (то есть учитывая только первичные обстоятельства, факты и доказательства) установить наличие защищаемой группы, чтобы применить охранительные механизмы Конвенции о геноциде, что подтверждает: понятия «этнической» и «национальной» групп не существуют в вакууме, они в относительной степени встроены в превентивную логику международного права и должны применяться таким образом, чтобы не создавать пробелов в защите.

Резюмируя, можно отметить, что расхождение между определением понятий «этнический» и «национальный» в Конвенции о геноциде носит функциональный характер. При этом особо важно, что оба явления в достаточной мере «стабильные» и перманентные в смысле возможностей их целенаправленного уничтожения. В правоприменении это различие не всегда требует идентификации: критично показать, что преступный умысел адресован именно «группе как таковой» и что эта группа распознаваема в общественной реальности и для жертв, и для преступников, и для внешних наблюдателей. На основе про-

веденного политико-правового анализа можно предложить следующий алгоритм в части унификации процесса распознавания и последующего разграничения групп, защищаемых Конвенцией о геноциде.

1. Ранняя фиксация конкретных маркеров групповой принадлежности в показаниях, материалах пропаганды и других источниках информации.

2. Валидация «объективных» признаков через экспертные заключения.

3. Сбор и анализ материалов, отражающих стигматизацию⁹ и селекцию жертв «как членов группы» (например, фильтрационные списки, метки на жилищах, лозунги и др.).

4. «Корректное обращение» с гражданством: оно может быть одним из индикаторов «национальной группы», но не тождественно ей.

5. Выявление четкого разграничения между целями вытеснения или переселения группы и целями «уничтожения как таковой», используя развитый инструментарий доказательных презумпций из практики МТР, МТБЮ и МС ООН.

Различие между «этническим» и «национальным» не догматическая пропасть, а необходимая для доказательств настройка правового инструментария. Дальнейшие исследования в настоящей области должны быть направлены на разработку комплексного подхода к точному определению защищаемых групп, который сочетал бы в себе исчерпывающую научную обоснованность и правовую определенность, необходимую для эффективного применения Конвенции о геноциде в современных условиях.

Для правовой системы России такая методологическая точность имеет особое значение как основа для квалификации особо тяжких преступлений против человечности, совершаемых вблизи ее границ. Четкое разграничение этнических и национальных групп позволяет правоприменителям давать однозначную юридическую оценку таким деяниям. Правовая определенность в идентификации защищаемых групп лишает экстремистские группы возможности манипулировать понятиями для

⁹ Стигматизация – процесс общественного навешивания устойчивого негативного ярлыка на человека или группу людей на основании каких-либо признаков, реальных или мнимых. – *Прим. авт.*

разжигания розни и позволяет точно применять меры уголовно-правового воздействия, основываясь на непротиворечивой и научно-обоснованной правовой базе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятая резолюцией 260 (III) ГА ООН от 9 декабря 1948 г. в г. Париже // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 21.09.2025).
2. Доклад Международного Суда (1 августа 2024 г. – 31 июля 2025 г. ГА ООН) // Официальные отчеты. 80-ая сессия. Дополнение № 4. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/2025-10/2024-2025-ru.pdf> (дата обращения: 21.09.2025).
3. Ласария А. О. Понятие «геноцид» по международному и российскому законодательству // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 14–23.
4. William A. Schabas. Genocide in International Law: The Crimes of Crimes. Cambridge University Press, 2000. 624 p.
5. Bonnie St. Charles. You're on Native Land: The Genocide Convention, Cultural Genocide, and Prevention of Indigenous Land Takings [Электронный ресурс] // URL: <https://cjl.uchicago.edu/print-archive/youre-native-land-genocide-convention-cultural-genocide-and-prevention-indigenous> (дата обращения: 21.09.2025).
6. Абашидзе А. Х. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов : учебник / А. Х. Абашидзе, Ф. Р. Ананидзе, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2015. 572 с.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма ; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
8. Брубейкер Р. Этничность без групп ; пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
9. Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма ; пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. 464 с.
10. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
11. Арутюнян Ю. В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2003. 207 с.
12. ICTR, Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu, Judgment, 02.09.1998 г. URL: https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/Akayesu-ICTR-1998-Judgment.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 21.09.2025).
13. ICTY, Prosecutor v. Radislav Krstić, Appeals Chamber, Judgment, 19.04.2004. URL: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/press/en/PR839e%20appeals%20judgement%20Krstic.pdf> (дата обращения: 21.09.2025).
14. «Годовщина раздора» // Коммерсантъ. 13.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7888244?ysclid=mhf5r2cg3o908773956> (дата обращения: 21.09.2025).
15. ICJ, Application of the Genocide Convention (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgment, 26.02.2007. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103164> (дата обращения: 21.09.2025).
16. ICJ, Application of the Genocide Convention (Croatia v. Serbia), Judgment, 03.02.2015. URL: <https://www.icj-cij.org/node/103223> (дата обращения: 21.09.2025).
17. ICJ, Application of the Genocide Convention (The Gambia v. Myanmar), Order on Provisional Measures, 23.01.2020. URL: <https://www.icj-cij.org/node/105890> (дата обращения: 21.09.2025).
18. ICJ, Application of the Genocide Convention in the Gaza Strip (South Africa v. Israel), Order on Provisional Measures, 26.01.2024. Электронный ресурс // URL: <https://www.un.org/unispal/document/icj-order-24may24/?ysclid=mhf80ngm5b601564648> (дата обращения: 21.09.2025).
19. ICJ, Nottebohm Case (Liechtenstein v. Guatemala), Judgment, 06.04.1955. URL: <https://www.icj-cij.org/case/18> (дата обращения: 21.09.2025).
20. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М. : Наука, 1973. 285 с.

МАЛИНА В. П.

MALINA V. P.

О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

APPLICANT'S TRIBUNE

ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE FOR THE USE
OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS**Малина Владимир Павлович,**

научный сотрудник НИИ (военной истории)
Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил
Российской Федерации
E-mail: vpmalina@yandex.ru

Malina Vladimir Pavlovich,

Research Fellow at the Research Institute
(Military History) of the Military Academy
of the General Staff of the Armed
Forces of the Russian Federation
E-mail: vpmalina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития института использования специальных знаний в уголовном процессе и особенности каждого из них. Автор статьи обращает внимание на значимость применения специальных знаний в уголовном процессе, в том числе экспертных заключений для квалификации преступлений и обеспечения доказательственной базы при расследовании и рассмотрении уголовных дел, а также профилактике преступлений (криминалистический учет, прогностические модели).

Ключевые слова: криминалистика; следопыт; специальные знания; экспертиза; эксперт; специалист; уголовный процесс; расследование преступлений; сведущие лица; судопроизводство; исследование.

Annotation. The article describes the stages and features of the development of legal regulation of the use of special knowledge in the criminal process. The author of the article draws attention to the importance of using special knowledge in the criminal process, including expert opinions, for the qualification of crimes and the provision of evidence in complex criminal cases. The use of special knowledge contributes to the prevention of crimes (criminal records, predictive models).

Key words: criminology; investigator; special knowledge; expertise; expert; specialist; criminal proceedings; crime investigation; knowledgeable persons; legal proceedings; research.

На протяжении веков специальные, особые знания отдельных сведущих лиц находили применение в различных областях человеческой деятельности – от сельского хозяйства и животноводства до охоты и духовных практик. Например, древние охотники, освоившие следопытские навыки, накапливали и передавали из поколения в поколение уникальные ме-

тоды идентификации животных по отпечаткам лап. Со временем эти умения стали востребованы обществом в более широком контексте, например, для поимки беглецов или поиска пропавших ценностей.

Становление института использования специальных знаний в уголовном процессе имеет длительный исторический путь. Исследование позволяет говорить о нача-

ле применения специальных знаний в сфере медицины для разрешения правовых споров еще в V–II вв. до н. э. Однако становление научной экспертной практики в Европе и России происходит гораздо позже, в XVI–XVII вв. Необходимо отметить, что в российском государстве при разрешении судебных дел всегда использовались специальные познания сведущих лиц, при этом с развитием отечественного судопроизводства востребованными становились все новые знания в различных областях человеческой деятельности. Одновременно с этим совершенствовалась и форма участия таких лиц в уголовном судопроизводстве.

Вопросы, связанные с определением направлений развития, возможностей и пределов использования института специальных знаний в уголовном процессе, все чаще становятся предметной областью проведения научно-исследовательских работ. При этом проблема применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве становится все более многоаспектной. Следуя логике научного исследования, построение прогнозов развития необходимо начинать с изучения и анализа предшествующего опыта, истории предмета исследования в соответствующей сфере. С этих позиций систематизация процесса эволюции использования специальных знаний позволяет выделить следующие этапы.

Первый этап (V–II вв. до н. э.) характеризуется зарождением основ судебной медицины и формированием системного подхода к применению медицинских знаний в правовой сфере.

Ключевым аспектом этого периода стала деятельность Гиппократ и учеников его школы, что явилось катализатором развития методов медицинского освидетельствования [1, с. 19].

В этот период древнегреческие врачи разработали протоколы наружного осмотра тел (учитывая религиозный запрет на вскрытие), установили корреляцию между клиническими проявлениями и их этиологией, создали базис для доказательной медицинской экспертизы.

Несмотря на табуированность аутопсии в античном мире, медицинские заключения приобретали юридическую значимость, использовались при разрешении спорных

случаев и заложили традицию привлечения специалистов к правовым процессам.

Этот этап стал фундаментом для последующего выделения судебной медицины как самостоятельной дисциплины, демонстрируя ранние формы взаимодействия науки и права, появление профессиональных стандартов медицинской экспертизы и формирование доказательного подхода в юридической практике.

Второй этап (II в. до н.э. – VI в. н. э.) характеризуется институционализацией экспертной деятельности и знаменует качественным преобразованием использования специальных знаний по следующим ключевым направлениям:

1. Формализация экспертной практики (появление первых упоминаний в правовых актах о привлечении сведущих лиц, формирование института экспертов как участников судебного процесса, появление обязательных требований к процедуре экспертного исследования).

2. Развитие методик расследования преступлений (в Древнем Риме сложилась система выявления подложных документов, в древнеиндийских «Законах Ману» закрепляется следственно-аналитический подход (аналогия с методами охотничьего следопытства, делается акцент на вещественные доказательства, системность в исследовании улик) [1, с. 20].

3. Появление теоретико-правовых инноваций (разработка концепции доказательственного значения экспертных заключений, дифференциация статусов участников процесса: свидетель, эксперт, судья; закрепление процессуального положения специалистов).

При этом данный этап продемонстрировал переход от эпизодического к системному использованию специальных знаний, начав формирование методологической базы экспертных исследований, профессионализацию деятельности сведущих лиц, получил взаимовлияние правовых систем разных регионов (Индия, Рим).

Третий этап (VI–XV вв.) характеризуется становлением судебно-медицинской экспертизы как правового института.

Позднеантичный и средневековый периоды характеризуются качественной трансформацией роли медицинских знаний в судопроизводстве: появилось четкое определение процессуального статуса

врачей-экспертов, законодательное закрепление их особого положения (Кодекс Юстиниана) [2].

Впервые появляются специализированные труды по судебной медицине, разрабатываются стандарты проведения освидетельствований, документальных исследований и следственных экспериментов.

Получают свое развитие в китайской правовой практике система дактилоскопической идентификации (VI в.) и стандартизация методов фиксации отпечатков пальцев; в Индии – использование биометрических параметров (зубные оттиски), создание прообраза вещественных доказательств. Получила развитие церковно-правовая регламентация в виде канонического признания медицинской экспертизы (постановление Папы Римского Иннокентия III (1209 г.).

Таким образом, этот период ознаменовался сепарацией судебной медицины от клинической практики, созданием междисциплинарной методологической базы, зарождением протоколов верификации экспертных заключений, формированием международных стандартов доказывания.

Четвёртый этап (XVI–XVII вв.) характеризуется становлением научной экспертной практики в Европе и России.

Данный период ознаменовался системным развитием судебной экспертизы, проявившимся в следующих ключевых аспектах:

1. Европейские научно-правовые инновации (кодификация экспертной деятельности: «Каролина» (1532 г.) – первый общегерманский уголовный кодекс, предусматривавший обязательное медицинское освидетельствование в делах о насильственной смерти, разработку процессуальных стандартов привлечения специалистов; методологический прорыв: формирование новых видов экспертиз (почерковедческая в Японии, дактилоскопическая в Италии); публикация фундаментального труда И. Бона (1689 г.), впервые использовавшего термин «судебная медицина»; создание классификационных систем для различных видов экспертных исследований [2].

2. Российская практика применения специальных знаний (зарождение экспертных процедур: первые зафиксиро-

ванные случаи медицинских освидетельствований (экспертиза князя Старицкого в 1535 г.); развитие документальной экспертизы: методы выявления подлогов (сличение образцов), описание способов фальсификации документов в Судебнике 1550 г. [3, с. 210].

Вместе с тем экспертная практика имела эпизодический характер и узкопрактическую направленность (военно-медицинские свидетельства), отсутствовала системная подготовка специалистов.

Данный этап характеризуется дифференциацией экспертных специальностей, зарождением методологического аппарата, формированием межгосударственных стандартов, появлением первых теоретических работ.

Пятый этап (XVIII в. – 1864 г.) характеризуется институционализацией судебной экспертизы в Российской империи. Данный период характеризуется качественным преобразованием экспертной деятельности, обретшей системный характер и выразившейся в законодательной регламентации медицинской экспертизы, введении обязательного судебно-медицинского освидетельствования, введением воинского Устав Петра I 1716 г. (глава 16 «О лекарях»), утверждением процедурных норм исследования телесных повреждений и требований к оформлению экспертных заключений [4, с. 247].

Вместе с этим произошла профессионализация экспертной деятельности – создавалась образовательная база – был открыт медицинский факультет Московского университета (1755 г.), был введен курс судебной медицины в учебные программы, формировался корпус дипломированных специалистов [5, с. 18].

В это же время были созданы первые экспертные учреждения, учрежден Второй медицинский совет (1811 г.), проведена централизация судебно-медицинских исследований и специализация экспертов на судебных медиков, почерковедов, фармацевтов (в делах об отравлениях), что позволило разработать стандарты проведения вскрытий, ввести формы «медицинских свидетельств» и протоколы осмотра вещественных доказательств, провести первые попытки систематизации экспертных знаний [6].

Шестой этап (1864–1917 гг.) характеризуется систематизацией научной экспертизы в Российской империи.

Судебная реформа 1864 г. Александра II институционализировала экспертизу как правовой институт (был определен процессуальный статус эксперта (в главе 6 Устава уголовного судопроизводства дано четкое определение права на самостоятельное исследование доказательств, обязанности по даче объективного заключения, установлена ответственность за предоставление ложных сведений, составлен расширенный перечень специальностей экспертов (14 категорий) [7, с. 236].

В этот период создана инфраструктура научной экспертизы: (были открыты первые специализированные учреждения: Судебно-фотографическая лаборатория (1889, Санкт-Петербург); кабинеты научно-судебной экспертизы (Москва, Киев, Одесса).

Введены новые методики исследований (антропометрическая система Бертильона, дактилоскопическая регистрация, микрохимический анализ вещественных доказательств).

Проведена профессиональная консолидация экспертного сообщества (Первый Всероссийский съезд экспертов-криминалистов (1916 г.), на котором представителями разных научных школ обсуждались проблемы стандартизации методик, были созданы междисциплинарные рабочие группы, сформирована профессиональная терминология (определение понятия «экспертиза») и разграничены компетенции разных специалистов [8, с. 210].

В течение этого периода проведена технологическая модернизация судебной экспертизы путем внедрения инновационных методов (фоторегистрация места преступления, телеграфная идентификация преступников, использование микроскопии в исследовании улик, созданы единые криминалистические базы данных), что позволило осуществить переход от эмпирических к научным методам экспертизы, создать вертикали экспертных учреждений, осуществить межведомственное взаимодействие, зародить российскую криминалистическую школу.

Седьмой этап (1918–1922 гг.) характеризуется формированием советской криминалистической экспертизы.

20-е годы XX в. стали периодом создания единой системы криминалистической экспертизы в СССР (создание в 1919 г. первого экспертного подразделения – Кабинета судебной экспертизы при Центроорозыске НКВД; последовательная реорганизация судебно-экспертной структуры: 1921 г. – Научно-технический подотдел, 1922 г. – Отдел криминалистических исследований, 1928 г. – Научно-технические подразделения в территориальных органах, разработка ведомственных инструкций по проведению экспертиз).

Внедрены системные методы регистрации (Общесоюзная дактилоскопическая система (1922 г.); обязательная фоторегистрация преступников; Централизованный учет (1924 г.): неопознанных трупов, без вести пропавших, особо опасных рецидивистов) и проведена научно-техническая модернизация (оснащение криминалистических лабораторий микроскопами и фотооборудованием) и стандартизация методов исследования (трасологических, баллистических, почерковедческих), созданы коллекции образцов и справочных материалов [9].

Одновременно с этим сформированы новые принципы подготовки специалистов (организованы специальные курсы для экспертов, привлечены научные сотрудники вузов, разработаны первые учебные программы по криминалистике).

Эти усилия позволили осуществить преемственность дореволюционных работ, создать централизованную систему экспертных учреждений, сформировать советскую модель криминалистики, заложить основы для дальнейшего развития судебных экспертиз.

Восьмой этап (1922–1960 гг.) характеризуется кодификацией и научной систематизацией судебной экспертизы в СССР.

На данном этапе происходит нормативно-правовое закрепление статуса эксперта в Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР (1922 г., 1923 г.) (дано четкое определение процессуального положения эксперта, были разграничены функции эксперта и специалиста, установлены критерии отвода экспертов, введены стандарты оформления экспертных заключений: обязательная научная аргументация выводов, детальное описание методик исследования, требование о непротиворечивости заключения материалам дела).

Одновременно криминалистика получает научно-теоретическое развитие (формируются экспертные школы: Харьковская школа Н. С. Бокариуса (судебная фотография), Киевская школа Н. П. Макаренко (трасология), Ленинградская школа И. Н. Якимова (криминалистическая техника); издаются фундаментальные труды: «Криминалистика» Н. Д. Вороновского (1925), «Судебная экспертиза документов» П. С. Семеновского (1935 г.), «Научная техника расследования преступлений» Н. С. Бокариуса (1938 г.).

Этот период ознаменован организационной перестройкой экспертной системы (создаются вертикали научно-технических подразделений: 1948 г. – выделение их в самостоятельные структуры МВД, 1956 г. – образование ВНИИ милиции (на базе НИИ криминалистики); развитие территориальной сети – открытие экспертных отделов в городских и районных ОВД; происходит специализация по направлениям (баллистика, почерковедение и др.), осуществляется техническое переоснащение: внедряются новые виды исследований (спектральный анализ) и стандартизируется экспертное оборудование.

В развитии специальных знаний положительную роль сыграло международное сотрудничество в ходе адаптации зарубежного опыта (изучение европейских криминалистических методик, творческое переосмысление западных наработок) и участие в международных криминалистических проектах.

В течение данного периода создана единая государственная система судебной экспертизы, сформированы теоретические основы советской криминалистики, проведена профессионализация экспертных кадров, технологическая модернизация экспертной практики, заложен фундамент для современной модели экспертных учреждений.

Девятый этап (1960–2001 гг.) характеризуется технологической революцией и системной модернизацией судебной экспертизы.

УПК РСФСР (1960) внес принципиальные изменения в судопроизводство (детальная регламентация 12-ти обязательных видов экспертиз (статья 79), четкое разграничение прав и обязанностей экспертов (статья 82), введение института комисси-

онных и комплексных экспертиз, установление требований к содержанию экспертного заключения).

Помимо этого получило развитие специализированное законодательство (Положение о судебно-экспертных учреждениях Минюста (1970 г.), ведомственные нормативные акты МВД СССР).

Проведены значительные организационно-структурные преобразования (создана единая вертикаль экспертных учреждений: 1961 г. – образование ОТУ МООН (с 1966 г. – ОТУ МООН СССР), 1981 г. – формирование экспертно-криминалистической службы, 1990-е гг. – развитие сети региональных ЭКЦ), проведено технологическое переоснащение (внедрены компьютерные системы обработки данных, созданы автоматизированные учеты (ДАКС–МВД), используются телекоммуникационные технологии).

Ключевыми инновациями периода стало внедрение компьютерных технологий и цифровых методов в экспертные исследования, автоматизация криминалистических учетов, развитие системы подготовки экспертных кадров, формирование научно-методического обеспечения. Это позволило создать стройную систему экспертных учреждений, обеспечить технологическое лидерство советской криминалистики, провести профессионализацию экспертного сообщества, сформировать теоретические основы новых видов экспертиз, заложить фундамент современной модели экспертной деятельности.

Особенностью периода стало стремительное технологическое развитие экспертной деятельности при сохранении преемственности организационных принципов. Экспертная система продемонстрировала адаптивность к вызовам научно-технического прогресса и потребностям правоохранительной практики.

Десятый этап (2001 г. – по настоящее время) характеризуется цифровой трансформацией и совершенствованием правовой регламентации судебной экспертизы.

Современный этап – комплексная правовая регламентация экспертной деятельности, которая включает:

- разграничение понятий «эксперт» и «специалист» в соответствии с правовой регламентацией статусов этих участников процесса (УПК РФ, 2001 г.);

принятие Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» (2001 г.), который закрепил статус государственных экспертных учреждений, требования к экспертам (квалификация, независимость, объективность), процедуру назначения и проведения экспертиз применительно ко всем видам судопроизводства.

Современные технологии внесли существенные изменения в экспертную практику, значительно преобразовав применяемые методики и используя технические средства:

- дистанционные экспертизы – использование видеосвязи, спутниковых и интернет-технологий для взаимодействия экспертов и правоохранительных органов;
- автоматизацию экспертных систем
- внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения для анализа данных (ДАКС, AFIS) [10, с. 45];
- расширение спектра экспертиз (компьютерно-цифровые (анализ блокчейна, киберпреступлений), генетические (ДНК-дактилоскопия, биохимические исследования), медиаэкспертизы (аудио-, видеоанализ, deepfake-детекция) [11, с. 78].

Благодаря международному сотрудничеству проводится гармонизация экспертных методов с международными стандартами (Interpol, ENFSI), а в сфере подготовки кадров созданы специализированные учебные программы в образовательных организациях МВД России и других институтах [12, с. 101].

Специальные знания в современном уголовном процессе имеют огромное значение, а экспертные заключения используются для квалификации деяний, содержащих признаки преступления (например, установление причины смерти, подлинности документов), обеспечивают доказательственную базу в сложных делах (кибермошенничество, коррупция и т. п.), способствуют профилактике преступлений (криминалистический учет, прогностические модели).

Современный этап развития судебной экспертизы характеризуется комплексной трансформацией, затрагивающей методологию, технологическую базу и правовые основания экспертной деятельности. Ключевыми аспектами этого этапа являются:

– цифровизация (внедрение компьютерных технологий – искусственный интеллект, машинное обучение, BigData для анализа данных, автоматизация рутинных операций (например, дактилоскопии, почерковедения) и моделирование криминалистических ситуаций);

– появление новых видов экспертиз: кибернетической, IT-экспертизы, анализа цифровых следов (метаданные, блокчейн), а также геномных и нанотехнологических исследований;

– внедрение дистанционных методов: использование телемедицины, 3D-сканирования и VR-реконструкций для удалённого проведения исследований;

– методологические изменения (интеграция знаний из нейронаук, химии, биоинформатики и IT (например, ДНК-фенотипирование или судебная биометрия);

– стандартизация (развитие международных стандартов (ISO 21043 для криминалистики) и ГОСТов, регламентирующих методики;

– применение комплексных экспертиз (совместное применение традиционных и инновационных методов (например, сочетание баллистики и баллисто-графического анализа);

– развитие международного сотрудничества (участие в INTERPOL, ENFSI, обмен базами данных (геномные, дактилоскопические).

Современный этап развития судебной экспертизы – это синтез цифровых инноваций и междисциплинарных подходов, где ИИ-алгоритмы анализируют ДНК-профили, а блокчейн обеспечивает неизменность доказательств, требуя одновременного реформирования правовых норм и подготовки экспертов нового поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е. Р. Профессия – эксперт: монография. М.: Норма, 1999. 192 с.
2. Хронология развития криминалистики // CrimLib.info. [сайт]. URL: http://crimlib.info/Хронология_развития_криминалистики_1 (дата обращения: 20.03.2023).
3. Светличный А. А. Зарождение и развитие института специальных знаний

в уголовном судопроизводстве в дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 32. С. 207–215.

4. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. М.: Право и закон, 2002. 320 с.

5. Гриценко П. П. Судебная медицина. М.: Юрайт, 2016. 299 с.

6. Сайт МВД России // МВД.рф. [сайт]. URL: [http://мвд.рф/history/1802 1917](http://мвд.рф/history/1802%201917) (дата обращения: 15.04.2023).

7. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 1. 408 с.

8. Светличный А. А. Зарождение института специальных знаний в уголовном судопроизводстве дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 3. С. 210–218.

9. Хронология развития криминалистики // Российский федеральный центр судебной экспертизы. [официальный сайт]. URL: <https://sudexpert.ru/history> (дата обращения: 20.03.2023).

10. Иванов П. С., Петрова О. В. Современные технологии цифровой экспертизы: новые методологические подходы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 5. С. 45–67.

11. Григорьев А. В. Искусственный интеллект в судебной экспертизе / под редакцией К. С. Волкова. СПб.: Альфа, 2022. 215 с.

12. Климова Т. Н. Методология комплексных экспертных исследований: монография. М.: Инфра-М, 2021. 180 с.

СЛИВИНСКАЯ Н. Ю.

SLIVINSKAYA N. YU.

ФОРМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА
ЗА НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (НА ПРИМЕРЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ИЛИ ВЫДАВАТЬ, ИЛИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ
СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ –
«AUT DEDERE AUT JUDICARE»)

APPLICANT'S TRIBUNE

COMPENSATION FOR VIOLATION OF INTERNATIONAL OBLIGATIONS
(ON THE EXAMPLE OF INTERNATIONAL OBLIGATION TO EXTRADITE OR PROSECUTE
“AUT DEDERE AUT JUDICARE”)

Сливинская Надежда Юрьевна,

Аспирант

Московский государственный инсти-
тут международных отношений (уни-
верситет) Министерства иностран-
ных дел Российской Федерации

E-mail: kathrineelizabeth@mail.ru

Slivinskaya Nadezhda Yurievna,

PhD student

Moscow State University
of International Relations
(MGIMO University)

E-mail: kathrineelizabeth@mail.ru

Научный руководитель:

Волеводз Александр Григорьевич,

доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Московский государственный инсти-
тут международных отношений (уни-
верситет) Министерства иностран-
ных дел Российской Федерации

Scientific supervisor:

Volevodz Alexander Grigorievich,

Doctor of Law, Professor

Head of Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology

Moscow State University
of International Relations
(MGIMO University)

Аннотация. В статье приведен анализ в отношении статуса и охвата концепции международной ответственности и понятия международного противоправного деяния, рассмотрена соответствующая судебная практика. Особое внимание в статье уделено подходу рабочей группы

Annotation. The article analyses the legal nature and the scope of the international responsibility and the concept of an internationally wrongful act, and examines relevant legal cases. Accurate attention is paid to the approach of the Working Group of the International Law Commission to the forms of

Комиссии международного права к формам возмещения ущерба (реституции, компенсации, сатисфакции, контрмерам) за международное противоправное деяние, в частности за нарушение международных обязательств (на примере нарушения международного обязательства «*aut dedere aut judicare*» (русск. «или выдавать, или осуществлять судебное преследование»)).

Ключевые слова: ответственность государств; международное противоправное деяние; реституция; компенсация; сатисфакция; *aut dedere aut judicare*; Комиссия по международному праву.

Ответственность как институт права в любой системе права является фундаментальным элементом, который позволяет сформировать действующий механизм сдержек и противовесов, гармонизировать и стабилизировать правовую основу государства, обеспечить баланс прав и обязанностей всех субъектов права.

Институт ответственности государств, или режим ответственности государств, составляет неотъемлемую часть международного публичного права и при широком подходе отталкивается от понятия международного противоправного деяния, концепции прав международного субъекта, с одной стороны, и обязанностей иного международного субъекта, с другой стороны, нарушения или неисполнения обязательства, правоприменительной парадигмы в отношении введения режима ответственности в отношении государства-нарушителя, возмещения ущерба, причиненного потерпевшему государству, а в некоторых случаях всему международному сообществу [1].

Особое внимание анализу концепции ответственности государств (англ. State Responsibility) было уделено Комиссией международного права, которая еще в 1997 г. учредила рабочую группу по теме ответственности государств для рассмотрения вопросов, связанных с разработкой и принятием Проекта статей об ответственности государств за международные противоправные деяния.

Рабочей группой было отмечено, что любое нарушение государством международного права влечет за собой ответствен-

reparation (restitution, compensation, satisfaction, countermeasures) for an internationally wrongful act, in particular for violation of international obligations (on the example of violation of the international obligation “*aut dedere aut judicare*”).

Key words: State responsibility; internationally wrongful act; restitution; compensation; satisfaction; *aut dedere aut judicare*; International Law Commission.

ность. Так, в деле «Rainbow Warrior» арбитражный суд пришел к выводу, что любое нарушение государством обязательства влечет за собой возникновение ответственности такого государства. В деле «Barcelona Traction» Международный суд отметил, что необходимо провести разницу между обязательствами государства перед международным сообществом и обязательствами перед другим государством, в основе которых заложена дипломатическая защита. В первом случае с точки зрения обязательства *erga omnes*¹ у всех государств возникает правовая потребность в защите общих интересов. Следовательно, понятие международной ответственности охватывает отношения, которые возникают в результате международного противоправного деяния независимо от того, ограничиваются ли такие правоотношения государством-нарушителем и потерпевшим государством, или там задействованы другие государства и субъекты международного права, и независимо от того, ориентированы ли такие правоотношения на обязательства по реституции или компенсации, или права введения контрмер².

¹ *Erga omnes* обозначает обязательство, которое субъекты международного права несут по отношению ко всему международному сообществу. См.: Сазонова К. Л. Обязательство *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72.

² Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии «Ответственность государств» // Организация Объединенных Наций; [официальный сайт]. 2005. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

Основным юридическим последствием совершенного международного противоправного деяния является обязательство государства-нарушителя прекратить совершение противоправного деяния и предоставить полное возмещение за ущерб, причиненный таким противоправным деянием. Если совершенное международное противоправное деяние касается серьезного нарушения государством императивных норм международного права, нарушение может повлечь более серьезные последствия для ответственного государства. В этом случае остальные государства обязаны сотрудничать друг с другом с целью принятия мер по прекращению нарушения, не оказывать помощь или иным способом не содействовать государству-нарушителю в поддержании сложившейся ситуации. Даже после возмещения причиненного ущерба с ответственного государства не снимается ответственность по исполнению нарушенного обязательства³.

Заметим, что согласно комментариям к Проекту статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние (2001), выделяют два вида ущерба, который был причинен неправомерным противоправным деянием, выраженным как в форме действия, так и бездействия: материальный и нематериальный. Ущерб, вызванный нарушением обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование, следует рассмотреть в качестве материального ущерба, так как в данном отношении международное обязательство будет преследовать цель нивелировать последствия от совершенного международного противоправного деяния, которое посягает на права не только субъектов международного права, но и достоинство личности, причиняя психическую и физическую боль⁴.

Традиционно на практике выделяют несколько форм возмещения ущерба, которые применяются как по отдельности, так и в совокупности: реституция, компенса-

ция, сатисфакция [2]. В соответствии со статьей 38 Проекта Кодекса под реституцией понимается акт, способствующий восстановлению положения, которое существовало до совершения противоправного деяния, когда реституция не является материально возможной, не влечет за собой бремя, не пропорциональное выгоде от получения реституции вместо компенсации. Компенсация согласно статье 39 призвана компенсировать ущерб, причиненный международным противоправным деянием в той мере, в которой реституция не смогла его возместить. Понятие компенсации также охватывает любой исчисляемый в материальном отношении ущерб, включая при этом упущенную выгоду. В соответствии со статьей 40 сатисфакция применяется в отношении вреда, причиненного международным противоправным деянием, если реституция и компенсация не смогли его возместить в полной мере. Сатисфакция также может быть выражена в форме сожаления, официальном извинении или любой иной вербальной форме. Аналогично другим видам возмещения ущерба, сатисфакция должна быть пропорциональна причиненному вреду⁵.

Важно отметить, что государство имеет право требовать возмещение ущерба, даже если де-факто оно как субъект международного права не понесло материальный ущерб, поскольку возмещение в отношении таких нематериальных ценностей, как честь, достоинство и статус государства на международной арене предоставляют пострадавшему государству право на получение соразмерной причиненному ущербу (материальному или нематериальному) компенсации⁶. Важным фактом также служит то, что возмещение производится только в отношении непосредственно ущерба, причиненного международным противоправным деянием, но не в отношении последствий такого деяния.

³ Там же.

⁴ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts with commentaries 2001 // United Nations Organization: official website. P. 95–96. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

⁵ Доклад Комиссии международного права 66 сессия (A/63/10) // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. 2008. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения: 02.08.2024).

⁶ Rainbow Warrior (New Zealand v. France) 1990 Summary // Institute for International Law and Justice. URL: <https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/08/Arechaga-et-al-Rainbow-Warrior-1990.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

Принимая во внимание факт нарушения исполнения обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование, в том числе путем нарушения императивных норм *jus cogens*⁷, можно понять, был или не был причинен ущерб государству-истцу⁸.

Ранее уже были рассмотрены основные формы возмещения ущерба. Однако особый интерес представляет выбор формы, являющейся наиболее приемлемой для возмещения ущерба за нарушение или недолжное исполнение обязательства «*aut dedere aut judicare*». Стоит отметить, что самой распространенной формой в международной практике является компенсация. В деле «*Gabčíkovo-Nagymaros Project*» суд постановил⁹, что существует устоявшаяся норма международного права, согласно которой потерпевшее государство имеет право на получение компенсации за причиненный ущерб от государства, которое совершило международное противоправное деяние. Аналогичный подход сложился в практике международных судов и трибуналов: органы юстиции наделены соответствующей юрисдикцией выносить решение о компенсации за причиненный ущерб.

Компенсация тесно связана с реституцией, однако последняя форма ввиду ряда изъятий может быть нерелевантна или неактуальна для применения, поскольку не может обеспечить полного возмещения. Тем не менее в отношении ответственности за неисполнение обязательства «*aut dedere aut judicare*» реституция по праву является одной из наиболее принятых форм возмещения ущерба. Не имея концептуального определения сущности самого понятия, под реституцией можно понимать действия государства «А», направленные на восстановление положения, которое существовало в государ-

стве «В» до совершения государством «А» международного противоправного деяния. Так, по отношению к обязательству или выдавать, или осуществлять судебное преследование реституция будет выражена в выдаче лица, совершившего преступление, запрашивающему государству или в передаче такого лица компетентным органам места нахождения лица для целей судебного преследования. Концепцию реституции также можно усмотреть в альтернативном обязательстве «*aut dedere aut judicare*» механизме – передаче производства по уголовному делу запрашивающему государству, другими словами, уступке юрисдикции. Следует отметить, что реституция находит свое отражение в отзыве, отмене или изменении конституционного или любого иного законодательного положения, принятого в нарушении нормы международного права, аннулировании или пересмотре административной или судебной меры, принятой неправомерно, или в рамках, допустимых международным правом, принятии той или иной меры по прекращению действия какого-либо договора¹⁰.

Судебное преследование может быть рассмотрено в качестве реституции, о чем свидетельствует решение по делу «*L. F. H. Neer and Pauline Neer*»: возмещение ущерба жертвам гарантируется государством только в том случае, если недостаток должной осмотрительности со стороны компетентных органов государства или отсутствие надлежащей процедуры расследования можно квалифицировать как международное противоправное деяние. В данном прецеденте Трибуналу не удалось установить «отсутствие должной осмотрительности», так как правоохранительные органы Мексики своевременно преступили к расследованию¹¹. Следует заметить, что государство несет ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязательств и отсут-

⁷ *Jus cogens* – императивная норма общего международного права, нарушение которой недопустимо. См.: Сазонова К. Л. Обязательство *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72.

⁸ Там же.

⁹ *Gabčíkovo-Nagymaros Project* (Hungary/Slovakia) Judgement 1997 // United Nations Organization: official website. Par. 48. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁰ Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии «Ответственность государств» // Организация Объединенных Наций [официальный сайт]. 2005 год. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

¹¹ *L. F. H. Neer and Pauline Neer (U.S.A.) v. United Mexican States*. 1926 // United Nations Organization: official website. Par. 5–6. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_IV/60-66.pdf (дата обращения: 03.08.2024).

ствию должной осмотрительности в отношении расследования и привлечения к ответственности лиц, совершивших международные преступления. Безусловно, такое понятие международной ответственности отличается от концепции «индивидуальной уголовной ответственности», когда лицо самостоятельно сталкивается с правовыми последствиями совершенного им тяжкого преступления. Следовательно, государство обязано предпринять все необходимые меры для обеспечения судебного преследования лица, которое совершило преступление, поскольку только так у потерпевшей стороны возникает возможность взыскать ущерб.

Необходимо отметить, что инициирование реституции зависит от ряда условий. Так, реституция не применяется, если это в первую очередь не целесообразно с материальной точки зрения, во-вторых, если она повлечет за собой непропорциональное бремя ответственности по отношению к другим формам возмещения ущерба. Однако ни одно из этих условий нерелевантно, если рассматривать обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование как обязательство по международному обычному праву. Трудно представить ситуацию, при которой государство в качестве основания для невыдачи лица ссылалось бы на отсутствие средств и ресурсов для сопровождения процедуры транзита и других этапов выдачи. Напротив, в данном аспекте интересен факт: обязательство «*aut dedere aut judicare*» будет нарушено, если вместо проведения надлежащей процедуры расследования и судебного преследования будет выплачена компенсация. Так, во избежание подобной практики, механизм индивидуальной уголовной ответственности может быть преобразован в деликтную ответственность с возможностью компенсации материального ущерба – аналог процедуры возбуждения гражданского иска в рамках производства по уголовному делу.

Следует заметить, что компенсация является неотъемлемым элементом реституции, поскольку де-факто покрывает любой ущерб, который поддается финансовой оценке. Компенсация применяется ровно в той степени, в которой не может

быть применена реституция¹². основополагающий принцип компенсации заключается в соразмерном возмещении ущерба, причиненного государству или любому иному субъекту международного права, при этом должен быть четко определен факт совершения государством международного противоправного деяния и причинно-следственная связь между таким деянием и его последствиями, выраженные в виде ущерба [3]. Нематериальный ущерб должен быть подкреплен доказательной базой, поскольку факт причинения ущерба может вытекать из таких последствий противоправного деяния, как незаконное лишение лица свободы, неоправданно длительный срок содержания лица под стражей, обращение, унижающее достоинство личности и другое – следовательно, его оценка строиться согласно принципу справедливости.

В рамках анализа обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование целесообразно эксплицировать два вида компенсации: компенсацию за нарушение «*aut dedere aut judicare*» как международного обычного обязательства; условную компенсацию за вред, причиненный совершенным общеуголовным преступлением. Первый вид компенсации предназначен в случае, если государство места содержания лица под стражей не выдает лицо запрашивающему государству и в тоже время не передает его своим компетентным органам для целей судебного преследования. Если же во время выдачи наступит смерть лица, подлежащего выдаче, и будет доказан тот факт, что обязательство было нарушено раньше, чем наступила смерть лица – реституция будет невозможна, стороны могут рассчитывать на механизм компенсации или справедливой сатисфакции¹³. Тем не менее сатисфакцию государство может потребовать в интересах жертвы совершенного преступного деяния, что может нивелировать

¹² Lusitania Cases (Commission US-Germany) 1922. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-lusitania-cases-award-thursday-1st-november-1923> (дата обращения: 03.08.2024).

¹³ Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo) 2007 // United Nations Organization [official website]. Par. 39, 45, 47. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/103/103-20070524-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 04.08.2024).

возможность реализации механизма обязательства «*aut dedere aut judicare*». Так, в деле «Кипр против Турции» Европейский суд по правам человека установил, что в случае экстерриториальности справедливая компенсация предоставляется в пользу конкретных жертв преступления¹⁴.

Сатисфакция в отношении международного противоправного деяния в отличие от реституции или обычной компенсации заключается в признании нарушения, вербальном выражении сожаления, официальном принесении извинений и других аналогичных действиях. Безусловно, сатисфакция должна быть соразмерна причиненному материальному или нематериальному ущербу [4]. Механизм сатисфакции заложен также в решениях судов или трибуналов, например, в решении Международного суда по делу «Бельгия против Сенегала» в отношении нарушения обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование¹⁵. Важно отметить, если все обязательные элементы реституции были удовлетворены, сатисфакция не применяется.

В отличие от других форм возмещения ущерба механизм контрмер направлен на своевременное реагирование на совершенное международное противоправное деяние и на восстановление нарушенных правоотношений между государствами до состояния, которое существовало, если бы не было совершено международное противоправное деяние. Контрмеры также должны быть соразмерны причиненному ущербу. Следует заметить, что механизм применения контрмер значительно расширился благодаря опоре на обязательства *erga omnes* или *erga omnes partes*¹⁶, при которых каждое государство как субъект

международного права и часть международного сообщества вправе применить контрмеры с целью привлечь к ответственности государство, которое нарушило свои обязательства или совершило международное противоправное деяние [5].

Контрмеры вводятся в отношении государства-нарушителя при соблюдении двух важных условий: они не носят насильственный характер; не ограничены периодом неисполнения государствам своего обязательства. Контрмеры – это не мера наказания или принуждения, напротив, это правовой инструмент, действие которого направлено на прекращение государством-нарушителем совершения международного противоправного деяния и призыв к такому государству вернуться в рамки правового поля и соблюдать принятые на себя обязательства. Соответствующие условия будут иметь обязательную юридическую силу, если контрмеры будут введены в отношении государства, которое нарушило обязательство или выдавать, или осуществлять судебное преследование.

Следует заметить, что потерпевшее государство вводит контрмеры в отношении государства, которое нарушает или не исполняет должным образом обязательство «*aut dedere aut judicare*» с тем расчетом, чтобы оказать влияние на государство-нарушителя и призвать его к исполнению своих обязательств. Контрмеры вступают в силу, когда было установлено, что международное противоправное деяние было ответной «реакцией» на иное международное противоправное деяние, которое было направлено против интересов такого государства, и прекращают свое действие, после того как государство-нарушитель прекратило совершение противоправного деяния или возместило причиненный ущерб¹⁷. Важно заметить, что потерпевшее государство обязано уведомить государство-нарушителя о введении контрмер. Если же спор между государством-нарушителем и потерпевшим государством находится на рассмотрении органа юстиции, введение контрмер невозможно. Однако данное обстоятельство

¹⁴ Case of Cyprus v. Turkey Judgement. 12 May. 2014 // European Court of Human Rights: official website. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-144151> (дата обращения: 06.08.2024).

¹⁵ Belgium v. Senegal: Questions relating to the obligation to prosecute or extradite. 2012 // International court of Justice: official website. Par. 95, 122. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/144/144-20120720-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 06.08.2024).

¹⁶ Erga omnes partes обозначает обязательство государств-участников исполнять принятые на себя в соответствии с международным договором обязательства. См.: Prajwol B. R. An Analysis of Principle of ErgaOmnesPartes with Special Reference to the Case of Belgium v. Senegal, 2012 // Kathmandu School of Law Review. 2018. № 6 (1). P. 194.

¹⁷ Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia) Judgement 1997 // United Nations Organization: official website. Par. 83. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/92/092-19970925-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

не влияет на возможность потерпевшего государства принять неотложные меры, учитывая, что они могут затронуть права третьих сторон¹⁸.

Таким образом, режим ответственности государств применим к нарушению обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование, в особенности, если рассматривать обязательство «*aut dedere aut judicare*» как обязательство по международному обычному праву, как действительное квалифицированное обязательство *erga omnes*. Возмещение ущерба за нарушение обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование отличается от условной компенсации, в основу которой заложено возмещение ущерба за совершенные общеуголовные преступления. Возмещение ущерба за нарушение обязательства «*aut dedere aut judicare*» возможно, если доказано, что государство не выдает лицо запрашивающему государству, но при этом и не передает такое лицо своим компетентным органам в целях судебного преследования. Самым распространенным способом компенсации за нарушение обязательства или выдавать, или осуществлять судебное преследование служит реституция, которая выражается в выдаче лица, уступке юрисдикции как альтернативы или пере-

даче его национальным судебным органам для привлечения к ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сазонова К. Л. Обязательство *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
2. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Понятие и принципы ответственности в международном праве // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 37–45.
3. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. 2-е изд. М.: Статут, 2014. 224 с.
4. Андреев А. В. Компенсация как форма возмещения вреда в случае совершения международно-противоправного деяния // Вестник ТИСБИ. 2018. № 3. С. 204–209.
5. Белозерцев С. М. Формы возмещения вреда в международном публичном праве // Международное право. 2023. № 3. С. 13–19.
6. Prajwol B. R. An Analysis of Principle of *Erga Omnes* Parties with Special Reference to the Case of *Belgium v. Senegal*, 2012 // Kathmandu School of Law Review. 2018. № 6 (1). P. 193–198.
7. Кешнер М. В. Институт реализации международной ответственности государств : монография. М. : Проспект, 2024. 288 с.

¹⁸ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts with commentaries. 2001 // United Nations Organization: official website. P. 129–131. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 01.08.2024).

ЛИТВИНОВА С. Ф.

LITVINOVA S. F.

ДИХОТОМИЯ ПОНЯТИЯ «ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ БАЗА»

POINT OF VIEW

THE DICHOTOMY OF THE CONCEPT OF «FOREIGN MILITARY BASE»

Литвинова Светлана Федоровна,
кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский
государственный университет
E-mail: Svetlana.litvinova@vvsu.ru

Litvinova Svetlana Fedorovna,
PhD in Law, Associate Professor
Vladivostok
State University
E-mail: Svetlana.litvinova@vvsu.ru

Аннотация. В статье анализируется отсутствие легального определения понятий «военная база» и «иностранная военная база» в российском законодательстве, в то время как двусторонние международные договоры России содержат разнородные формулировки. Выявлены ключевые элементы определений: воинское формирование, дислоцированное на территории иностранного государства, чётко обозначенные границы участка и правовое основание размещения (аренда, безвозмездное пользование и т. д.). Отмечается расхождение между политико-правовым подходом в договорах (акцент на присутствии вооружённых сил) и доктринальным пониманием в научной литературе, где военная база трактуется как материально-пространственный объект – специально оборудованная территория с инфраструктурой. На основе анализа международно-правовой практики, включая доктрину функционального иммунитета, предлагается дуальное понимание иностранной военной базы как «квазитерритории» – сухопутного или морского участка, выделенного принимающим государством, на котором размещаются воинские формирования, имущество и лица, обладающие иммунитетом в соответствии с международными обычаями и договорами. Сформулированы пять существенных признаков иностранной военной базы, охватывающих территориальный, ин-

Annotation. The article analyzes the lack of a legal definition of the concepts of “military base” and “foreign military base” in Russian legislation, while Russia’s bilateral international treaties contain diverse formulations. The key elements of such definitions have been identified: a military formation stationed on the territory of a foreign state, clearly marked boundaries of the site and the legal basis for the location (lease, gratuitous use, etc.). There is a discrepancy between the political and legal approach in the treaties (emphasis on the presence of armed forces) and the doctrinal understanding in the scientific literature, where a military base is interpreted as a material and spatial object – a specially equipped territory with infrastructure. Based on the analysis of international legal practice, including the doctrine of functional immunity, a dual understanding of a foreign military base is proposed as a “quasi-territory” — a land or sea area allocated by the host State, where military formations, property and persons with immunity are located in accordance with international customs and treaties. Five essential features of a foreign military base are formulated, covering territorial, institutional, personal and property aspects.

ституциональный, персональный и имущественный аспекты.

Ключевые слова: иностранная военная база; квазитерритория; иммунитет военнослужащих; функциональный иммунитет; договорный иммунитет.

Анализ нормативных правовых документов Российской Федерации, регулирующих военные отношения, показал, что в них отсутствуют легальные определения понятий «военная база» и «иностранная военная база». В отличие от российского законодательства в двусторонних международных договорах России есть определения понятия «военная база». В некоторых из них выделяются три элемента таких определений:

Определяющим словом в понятии «военная база» является термин «воинское формирование».

Определяющей характеристикой таких воинских формирований является их дислокация на территории иностранного государства.

Особенностью территории дислокации является наличие чётко обозначенных и согласованных границ [1; 2].

В Договоре с Грузией 1995 г. использовалось иное определение понятия «военная база». В этом договоре военная база определялась как комплексная система, состоящая из выделенного Грузией для использования Российской Федерацией участка (участков) территории с чётко обозначенными и согласованными между сторонами границами и дислоцированными на нём (на них) воинскими формированиями Российской Федерации [3]. При этом главным элементом этой системы является территория, а признак дислоцированных воинских формирований является вторичным.

В Договоре с Кыргызстаном нет определения понятия «военная база», но объединённая российская военная база в местах дислокации относится к военным объектам наряду с воинскими формированиями объединённой российской военной базы с его инфраструктурой, временно расположенным вне мест дислокации [4]. Иная интерпретация понятия «военный объект» дана в Договоре с Грузией от 2006 г. К нему относится воинское фор-

Key words: foreign military base; quasi-territory; immunity of military personnel; functional immunity; contractual immunity.

мирование Группы российских войск в Закавказье, дислоцированное на участке территории Грузии, с инфраструктурой и чётко обозначенными и согласованными границами, не входящее в состав российских военных баз и функционирующее в их интересах [2]. Это определение не включает саму военную базу в понятие «военный объект». Тем не менее по смыслу этого договора военный объект обладает основными признаками военной базы: воинское формирование, дислоцированное на участке территории с чётко обозначенными и согласованными границами.

Более того, в литературе по стратегическим исследованиям предпринимаются попытки провести различие между двумя определениями: «база» и «объект», что приводит к значительной путанице. Как отмечает Р. Харкави, термин «база» определяет ситуацию, когда иностранное государство имеет право на свободный доступ и свободу действий. По его мнению, термин «объект» определяет ситуацию, когда государство, на территории которого находится объект, обладает максимальным суверенитетом и доступ к объекту зависит от его решения [5, с. 7].

С этой позицией не согласна Р. Манукян, которая отмечает: «Если придерживаться такого подхода, то, например, присутствие европейских государств на бывших колониальных территориях будет квалифицироваться как размещение «военной базы». В то же время объекты, которые ранее определялись как «базы», в современных условиях всё чаще подпадают под более широкое понятие «военный объект» [9, с. 108]. В настоящее время выдвигается точка зрения, согласно которой в эпоху ликвидации колониализма и глобального суверенитета больше нет «баз», а есть только «военные объекты» [6, с. 8].

Использование терминов «база» и «объект» носит субъективный характер, поскольку ни одна норма не устанавливает чёткой границы между ними.

В Договоре с Южной Осетией «российская военная база» определяется как общевоинсковое соединение, дислоцирующееся на территории Южной Осетии [7]. В Договоре с Абхазией акцентируется внимание на том, что военная база дислоцируется на постоянной основе [8]. В отдельных договорах определяются основания для размещения воинских формирований на определённой территории, такие как выделение [1], отведение государством пребывания [3]. Часто в толковых словарях термины «выделение» и «отделение» рассматриваются как синонимы, но всё же с точки зрения русского языка между ними есть различия. В толковом словаре Ефремовой глагол «выделять» означает: обособить, отделить от общего, целого. А глагол «отводить» означает процесс изменения расположения или направления движения кого-л., чего-л. [9]. Исходя из этого, термин «выделить» территорию для дислокации воинского контингента является более точным. Использование указанных терминов не даёт понимания правовой основы выделения территории в отличие от Договора с Кыргызстаном. В нём указано, что передача в безвозмездное пользование или в аренду территории государством пребывания является правовым основанием для дислокации вооружённых сил на территории государства пребывания [7]. В договоре с Суданом также определено правовое основание для размещения пункта материально-технического обеспечения России на земельных участках и в акватории – безвозмездное пользование [10].

В соглашениях о пребывании на территории иностранного государства специализированных вооружённых формирований (формирований Черноморского флота [11], пункта материально-технического обеспечения [10], российской авиационной группы [12]) также указываются виды территорий дислокации: земельные участки, акватория.

В некоторых договорах о военном присутствии России на территории иностранных баз упоминается воинское формирование как элемент понятия «военная база» наряду с территорией [3], движимым имуществом [13], недвижимым имуществом [8].

На данном этапе исследования можно сделать вывод, что в международных

договорах термин «военная база» используется преимущественно в политико-правовом (институционально-правовом) дискурсе, акцентируя внимание на факте присутствия вооружённых сил одного государства на территории другого.

Политико-правовое определение военной базы не обеспечивает исчерпывающего охвата её концептуального поля. Оно указывает на то, что военная база является частью вооружённых сил государства, дислоцированной на территории иностранного государства. Это понимание не даёт ответ на вопрос, что подразумевается под военной базой Баграм, которую США требуют вернуть у Афганистана, когда там нет воинского контингента США. Не даёт ответ о форме предоставления дипломатического убежища, которое возможно на её территории, для квалификации действий государств, в частности при бомбардировании одним государством военной базы другого, находящегося на территории третьего.

В доктринальной российской литературе мало источников, в которых рассматривался бы вопрос о понятии военных баз. Одним из авторов, интересовавшихся этим вопросом, была О. И. Селиверстова. Она выделяет элементы военных баз и делает вывод о статусе военных баз как государственных органов на основе следующих аргументов. Деятельность военных баз осуществляется от имени и в интересах Российской Федерации в лице Министерства обороны Российской Федерации. Их публичная функция обусловлена международным и внутригосударственным правом [14, с. 7].

Эта идея обосновывалась в научной литературе комментариями Комиссии международного права к «Проектам статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» [15]. Данный проект статей в 2004 г. был преобразован в конвенцию, которая до сих пор не вступила в силу.

Воинское формирование (по крайней мере, Вооружённых Сил Российской Федерации) не может рассматриваться как государственный орган, поскольку в соответствии со ст. 10 ФЗ «Об обороне» Вооружённые Силы Российской Федерации являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации [16]. Воинское

формирование, дислоцированное на военной базе, является частью этой организации. Оно выполняет особые функции, не связанные с управлением, хотя и публичные. Управление Вооружёнными Силами осуществляется Верховным Главнокомандующим и Министерством обороны Российской Федерации. Представителем государства на территории иностранного государства является командир военной базы при наличии у него специальных полномочий, что также соответствует положениям проектов статей о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности и согласованного текста одноимённой конвенции [17].

В. В. Сви́нарёв утверждает, что «в научной литературе под военными базами обычно понимаются специально оборудованные в военном отношении районы, используемые государством для размещения своих вооружённых сил применительно к предполагаемым или возникшим театрам военных действий». Правда, при этом он ссылается на справочный источник [18, с. 194]. Таким образом, автор соглашается с тем, что военная база – это районы (территории).

П. Макушев, А. Хридошкин дают следующее определение военной базы: «Военная база – важная в стратегическом или тактическом отношении специально оборудованная территория (база, лагерь, форт), предназначенная для размещения формирований вооружённых сил какого-либо государства на своей или оккупированной (арендованной) территории» [19].

Г. А. Налётов определяет военную базу как специально оборудованный район (участок местности) с размещёнными на нём частями (соединениями), вооружением и военной техникой, необходимыми запасами боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных средств [20].

Иностранные авторы чаще обращаются к понятию «военная база». Определения данных понятий отражают лишь их некоторые особенности, не всегда существенные свойства. Например, Р. Манукян предлагает понятие «иностранная военная база»: «использование территории конкретного государства в военных целях на контрактной основе иностранными вооружёнными силами» [6, с. 107]. Очевидно, что иностранная военная база – это не только

«использование». На наш взгляд, это методически неверный подход.

Обобщая проанализированные источники, следует отметить, что в доктринальных работах в отличие от норм международных договоров акцент делается на признаках военной базы как материального (физического) объекта инфраструктуры. При этом определения неполные, неточные и не отражают объективную реальность. Более того, определение понятия «иностранная военная база» с учетом названных существенных признаков будет неполным без указания её правового статуса и правового режима.

Правовой режим военных баз определяется правовым режимом вооружённых сил одного государства на территории другого на основе международных обычаев, двусторонних и многосторонних соглашений о статусе вооружённых сил.

Считается, что первым, кто установил наличие правового обычая, определяющего правовое положение дружественных вооружённых сил одного государства на территории другого, был судья Маршалл (занимал пост четвёртого верховного судьи Соединённых Штатов Америки) в ходе рассмотрения дела о шхуне «Балау» в 1812 г. Судья Маршалл обосновал применимость института иммунитета к иностранным вооружённым силам тем фактом, что подчинение иностранных вооружённых сил юрисдикции принимающего государства будет препятствовать их эффективности как военного подразделения [21].

Впоследствии позиция судьи Маршалла была по-разному истолкована аналитиками. Одни считали, что под отменой «всей юрисдикции в отношении войск во время их прохождения» судья подразумевал освобождение от всех форм местной юрисдикции, другие – что иммунитет дружественных иностранных сил от местной юрисдикции не является абсолютным. Таким образом, были сформулированы две концепции правового режима иностранных вооружённых сил: абсолютно-го и параллельного (функционального) иммунитета. Хотя доктрина абсолютного иммунитета, безусловно, пользовалась поддержкой до Второй мировой войны, она так и не утвердилась в качестве доминирующего правового принципа [22, с. 13].

Теория функционального иммунитета основана на следующих положениях международных обычаев:

В силу своего суверенитета государство осуществляет законодательную, исполнительную, судебную и принудительную юрисдикцию в пределах своих границ в отношении всех лиц и объектов, любой деятельности и всех событий, происходящих на его территории.

Государство, обладающее вооружёнными силами, осуществляет в их отношении суверенные права в силу своего суверенитета.

Направляя свои вооружённые силы за границу, государство не утрачивает над ними своей власти, что приводит к «столкновению» его суверенных прав с суверенными правами иностранного государства.

Такое «столкновение» проявляется, прежде всего, в привлечении к ответственности представителей вооружённых сил за совершённые ими правонарушения, несмотря на то, что к их вооружённым силам применим государственный иммунитет направляющего государства. Логично, что государство, осуществляя отдельные суверенные права в отношении своих вооружённых сил, имеет право привлекать военнослужащих к дисциплинарной ответственности в соответствии со своим законодательством, в противном случае нарушители уже не могли бы иметь статус военнослужащих, а их направление за границу приравнивалось бы к освобождению от военной службы [21].

Складывается практика, при которой военнослужащие и иные лица подпадают под гражданскую, административную и уголовную юрисдикцию направивших их государств при условии, что правонарушения совершены в процессе выполнения ими своих задач. Во всех иных случаях принимающее государство обладает первичной юрисдикцией, но она может быть ограничена им самим на основании международных договоров, в том числе в отношении привлечения к ответственности за совершение уголовных преступлений.

Функционирование военных баз на территории иностранного государства обусловливает необходимость их рассмотрения не только в институционально-правовом, но и в материально-пространственном аспекте, то есть как физического

объекта. Также требует определения правового режима территории, которая является существенным свойством военной базы. Логично предположить, что управление государством своими вооружёнными силами предполагает и управление территорией, на которой расположены воинские формирования. Иммунитет государства в этом случае распространяется на эту территорию по аналогии с территорией дипломатических представительств и консульских учреждений. Это даёт основание говорить о «квазитерритории» иностранного государства, где оно осуществляет отдельные суверенные права. Более того, некоторые государства признают право государства предоставлять дипломатическое убежище на территории военных баз. В условиях отсутствия международно-правового регулирования этого института такое признание разделяют не все государства. Некоторые государства прямо не признают дипломатическое убежище, а некоторые не признают его, но предоставляют на практике.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие существенные признаки иностранных военных баз, без которых они не могут считаться таковыми:

Территория (сухопутная, морская), на которой располагается военная база.

Она выделяется государством, на территории которого размещается военная база. Имеет согласованные границы. Правовыми основаниями выделения могут быть как безвозмездное пользование, так и возмездное (аренда). Территория может находиться в собственности иностранного государства, что не отменяет суверенитета государства, на территории которого расположена военная база. По своему статусу является «квазитерриторией» иностранного государства в соответствии со сложившимся правовым обычаем.

Воинское формирование иностранного государства, выполняющее возложенные на него задачи и дислоцированное на выделенной территории государства, где находится военная база.

Военнослужащие, входящие в состав воинского формирования, обладают функциональным иммунитетом.

Они подчиняются юрисдикции своего государства в том случае, если совершили правонарушение при исполнении

своих непосредственных обязанностей. В остальных случаях юрисдикция в отношении таких лиц осуществляется государством размещения военной базы, если иное не предусмотрено двусторонним международным договором.

На выделенной территории могут находиться не только военнослужащие, но и гражданские лица, а также члены их семей, правовое положение которых зависит от условий международных договоров.

На выделенной территории находится движимое и недвижимое имущество.

Находящееся на территории имущество имеет целевое назначение и может находиться как в собственности иностранного государства, так и в собственности государства, на территории которого расположена военная база.

На основании рассмотренных особенностей иностранных военных баз как инфраструктуры можно сформулировать определение понятия «иностранная военная база» – это сухопутная или морская «квазитерритория» иностранного государства, выделенная государством размещения военной базы на условиях согласованного вещного права, на которой размещается собственное и иное целевое движимое и недвижимое имущество, дислоцируются воинские формирования, могут находиться гражданские лица, обладающие иммунитетом от юрисдикции государства нахождения военной базы на основе международных обычаев и международных договоров.

Таким образом, очевидно, что легальный и доктринальный подходы к пониманию военной базы расходятся. В международных договорах используется политико-правовое (институционально-правовое) определение, в доктрине – это территория, предназначенная для размещения воинского контингента. С позиции инфраструктурного подхода военная база рассматривается как физический объект – территория с инфраструктурой, имуществом, границами, логистикой и т. д. Такое определение, по нашему мнению, больше соответствует термину «база», чем политико-правовое. Возможно, что для политико-правового понятия необходим иной термин.

Дуальное понимание термина «военная база» как территории с инфраструктурой, предложенное в данной статье, может по-

служить основой для последующих теоретико-научных дискуссий, выводы которых окажутся востребованными при совершенствовании российского законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения от 16.03.1995 // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47983/ (дата обращения: 25.07.2025).

2. Соглашение между Российской Федерацией и Грузией о сроках, о порядке временного функционирования и выводе российских военных баз и других военных объектов Группы российских войск в Закавказье, расположенных на территории Грузии, от 31.03.2006. Не действует // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45875/ (дата обращения: 25.07.2025).

3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о российских военных базах на территории Республики Грузия от 15.09.1995 // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47960/ (дата обращения: 25.07.2025).

4. Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики от 20.09.2012 // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44567/ (дата обращения: 25.07.2025).

5. Robert E. Harkavy-Bases Abroad: The Global Foreign Military Presence. Oxford University Press, 1989. 89 p.

6. Manukyan R. Privileges and Immunity of Foreign Military Base and Personnel under Modern International Law // 44th International Academic Conference. Vienna. 01 October 2018. P. 104–120 // IISES. [сайт]. URL: <https://iises.net/proceedings/44th->

international-academic-conference-vienna/table-of-content/detail?article=privileges-and-immunity-of-foreign-military-base-and-personnel-under-modern-international-law-10215 (дата обращения: 25.07.2025).

7. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о порядке вхождения отдельных подразделений Вооруженных Сил Республики Южная Осетия в состав Вооруженных Сил Российской Федерации от 31.03.2017 // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51972/ (дата обращения: 25.07.2025).

8. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия от 17.02.2010 // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45218/ (дата обращения: 25.07.2025).

9. Толковый словарь русского языка Ефремовой // Efremova.info: [сайт]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 25.07.2025).

10. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Судан о создании пункта материально-технического обеспечения Военно-Морского Флота Российской Федерации на территории Республики Судан от 23.07.2019. Временно применяется // МИД России: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/59883/ (дата обращения: 25.07.2025).

11. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28.05.1997. Не действует // МИД России: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47331/ (дата обращения: 25.07.2025).

12. Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской

Арабской Республики от 26.08.2015// СПС Кодекс. [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420329053?section=status> (дата обращения: 25.07.2025).

13. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания Российской военной базы на территории Республики Таджикистан от 05.10.2012// МИД России. [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44560/ (дата обращения: 25.07.2025).

14. Селиверстова О. И. Международно-правовой режим военных баз Российской Федерации за рубежом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10 /Селиверстова Ольга Игоревна; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. М., 2012. 22 с.

15. Aurel Sari The Status of Armed Forces in Public International Law: Jurisdiction and Immunity (January 21, 2015) // SSRN.[сайт]: URL: <https://ssrn.com/abstract=2555278> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555278> (дата обращения: 25.07.2025).

16. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 25.07.2025).

17. Draft articles on Jurisdictional Immunities of States and Their Property, with commentaries 1991 // ООН. [официальный сайт]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/4_1_1991.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

18. Свиначев В.В. Правовое положение российских военных баз за рубежом // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 194–209.

19. Макушев П., Хридошкин А. Военная база // Международное право : учебное пособие. М. : Прометей, 2017. 572 с.

20. Налётов Г. А. Военная база // БРЭ : электронная версия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/1922894 (дата обращения: 25.07.2025).

21. Schooner Exchange v. McFaddon, 11 U.S. 116 (1812) // U.S. Supreme Court. [сайт]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/11/116/> (дата обращения: 15.02.2025).

22. Глебов И. Н. Международное право. М.: Дрофа, 2006. 368 с.

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

**Указы
Президента
Российской Федерации**

Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2025 г. N 534 "О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 4 января 2024 г. N 10 "О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей"

Российское гражданство в упрощенном порядке могут также получить:

- супруги, дети и родители россиян - участников СВО (в т. ч. погибших или умерших), кроме россиян, уволенных с военной службы по ряду оснований;
- супруги, дети и родители иностранных участников СВО, погибших (умерших) в связи с выполнением задач в ходе СВО.

Указ вступает в силу со дня его подписания.

Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2025 г. N 551 "Об особенностях осуществления закупок вещевого имущества для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации"

С 1 января 2026 г. поставляемое для нужд ВС РФ вещевое имущество должно быть изготовлено российскими организациями, производственные мощности которых находятся в России. А с 2027 г. указанное вещевое имущество должно изготавливаться из отечественных тканей и трикотажных полотен.

Указ вступает в силу со дня его подписания.

Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2025 г. N 552 "О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1997 г. N 775 "Об изменении порядка ре-

ализации высвобождаемого военного имущества, акционирования и приватизации предприятий военной торговли"

Реализация высвобождаемого военного имущества, перечень которого утверждается Правительством РФ, возможна на внутреннем рынке по минимально допустимой цене. Раньше речь шла о реализации без объявления цены.

Такая форма допускается, если продажа посредством публичного предложения не состоялась.

Указ вступает в силу со дня его подписания.

Указ Президента Российской Федерации от 30 августа 2025 г. N 611 "О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. N 1380 "О повышении эффективности мер государственной поддержки работников организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации" (документ не вступил в силу)

С 500 до 650 решено увеличить количество ежегодных стипендий для ученых, конструкторов, технологов и других инженерно-технических работников организаций - исполнителей гособоронзаказа за выдающиеся достижения в создании прорывных технологий и разработке современных образцов вооружения, военной и специальной техники в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Также с 1 500 до 1 950 решено увеличить количество ежегодных стипендий для специалистов и молодых (до 35 лет включительно) работников указанных организаций за значительный вклад в упомянутую деятельность.

Указ вступает в силу с 1 января 2026 г.

Указ Президента Российской Федерации от 29 сентября 2025 г. N 690 "О призыве в октябре - декабре 2025 г. граждан Российской Федерации на во-

енную службу и об увольнении с военной службы граждан, проходящих военную службу по призыву"

С 1 октября по 31 декабря 2025 г. на военную службу призовут 135 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, не пребывающих в запасе.

Солдаты, матросы, сержанты и старшины, срок службы по призыву которых истек, подлежат увольнению.

Указ вступает в силу со дня официального опубликования.

Постановления Правительства Российской Федерации

Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2025 г. N 1116 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 390"

До 31 декабря 2030 г. приостановлена выдача отдельных предметов вещевого имущества в мирное время в Вооруженных Силах РФ, Военно-Морском Флоте, в морской авиации, войсках противовоздушной обороны и береговых войсках, являющихся родами войск ВМФ, специальных войсках, войсках обеспечения и охраны органов военного управления ВМФ.

Уточнены отдельные нормы снабжения вещевым имуществом в мирное время.

Пересмотрены нормы снабжения вещевым имуществом личного пользования военнослужащих женского пола ВМФ. Введена норма снабжения для курсантов (военнослужащих женского пола) военно-морских образовательных организаций Минобороны.

Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2025 г. N 1183 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"

Внесены изменения в ряд актов Правительства по вопросам размещения гражданами своих биометрических данных в ЕБС посредством мобильного приложения.

Сформирован механизм очного подтверждения в банке биометрических дан-

ных, размещенных в ЕБС самостоятельно физлицом через мобильное приложение. Предусмотрен сервис для бесплатного повышения уровня ранее зарегистрированной биометрии.

Расширен перечень услуг, которые можно получить по биометрии. Установлен перечень услуг, доступных по подтвержденной в банке биометрии.

Отдельные изменения вступают в силу с 1 марта 2026 г.

Постановление Правительства Российской Федерации от 26 августа 2025 г. N 1276 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"

Скорректированы положения о воинском учете и призыве на военную службу.

Указано, что решение о призыве, не исполненное в период призыва, действительно в течение года. Внесены положения о сообщении призывником, не отправленным к месту службы в период призыва, о возникновении оснований для направления на альтернативную службу, предоставления отсрочки, освобождения от призыва, зачисления в запас, освобождения от воинской обязанности.

Урегулировано создание одной призывной комиссии в двух и более муниципальных районах, муниципальных и городских округах, а также городах федерального значения.

Поправки вступают в силу со дня опубликования.

Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2025 г. N 1312 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2010 г. N 454" (документ не вступил в силу)

Скорректированы дополнительные требования к инвестированию накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих. В частности, их можно будет размещать на счетах, на депозитах в рублях, в инвалюту на счетах в кредитных организациях, которые должны иметь определенный уровень кредитного рейтинга по национальной шкале. Иные требования к банкам исключаются.

Постановление вступает в силу с 14 декабря 2025 г.

Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2025 г. N 1314 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. N 565"

Правительство скорректировало положение о военно-врачебной экспертизе.

В частности, установлено, что в период мобилизации, военного положения или в военное время заключения о категории годности будут действительны с даты их утверждения в течение года после окончания этих периодов.

При отсутствии необходимости в проведении контрольного обследования, по решению вышестоящей военно-врачебной комиссии (вышестоящей военно-врачебно-летней комиссии) или Центра военно-врачебной экспертизы ФСБ повторное освидетельствование может проводиться заочно (по документам). Также граждане, исключенные из добровольческих формирований, могут быть освидетельствованы заочно для определения соответствия требованиям к состоянию здоровья на день их исключения независимо от его причин и времени.

Для контрактников, получивших увечья при участии в боевых действиях, предусмотрено предоставление отпуска по болезни на срок от 30 до 90 суток, который может быть продлен еще на 90 суток. Максимальный срок непрерывного пребывания в отпуске по болезни - 180 суток.

Введены четкие формулировки, указываемые военно-врачебной комиссией в заключениях о причинной связи увечий и заболеваний, полученных в период пребывания в добровольческом формировании.

Постановление вступает в силу со дня его официального опубликования.

Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2025 г. N 1398 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. N 992"

Объединенные стратегические командования военных округов переименованы в управления военных округов. Соответствующие изменения внесены в размеры окладов по типовым воинским должностям в ВС РФ, других войсках и воинских формированиях, подлежащим замещению

военнослужащими, проходящими военную службу по контракту.

Постановление вступает в силу со дня опубликования.

**Приказы
Министра обороны
Российской Федерации**

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 мая 2025 г. N 321 "О внесении изменений в Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденные приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 октября 2016 г. N 680"

Уточнено, что военная полиция Вооруженных Сил РФ исполняет наказание в виде ареста осужденных военнослужащих на гауптвахтах военных комендатур.

Часть поправок связана с утратой Северным флотом статуса оперативно-стратегического командования.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 мая 2025 г. N 325 "Об утверждении Перечня воинских и не воинских должностей, при замещении которых военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации могут быть представлены к присвоению ученого звания"

Минобороны утвердило новый перечень воинских должностей, при замещении которых военнослужащие Вооруженных Сил РФ могут быть представлены к присвоению ученого звания. Также определены не воинские должности.

Прежний перечень признан утратившим силу.

Приказ действует до 1 сентября 2030 г.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 июня 2025 г. N 389 "О внесении изменений в Порядок обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат, определенный приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. N 727"

Минобороны скорректировало условия выплаты военнослужащим надбавок за

работу с гостайной, за стаж в подразделениях по защите гостайны.

Также уточнен порядок оплаты расходов по бронированию и найму жилья в случае вызванной условиями выполнения служебного задания необходимости проживания военнослужащих не в гостинице.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 июля 2025 г. N 477 "Об определении Порядка предоставления социальных гарантий, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2025 г. N 300 "О дополнительных социальных гарантиях членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных государственных органов и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях", в Вооруженных Силах Российской Федерации"

Президент установил, что при получении участником СВО увечья либо заболевания путевка в санаторий и бесплатный проезд туда и обратно также предоставляются одному члену семьи.

В связи с этим Минобороны урегулировало порядок предоставления этих дополнительных социальных гарантий военнослужащим и добровольцам.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 августа 2025 г. N 515 "Об определении Порядка организации в Вооруженных Силах Российской Федерации деятельности по учету лиц, зарегистрированных органами регистрационного учета по месту жительства по адресу воинской части (организации, учреждения, органа), и снятию указанных лиц с такого учета"

Контрактники и проживающие совместно с ними члены их семей, не обе-

спеченные жильем в населенных пунктах, где располагаются воинские части, в которых эти военные проходят службу, или в близлежащих населенных пунктах, могут регистрироваться по месту жительства по адресам этих воинских частей. Они могут сниматься с учета без их согласия по заявлению командира при переводе в другую часть, увольнении, обеспечении служебной квартирой и в ряде других случаев.

Установлен порядок организации в воинской части деятельности по учету лиц, зарегистрированных по месту жительства по ее адресу, и снятию их с такого учета.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 августа 2025 г. N 539 "О внесении изменений в Порядок выдачи удостоверений ветерана боевых действий в Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 9 марта 2023 г. N 111"

Скорректирован порядок выдачи удостоверений ветерана боевых действий в Минобороны.

Удостоверение могут получить в т. ч. военнослужащие, выполнявшие задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию России, а также в ходе вооруженной провокации на границе и территориях регионов, прилегающих к районам проведения СВО.

Учет выданных удостоверений ведется в базе данных о личном составе Вооруженных Сил РФ. Ежегодные отчеты отменяются.

**Обзор подготовлен
с использованием
справочно-правовой системы
«Гарант»**

